ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

7 (4) 2021

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ
RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Современные проблемы управления: акценты и решения.
Памяти Александра Васильевича Тихонова
THEME OF THE ISSUE: Modern problems of management: accents and solutions.
In memory of Alexander Vasilievich Tikhonov

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.
включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК
Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017
Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index
The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 7, №4. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-9338

Volume 7, № 4. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Титаренко Л. Г., доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь; ассоциированный сотрудник Социологического Института РАН, Санкт-Петербург, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: ***Шаповалова И. С.***, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ***Лебедев С. Д.,*** кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: ***Кисиленко А. В.***, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: ***Ляшенко И. В.,*** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Larisa Titarenko, Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; Associate Fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

MANAGING EDITOR: ***Inna Shapovalova***, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: ***Sergey Lebedev,*** Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: ***Anastasey Kisilenko***, Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: ***Igor V. Lyashenko***, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraiymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуччи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарион Ю. В., *доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.*

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, *Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia*

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021
© Belgorod State National Research University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Титаренко Л. Г. Управление в условиях социальной контингентности: субъектность, региональность, цифровизация	5	**Larisa G. Titarenko** Management in the context of social contingency: subjectivity, regionality, digitalization	5
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES**	
Богданов В. С., Леньков Р. В., Мерзляков А. А., Шилова В. А. Институционализация социологии управления в контексте жизненной стратегии ученого: памяти российского социолога, профессора Тихонова Александра Васильевича	18	**Vladimir S. Bogdanov, Roman V. Len'kov, Andrey Al. Merzlyakov, Valentina Al. Shilova** Institutionalization sociology of management in the context of the life strategy of the scientist: in memory of the Russian sociologist, Professor Alexander Vasilievich Tikhonov	18
Мерзляков А. А. Концептуальные основания исследования субъектности населения	33	**Andrey A. Merzlyakov** Conceptual foundations for the study of the population subjectivity	33
Шилова В. А., Быков К. В. Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления	48	**Valentina A. Shilova, Kirill V. Bykov** Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management	48
Демьяненко В. И. Субъектность решения проблем в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации	75	**Vasily I. Demyanenko** Subjectivity of problem solving in regions with different levels of socio-cultural modernization	75
Резанова Е. В. Стратегический анализ региона (на примере Могилевской области Республики Беларусь)	96	**Ekaterina V. Rezanova** Strategic analysis of the region (on the example of the Mogilev region, the Republic of Belarus)	96
Зорина А. Е. Собственное дело в условиях неопределённости: предпринимательские способности как адаптационный ресурс	108	**Anna Ev. Zorina** Owning your own business in the face of uncertainty: entrepreneurial ability as an adaptive resource	108
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		**SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES**	
Лебедева Е. В. Городские сообщества как субъекты местного самоуправления: социологический анализ	123	**Elena V. Lebedeva** Urban communities as local government subjects: a sociological analysis	123
Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В., Нятина Н. В., Бурмакина А. Л. Влияние социальных инициатив населения на инновационное развитие регионов	140	**Elena A. Kranzeeva, Evgeny V. Golovatsky, Anna V. Orlova, Natalya V. Nyatina, Anna L. Burmakina** The impact of social initiatives of the population on the innovative development of regions	140

Панфилова Ю. С. Профессиональные династии в организации: репутационный ресурс или источник напряженности (на примере медицинской и академической профессиональных сфер)	**157**	**Yulia S. Panfilova** Professional dynasties in an organization: a reputation resource or a source of tension (in medical and academic professional fields)	**157**
Муханова М. Н. Трансформация российского села в условиях цифровизации агропромышленного комплекса	**167**	**Maria N. Mukhanova** Transformation of the Russian village in the conditions of digitalization of the agro-industrial complex	**167**
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		**SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE**	
Безнюк Д. К. Религиозный фактор в социальном управлении: опыт социологического прочтения	**180**	**Dmitry K. Bezniuk** Religious factor in social governance: experience in sociological reading	**180**
Ушаков Д. В. Бережливые технологии управления процессами профессиональной самореализации преподавателей	**191**	**Dmitry V. Ushakov** Lean technologies for managing the processes of professional self-realization of teachers	**191**
Зырянов В. В., Одинова А. Д. Корпоративное образование как инструмент формирования организационной культуры	**204**	**Vladimir V. Zyryanov, Anastasia D. Odinova** Corporate education as a tool of organizational culture development	**204**

Редакторская статья

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-1

Титаренко Л. Г.

Управление в условиях социальной контингентности: субъектность, региональность, цифровизация

Белорусский государственный университет, факультет философии и социальных наук, кафедра социологии
ул. Кальварийская, д. 9, Минск, 220004, Республика Беларусь
larisa166@mail.ru
Социологический институт РАН
ул. 7-я Красноармейская, д. 25, Санкт-Петербург, 190005, Россия

Аннотация. В современном мире, отличающемся сложностью, рисками и контингентностью, роль управления трудно переоценить. От эффективности управления зависят экономика, научно-технические инновации, социокультурное развитие, рост качества жизни граждан – как на уровне общества, так и региона. Реализация Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в России также во многом связана с возможностями управления, что подтверждается и многочисленными научными исследованиями. Авторы статей, представленных в номере журнала, в рамках собственных проектов показывают, каким образом можно изучать проблемы управления на уровне отдельной сферы, городского сообщества, профессиональных групп, рассматривают специфику видов управления и реализации стратегических программ в отдельных отраслях и регионах. В целом, они продолжают развивать методики и подходы, разработанные в российской социологии управления. Красной нитью в статьях проходит мысль, что сегодня нужны новые прорывные подходы и технологии управленческого воздействия на процессы развития, и что их эффективность зависит не столько от уровня цифровизации или контроля принятых решений по реализации национальных проектов, сколько от ориентации управления на индивида, на гармоничный учет его интересов и потребностей вкупе с интересами общества.

Ключевые слова: управление; регион; приоритетные направления развития; контингентность; цифровизация; ориентация на человека

Благодарность: Статья подготовлена в рамках международного исследования, поддержанного грантом БРФФИ (№ Г20Р-109).

Информация для цитирования: Титаренко Л. Г. Управление в условиях социальной контингентности: субъектность, региональность, цифровизация // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 5-17. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-1.

Guest editor's opening remarks

Larisa G. Titarenko

Management in the context of social contingency: subjectivity, regionality, digitalization

Belarusian State University, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Department of Sociology
9 Kalvariyskaya St., Minsk, 220004, Republic of Belarus
larisa166@mail.ru
Sociological Institute, Russian Academy of Sciences
25 7-Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg, 190005 Russia

Abstract. In today's world of complexity, risk, and contingent nature, the role of management can hardly be overestimated. The economy, scientific and technological innovation, socio-cultural development, growth of the quality of life of citizens – both at the level of society and the region – depend on the effectiveness of management. In Russia, the implementation of the Priority Directions for the scientific and technological development is largely associated with management capabilities of the power elites. Numerous sociological projects confirm it. The authors of the articles presented in this issue demonstrate within the framework of their own projects, how management problems can be studied at the level of a separate sphere, city community, professional groups. They consider the specifics of management types and implementation of strategic programs in individual industries and regions. In general, the authors contribute to the development of methodology and approaches that are known in the Russian sociology of management. The key issue of the articles is the thesis that today we need new breakthrough approaches and technologies of managerial impact on development processes, and that their effectiveness depends not so much on the level of digitalization or even control on the implementation of the national projects, but on the orientation of management towards the individual, as well as the harmonization of the power interests and the interests of a society.
Keywords: management; region; priority areas of development; contingency; digitalization; human orientation
Acknowledgements. This work is based on the international research supported by the BRFFR (grant No. Г20Р-109).
Information for citation: Titarenko, L. G. (2021), "Management in the context of social contingency: subjectivity, regionality, digitalization", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 5- 17. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-1.

Когда подготовка данного тематического номера журнала велась полным ходом, пришло печальное известие о кончине одного из лидеров российской социологии управления и активного члена редакционной коллегии журнала «Научный результат. Социология и управление», руководителя Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, доктора социологических наук, профессора Александра Васильевича Тихонова. Этот ученый стоял у истоков социологии управления в СССР и России, очень много сделал для ее институционализации в качестве отраслевой научной дисциплины, для ее преподавания в российских высших учебных заведениях. Поэтому редакционная коллегия журнала решила посвятить данный номер памяти замечательного ученого, который пользовался уважением и любовью своих сотрудников по Центру социологии управления и социальных технологий (ЦСУиСТ) и всех коллег-социологов страны. Под руко-

водством А. В. Тихонова было выполнено большое число фундаментальных и прикладных исследований, разработана методология исследований многих проблем в данной отрасли. Будучи много лет руководителем Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии, А. В. Тихонов глубоко осознавал важность проблем управления для развития науки и практики и необходимость социологического сопровождения принятия управленческих решений. В рамках исследований Центра была разработана методология изучения закономерностей становления новых субъектов социальных изменений, подходы к анализу взаимодействия «гражданского общества и властно-управленческих структур» (Тихонов, 2020: 160). Хорошо понимая запросы общества на прорывные управленческие решения и эффективные технологии в условиях модернизации регионов с разным уровнем социокультурной модернизации, А. В. Тихонов сформировал широкую федерально-региональную сеть исследователей проблем управления, которые сегодня работают по всей стране.

Отдавая дань уважения своему руководителю, сотрудники ЦСУиСТ Института социологии ФНИСЦ РАН В. С. Богданов, Р. В. Леньков, А. А. Мерзляков и В. А. Шилова открывают выпуск журнала статьей «Институционализация управления в контексте жизненной стратегии социального ученого: памяти российского социолога, профессора А. В. Тихонова», в которой подробно представлен жизненный путь А. В. Тихонова, показано его становление как ученого, раскрыт его вклад в развитие различных аспектов научной дисциплины и научная значимость теоретико-методологического и прикладного наследия, которое оставил ученый. Достаточно вспомнить, что ученый создал собственную теорию управляемости спонтанных социальных процессов и концепцию социокультурной персонифицированной модели управления, выбирался на высокие научные посты в Российском обществе социологов и Сообществе профессиональных социологов. Под его научным руководством было издано двенадцать коллективных научных сборников, три коллективных монографии, не считая множества научных статей, выпущен первый в России теоретико-прикладной словарь «Социология управления». Его профессиональная деятельность получила высокую оценку научного сообщества: А. В. Тихонов был награжден Серебряной медалью им. П. А. Сорокина и Золотой медалью Российского общества социологов. Сотрудники ЦСУиСТ обещают активно продолжать работу, начатую под руководством ушедшего из жизни ученого, чтобы продолжать развивать его идеи и внедрять их в социальную практику.

Социология управления – современные приоритеты. Почему социология управления оказалась так важна в настоящее время? Фактически, какую бы современную проблему мы ни затронули, она связана с управлением. Возьмем 17 целей устойчивого развития, провозглашенных Организацией Объединенных Наций. Центральное место среди них принадлежит трем целям – экономический рост, социальная интеграция и охрана окружающей среды. Продвижение по пути их реализации предполагает тесную взаимосвязь как этих сфер, так и координацию политических управленческих решений, принимаемых разными странами мира. Универсальные цели, разработанные ООН, лежат в основе многих национальных программ устойчивого развития на 2020-е годы, провозглашенные «десятилетием действий и свершений во имя устойчивого развития»[1]. Фактически, речь идет об иерархии управленческих целей (или, скорее, направлений развития), которая включает глобальный, национальный, региональный и микроуровни, и предполагает широкое взаимодействие между ними. Пока еще на гло-

[1] Повестка дня в области устойчивого развития. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 15.11.2021).

бальном уровне не выработаны общие стратегии сохранения окружающей среды, борьбы против изменения климатических условий, к сожалению, в мире сохраняется высокий уровень бедности. Нет даже плана совместных действий по борьбе против пандемии COVID-19 и предоставления беднейшим странам мира бесплатных вакцин в необходимом количестве. Многие причины такого состояния связаны с отсутствием совместных управленческих решений хотя бы на уровне крупнейших мировых держав в условиях обострившегося политического противостояния на мировой арене. Несколько более эффективно продвигаются цели координации и управления развитием на национальном уровне. В России все больше людей выражает глубокую озабоченность загрязнением среды обитания, в Западной Европе обыденными стали массовые демонстрации «зеленых», выдвигающих национальным правительствам требования, связанные с радикальными изменениями в управлении ресурсами, перераспределении национального богатства и т.п. Это значит, что гражданское общество в разных странах желает активно участвовать не только в местном самоуправлении, но и в управлении на уровне региона и страны.

Важно отметить, что в современных условиях в сфере управления повсеместно используются цифровые технологии, которые позволяют добиться более высокой эффективности воздействия на объекты управления и на организацию их практической реализации. Любая сфера жизнедеятельности общества, в которой получила распространение цифровизация – труда, средств коммуникации, торговли, образования, медицины и т.д. – означает также и внедрение цифровизации и сетевых коммуникаций в управление этими сферами (Богданов и Смирнова, 2020; Титаренко и Карапетян, 2021). Более того, как демонстрируют современные научные публикации, ученые, исследующие управленческие процессы (включая авторов данного номера журнала), сами также активно используют цифровые методы исследований и получают масштабные результаты, которые прежде были невозможны.

Рост благосостояния и качества жизни населения должен стать приоритетным по отношению к росту ВВП и экономике. Только если экономический рост способствует росту качества жизни населения, он будет служить людям. Социальное развитие должно рассматриваться как важнейший приоритет государства, ибо сами по себе технологии, включая управленческие технологии, автоматически не ведут к росту качества жизни. Человекоцентричность управления – переворот в государственной политике и сознании людей: он означает признание необходимости диалога местной и региональной власти с людьми, а не всевластие органов управления, принимающих решения. Ключевая идея человекоцентричного управления – фокус на интересах людей, семей, а не элиты и управленцев. Этот подход используется не только в исследованиях, но и в разных социальных проектах. Один из них – «умный город», знаменующий важные социальные изменения в городской среде, в отношениях власти с людьми (в достижении баланса между лидерством государственных стратегий управления и удовлетворением потребностей и интересов населения). Поскольку в России 75% населения проживает в городах, рост качества жизни горожан – актуальная проблема улучшения качества жизни простых людей. Так, в проекте ВЭБ.РФ, посвященном городам России, на эмпирической базе данных по 12 направлениям социального развития 115-ти городов, изучается индекс качества жизни горожан. Задача вычисления индекса – показать власти, как можно достичь баланса традиционного, этатистского, и нового, ориентированного на человека управленческого подхода[1]. В ряде городов (Салехард, Нижний Новгород, Краснодар) подходы уже сбалансированы, повышен уро-

[1] ВЭБ.РФ представит Индекс качества жизни в городах. URL: https://citylifeindex.ru/ (дата обращения: 8.12.2021).

вень участия населения в управлении, т.е. горожане стали активными субъектами, имеющими возможность влиять на свой город и реализовывать свои интересы. Конечно, между разными субъектами управленческого процесса остаются нерешенные проблемы и противоречия, но субъектный подход в управлении становится все более актуальным.

Для такой огромной страны, как Россия, необходим учет того факта, что в разных регионах социально-экономическое, социокультурное и технологическое развитие находятся на разных уровнях, что обусловливает потребность в специфических подходах и решениях управленческих задач. Идея разноуровневости социокультурных процессов модернизации России, развитая в трудах и исследованиях Н. И. Лапина (Проблемы, 2013; Атлас, 2016), была взята на вооружение при разработке долгосрочных планов развития регионов России. К сожалению, несмотря на адекватную теоретико-методологическую основу этих планов, пока не было достигнуто прорывных результатов. Социологи отмечают, что в регионах управленцы иногда как будто забывают о разноуровневой специфике и пытаются поставить перед подчиненными амбициозные задачи, не соответствующие условиям и ресурсам региона. Они повторяют те ошибки, которые неоднократно рассматривал автор концепции мир-системного подхода Иммануил Валлерстайн, который показал, почему чужие модели модернизации не работают, если их переносят из продвинутых западных стран в развивающиеся страны без учета исторического опыта, традиций, культурной специфики (Валлерстайн, 2004).

Реформирование управленческой сферы не закончено. Управленческая элита как субъект управления не достигла уровня, который необходим для инновационных решений, соответствующих Приоритетам правительства. Население многих регионов также не проявляет активного желания участвовать в решении местных проблем, зачастую предпочитая протестную активность, не приводящую к гармонизации управления.

Важное направление – исследование эффективности практического управления проектами, связанными с реализацией инновационных направлений российских регионов. Социальные инновации могут быть воплощены в жизнь только с учетом уровня уже достигнутого развития региона, наличия соответствующих ресурсов, включая человеческие, и что немаловажно – настроенности, направленности субъектов на реализацию целей проекта. Более того, в современных условиях «неопределенности постмодерна» (Бауман, 1990) требуется многовариантность подходов к решению задач, поскольку по ходу реализации тот или иной подход может устареть, а ситуация потребует быстрой адаптации решений к новым условиям. Эта черта эпохи, называемая также контингентностью (Joas, 2014), проявляется не только в управлении социально-экономическими процессами, но и в духовной сфере, области морали, образования; она требует внимания при решении проблем воспитания молодежи, этнокультурных и межрелигиозных отношений, изучения протестной активности и т.д.

По-прежнему остается злободневной проблема бюрократизации управленческой деятельности. Эта мировая проблема хорошо известна в разных странах и политических системах. Только в идеальной модели Макса Вебера бюрократия представлялась как эффективно функционирующий механизм государственного управления (Вебер, 1990). В реальности бюрократическое управление ассоциируется, скорее, с Кафкой (Кафка, 1989), и борьба с бюрократией посредством создания новых «более эффективных» менеджериальных структур – тупиковый путь. Нужны иные решения, в поиск которых могут внести свою лепту и социологи.

Структура номера. Опубликованные в номере тексты разбиты на три раздела, однако содержательно их можно разде-

лить на две группы: (1) статьи, которые содержат анализ управленческих проблем в разных сферах жизнедеятельности общества на региональном уровне, и (2) статьи, сфокусированные, прежде всего, на методологических проблемах изучения управления в современных условиях социальной неопределенности, роста цифровизации управленческих процессов, а также субъектности самого управления.

Многие идеи, представленные в статьях авторов, работающих в ЦСУиСТ, так или иначе уже известны читателю. Часть результатов их исследований была опубликована в последнем номере «Научного журнала» за 2020 год. В новом номере авторы продолжают разработку методологических подходов и анализ данных проведенных исследований. Вместе взятые, статьи дают представление о том, чем заняты московские социологи управления, разрабатывающие академические проекты. Эти статьи дополняются работами авторов из других учреждений и регионов. Во втором и третьем разделах представлены статьи авторов, работающих по тематике, связанной с развитием города, взаимоотношениями гражданского общества и власти в регионах, профессиональным развитием, переносом успешных социальных технологий, наработанных в одних сферах жизнедеятельности, на другие. Некоторые статьи имеют дискуссионный характер и предполагают, что читатели откликнутся на них в своих работах. В целом, новый выпуск журнала «Научный результат», посвященный проблемам социологии управления, внесет вклад в рассмотрение проблем перехода общества на новую, человекоориентированную управленческую парадигму, и в разработку теоретических и методологических аспектов эмпирического изучения этих проблем с ориентиром на потребности управленческой практики.

Центральное место **в первом разделе журнала «Социология управления»** заняли проблемы субъектности управленческой деятельности, разработанные в ЦСУиСТ, с оценками реализации национальных проектов, а также с разными аспектами регионального развития в рамках подхода, разработанного Н. И. Лапиным.

В статье А. А. Мерзлякова «**Концептуальные основания исследования субъектности населения**» представлен авторский подход к исследованию субъектности граждан, т.е. способности социальной группы проявлять свою активность, отстаивать свои интересы во взаимодействии с органами власти. Как подчеркивает автор, субъектность населения означает, что ситуация взаимодействия с властью становится контингентной, зависимой от интересов населения и может приводить как к согласованию интересов группы с властью, так и к конфликтам между ними. Научная проблема состоит в определении показателей, с помощью которых можно фиксировать проявления субъектности населения и давать ей общую характеристику. При участии автора, ЦСУиСТ провел несколько исследований с использованием опроса, анализа сайтов органов власти, контент-анализа материалов СМИ и социальных сетей. Результаты этих исследований подтвердили, что субъектность можно фиксировать через оценки взаимодействия между властью и обществом, высказанные каждой стороной. Если для гражданского общества важно наличие готовности граждан к такому взаимодействию, их консолидация для участия в управлении, самоорганизация, то власть должна быть готова предоставить второй стороне взаимодействия необходимые для этого условия. Как было выявлено, обе стороны не до конца осознают необходимость поиска компромиссных решений и механизмов эффективного взаимодействия. С одной стороны, несмотря на то, что население накопило достаточный потенциал субъектности, и отдельные социальные группы готовы к взаимодействию с властью, все же на практике преобладает ориентация на конфронтацию. С другой стороны, власть не желает делиться своими функциями и вступать в коммуникацию с гражданским обществом. Механизмы

двустороннего взаимодействия особенно слабы в регионах, что чревато ростом протестного реагирования населения на непопулярные решения власти, падением доверия к властям, вплоть до потери властью способности управлять социальными процессами.

Продолжая тематику субъектности, В. И. Демьяненко в статье «**Субъектность реформирования системы управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации**» анализирует влияние уровня цивилизационного развития региона на взаимоотношения субъектов в процессе управления развитием регионов. Эмпирической основой исследования стал материал 12 российских регионов, которые изучала группа ученых ЦСУиСТ, исходя из методологии, предложенной в концепции социокультурной модернизации Н.И. Лапина. В этом исследовании были определены и интерпретированы характеристики субъектности взаимодействия в решении региональных проблем, позволяющие проводить социологические измерения. Были сделаны выводы о трех основных субъектах процесса управления. Центральные органы управления занимают активную позицию и имеют свое понимание целей развития регионов. Деятельность региональных властей хорошо организована, но вызывает у граждан и экспертов беспокойство возможностью использовать эту власть в частных целях. Население не проявляет активности и интереса в решении общественных проблем, предпочитая решать проблемы самостоятельно. Таким образом, по мнению автора, социокультурный уровень модернизации региона не является ключевым факторам, определяющим особенности взаимодействия субъектов при решении региональных и местных проблем.

В статье В. А. Шиловой и К. В. Быкова «**Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления**» та же проблема субъектности рассмотрена с позиции теоретико-методологических подходов к исследованию активности действующих акторов и возможностей среды, способствующей либо препятствующей эффективному взаимодействию. Авторы полагают, что представители властно-управленческой вертикали всегда имеют четкие ориентации на поставленные им цели и определение эффективных средств их достижения. Для эмпирического исследования всей управленческой цепи, включая интенциональность среды, в ЦСУиСТ были разработаны методология, методы и методики работы с проблемно-ориентированными текстами, проведена классификация моделей управленческих стилей и практик с точки зрения интенциональности их акторов. В представленной статье описана методика работы с проблемноориентированной матрицей интенционального анализа, которая появилась как адаптация интенционального (мотивационно-целевого) анализа Т. М. Дридзе и широко используется в ЦСУиСТ. Чтобы показать интенциональность отдельных стилей управления, авторы провели вторичный анализ собственных данных (2019) из четырех регионов РФ и выявили взаимосвязи между оценкой респондентами управленческого стиля в регионе и оценкой эффективности работы органов власти в регионе /на федеральном уровне в целом.

В статье исследователя из Республики Беларусь Е. В. Резановой «**Стратегический анализ региона (на примере Могилевской области)**» указано, что автор исходит из необходимости гармоничного сочетания позиций региональных властей и населения самого региона. Е.В. Резанова отмечает, что в Беларуси, как и в России, в последние годы важное значение приобретет стратегическое планирование с учетом оценки внутренних и внешних условий развития региона. На примере Могилевской области автор проводит стратегический анализ, опираясь на территориальный и системный подходы. В статье использованы опросные данные, а также анализ статистической и официальной информации, результаты глубинных интервью с

представителями управленческой вертикали, социальной сферы и общественных организаций. Автор выделяет приоритетные направления развития области, которые по своему содержанию соответствуют задачам модернизации региона, достигшего среднего социокультурного уровня развития. Автор подчеркивает значимость сохранения демографического и трудового потенциала региона (в Беларуси население убывает во всех регионах), активизации развития в нем туристической отрасли; повышения роли местного самоуправления посредством широкого использования интернет-ресурсов для взаимодействия населения и органов государственной власти. Статья позволяет сделать вывод о сходстве задач, стоящих перед регионами среднего уровня развития.

А. Е. Зорина в статье «**Собственное дело в условиях неопределенности: предпринимательские способности как адаптационный ресурс**» рассматривает проблемы отношения россиян и самих представителей бизнеса к предпринимательству. Автор, ссылаясь на недостаток эмпирических данных о качествах и способностях предпринимателей в России, подробно обосновывает проблему выявления личностных качеств, способствующих успеху в предпринимательстве. Следуя общим тенденциям развития современного общества, А. Е. Зорина подчеркивает условия неопределенности, связанные с состоянием национальной и глобальной экономики, пандемией, социальной неустойчивостью. В качестве эмпирической базы исследования были использованы данные 27-ой «волны» (2018 год) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)». Автору удалось выделить специфические качества, которыми обладают предприниматели, способные сохранять бизнес в условиях неопределенности. Автор делает вывод, что эти качества являются адаптационным ресурсом, который способствует поддержанию предпринимательской инициативы. Согласно анализу, создателей собственного успешного дела отличают такие качества как высокая степень реализации жизненных планов, планирование своей деятельности, высокие оперативные адаптационные способности, высокий уровень ответственности за рискованные решения; стремление к самостоятельности и независимости в принятии решений в проблемных ситуациях, а также более высокие оценки свободы поступков и суждений, нежели статуса и материального положения. Получился некий «идеальный набор» качеств, репрезентирующих скорее не реальность, а самооценки предпринимателей, некий Я-образ, который может существенно отличаться от образа реального успешного предпринимателя, но, тем не менее, представляющий познавательную ценность.

Во втором разделе «Социальные институты и процессы» помещены статьи, в которых рассматривается местное самоуправление в городе, влияние социальных инициатив граждан на инновационное развитие региона, а также профессиональные династии и их роль в коллективах, трансформация села в условиях цифровизации. В статье белорусского социолога Е. В. Лебедевой «**Городские сообщества как субъекты местного самоуправления» социологический анализ**» исследовательская проблема выявлена как противоречие между потребностью горожан иметь действенные механизмы воздействия на городскую администрацию с целью контроля качества городской среды и отсутствием активных городских сообществ, имеющих удачный опыт такого воздействия и средства влияния на местные властные структуры. В качестве возможного решения проблемы автор предлагает развивать локальные сообщества горожан и вовлекать их в практики по «созданию мест». Однако горожане, как показал авторский опрос жителей Минска, не проявляют активности даже в локальном пространстве своего дома. Наблюдается разрыв между действиями городских властей, опирающихся на собственное пони-

мание нужд развития городской среды, и пассивностью граждан, недовольных многими действиями местной власти, но не предпринимающих шаги по участию в благоустройстве локальной территории. Автором выявлено, что лишь 11% минчан вовлечены в активную практику благоустройства дворов, около четверти на словах готовы это сделать, около трети минчан полностью исключены из субъектной деятельности и не хотят в ней участвовать. Эти данные показывают, что уровень практической активности значительной части горожан, как и уровень осознания необходимости участия в местном самоуправлении, довольно низкие и напрямую не зависят от пола, возраста, образования респондентов, но коррелируют с уровнем коммуникабельности граждан в рамках локального сообщества.

В статье группы авторов из Кемеровского государственного университета «**Влияние социальных инициатив населения на инновационное развитие регионов**» продолжается разработка тематики регионального развития в зависимости от уровня социокультурной модернизации региона. По мнению авторов, современная цифровая эпоха и бурное развитие сетевых коммуникаций создали благоприятные условия для выдвижения социальных инициатив гражданами, причем как на реальном социальном уровне, так и в виртуальном пространстве. Как и в других статьях, здесь также фиксируется противоречие между государством и гражданским обществом в форме несоответствия между пониманием содержания и значимости инициатив, выдвигаемых самим населением, которое рассматривает их как инновационные предложения по развитию региона, и местными властями, предпочитающими реализацию проектов, спущенных «сверху». Выводы авторов о том, что «наиболее содержательные и разнонаправленные инициативы проявляются в наиболее ресурсообеспеченных регионах России» являются вполне логичными и ожидаемыми в рамках теории модернизации, разработанной Н. И. Лапиным. В заключении статьи авторы приводят многие факторы, от которых зависит инновационная активность регионов.

По мнению Ю. С. Панфиловой, автора статьи «**Профессиональные династии в организации: репутационный ресурс или источник напряженности? (на примере медицинской и академической профессиональной сфер»**), профессиональные династии обладают двойственностью: с одной стороны, они являются агентами трансляции профессиональных знаний и норм в обществе, а с другой – группами монополизации ресурсов в рамках определенной профессиональной сферы или института. На основании данных опроса 1500 профессионалов двух указанных сфер в трех городах России, Ю. С. Панфилова пришла к выводу, что «основная функция профессиональных династий заключается в создании монополий». Исходя из субъективных оценок династий, данных нединастийными сотрудниками медицинских организаций и вузов, автор делает акцент на негативных функциях династий, утверждая, что представители династий (по данным опроса) не отличаются более высокими профессиональными качествами, но узурпируют в своих руках управленческую власть, вплоть до передачи должностей в организациях по наследству.

Авторская позиция предполагает дискуссию. В советское время роль профессиональных династий изучалась на примере рабочих профессий и инженеров и рассматривалась позитивно, в ракурсе передачи трудовых традиций и человеческого капитала. Немало было исследований династий учителей, где профессия передавалась из поколения в поколение. Профессиональные династии школьных учителей служили объектом исследований накопления культурного капитала в деревне, регионе, городе, т.е. на горизонтальном уровне, не связанном с административной властью. В условиях постсоветской модернизации общества исследо-

вание профессий стало больше интересовать ученых в ракурсе устойчивости на рынке труда и изменения социальной структуры (Мансуров, Юрченко, 2020). Ю. С. Панфилова анализирует профессиональные династии в рамках дихотомии «репутационный ресурс – источник напряженности в коллективе». Автор фокусируется на негативных аспектах наличия в коллективах представителей известных медицинских/академических семей. Автор вскрывает факты создания монополий в профессии, поддержания карьерных преимуществ и других неконкурентных факторов, которые используются профессиональными династиями в корыстных целях, вплоть до «передачи по наследству» управленческих должностей. Вряд ли есть основания обобщать полученные опросные данные, скорее, они характерны для небольшого круга профессионалов, достигших высот административной власти и тем самым перешедших в группу «эффективных менеджеров». А менеджеры – будь то в медицине или академическом учреждении – уже не столько профессионалы, сколько члены управленческой элиты, они следуют иным «правилам игры» (Горшков, 2021: 44). Проблема, видимо, не столько в династиях, сколько в наличии сословных и даже клановых отношений, а также в чрезмерном разрыве между ресурсами, находящимися в распоряжении элит (включая профессиональные) и рядовых представителей профессий.

Статья М. Н. Мухановой «**Трансформация российского села в условиях цифровизации агропромышленного комплекса**» также содержит дискуссионные аспекты. Она посвящена рассмотрению социально-структурных процессов, проходящих в российском селе. Автор связывает их, прежде всего, с задачами цифровизации АПК, формированием стратегического управления сельским хозяйством и с действиями государства, которые направлены на технологическое переоснащение производства. Эмпирической базой исследования автора стали большие массивы данных лонгитюдного исследования Росстата, проведенного с 2011 г. по 2020 г. Опираясь на многотысячные выборки, М. Н. Муханова пришла к выводу о фрагментации процессов цифровизации в сельском хозяйстве. Автор констатирует, что цифровизация охватила, прежде всего, крупнейших производителей, получающих масштабные государственные инвестиции. Наряду с ними на селе имеются традиционные технологические структуры, не вовлеченные в цифровизацию. Идет сокращение специалистов высокой и средней квалификации при росте специалистов сферы обслуживания, есть рост групп руководителей органов власти и неквалифицированных работников. Несмотря на явную тенденцию к миграции сельского населения в города и уменьшения занятости в сельском хозяйстве, автор делает вывод о расширении институциональных возможностей жителей села за счет роста занятых в несельскохозяйственных отраслях в неформальном секторе. Эти тенденции автор характеризует как переход села «к следующему этапу рыночной экономики», на которой «сельский труд становится отраслью индустриально-интеллектуального труда». Не вдаваясь в полемику, согласимся, что приведенные в статье данные подтверждают: цифровая трансформация не происходит одинаково на селе и в городе, в сельской местности ее границы определяются теми условиями и потребностями, которые имеют место в конкретном регионе.

Читатель, несомненно, получит удовольствие от ознакомления **со статьями третьего раздела журнала – «Социология духовной жизни».** Эти тексты раскрывают некоторые тенденции, связанные с корпоративной культурой и технологиями управления в сфере религии и образования.

В статье социолога из Беларуси Д. К. Безнюка «**Религиозный фактор в социальном управлении: опыт социологического прочтения**» рассматривается проблема выявления и реализации управ-

ленческого потенциала религии в условиях секулярного общества. Автор выделяет характеристики любой современной религии, которые раскрывают ее управленческий потенциал, возможности использовать ее понятия, символы, идеологию для утверждения определенного порядка и норм, выражающих интересы определенного класса или слоев населения. Как показал автор, в феномене современной культуры обнаруживается парадоксальная ситуация совпадения требований рационального управления с характером поведения верующего человека. Это совпадение реализовано в корпоративной культуре, построение которой следует логике религии. На практике это стирание границ между светским и сакральным может привести к опасной подмене одного другим.

Статья Д. В. Ушакова «**Бережливые технологии управления процессами профессиональной самореализации преподавателей**» построена на эмпирических данных, полученных в диагностическом комплексном исследовании автора, сочетающем количественно-качественный подход и комбинацию исследовательских методов и техник. Были выявлены разные типы стратегий профессиональной реализации молодых преподавателей колледжа и сопоставлены оценки результатов их работы администрацией, коллегами, студентами Автор раскрывает возможности использования технологий ресурсосберегающего (гуманистического) типа в процессе самореализации молодых преподавателей в вузе в условиях усиленного давления на личность преподавателя традиционных технологий, близких методам ритцеровской макдональдизации. В отличие от них, гуманистические технологии позволяют молодым преподавателям адаптировать профессиональные усилия и получать удовлетворение своим трудом; они дают возможность принимать такие управленческие решения, которые способствуют сохранению молодых кадров в системе образования. Автор рассматривает профессиональную самореализацию как нахождение молодыми преподавателями баланса между необходимостью исполнять социальные роли, навязываемые вузом, и возможностью сохранить свою индивидуальность, творческий потенциал. Справедливо критикуя разрушительную систему навязанного науке и образованию «эффективного менеджмента», критикуемую многими российскими учеными (Горшков, 2021: 30), автор видит выход в применении «бережливых» технологий в процессе самореализации педагогов, которые становятся инструментами защиты от профессиональных и эмоциональных кризисов. По мнению Д. В. Ушакова, именно бережливые по отношению к молодому педагогу технологии воздействия помогают раскрыть его творческий потенциал, развить профессиональное достоинство и любовь к профессии.

В статье В. В. Зырянова и А. Д. Одиновой «**Корпоративное образование как инструмент формирования организационной культуры**» представлены результаты экспертного опроса 20 руководителей, практикующих регулярное обучение сотрудников своих компаний с целью повышения уровня корпоративного образования и роста организационной культуры компании. Важными стимулами этого процесса в последние два года, когда и проводилось авторское исследование, стали цифровизация труда и дистанционная работа в условиях пандемии. Опираясь на полученные экспертные данные, авторы выявили позитивные тенденции в развитии корпоративного образования, его положительное влияние на организационную культуру членов компаний. Корпоративное обучение, по мнению экспертов, способствует поддержанию стабильности организации, помогает оперативно реагировать на требования к компетенциям работников, осуществлять своевременную подготовку кадрового резерва. Вместе с тем, оборотной стороной корпоративного образования является негативная тенденция

расширения практик прекаризации труда сотрудников компаний, что имеет место при расширенном (особенно в условиях пандемии) наборе персонала для реализации кратко- и среднесрочных проектов, типичных в условиях спада производства и потребления. Общий вывод авторов состоит в констатации противоречивости процессов трансформации организационной структуры современных предприятий в условиях неопределенности рынка и продолжающейся цифровизации экономики.

Список литературы

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Колл. научный труд. Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. 360 с.

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Богданов В. С., Смирнова А. С. Проблема социологического измерения социально-сетевого группообразования в условиях реализации российских национальных проектов // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 146-168.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Горшков М. К. Учёные записки ФНИСЦ РАН. Вып. 10. Острые проблемы современной российской науки. М.: ФНИСЦ, 2021. 64 с.

Кафка Ф. Избранное: Сборник: Пер. с нем. / Сост. Е. Кацевой; предисл. Д. Затонского. М.: Радуга, 1989. 576 с.

Мансуров В. А., Юрченко О. В. Воспроизводство культурного капитала в профессиональных династиях // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. М.: РОС, 2020. С. 1600-1607.

Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2013. 415 с.

Титаренко Л. Г., Карапетян Р. В. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси // Журнал БГУ. Социология. 2021. № 1. С. 52-69.

Тихонов А. В. Проблемы социального группообразования в регионах РФ с разным уровнем социокультурной модернизации: адекватные ответы на стратегические вызовы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 160-178.

Joas H. The Age of Contingency // Faith as an Option. Possible Futures of Christianity. Redwood City: Stanford University Press, 2014. 204 p.

Wallerstein I. World-Systems Analysis. An Introduction. Durham and London: Duke University Press, 2004. 109 p.

References

Atlas of Russia and its regions modernization: socio-economic and socio-cultural trends and problems (2016), in Lapin, N. I. (ed.), VesMir, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Bauman, Z. (2008), *Liquid Modernity*, Piter, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Bogdanov, V. S. and Smirnova, A. S. (2020), “Problems of sociological measurement of social and network group formation in the context of national projects implementation”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (4), 146-168. *(In Russian)*

Weber, M. (1990), Selected Works, Progress, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Gorshkov, M. K. (2021), *Scientific notes of FNISC RAS, Acute problems of modern Russian science*, vol. 10, FNISC RAS, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Kafka, F. (1989), *Selected works*, Raduga, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Mansurov, V. A. and Yurchenko, O. V. (2020), “Reproduction of cultural capital in professional dynasties”, in *Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions*, RSS, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Problems of socio-cultural modernization of Russian regions (2013), in Lapin, N. I. and Belyaeva L. A. (eds.), Academia, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Titarenko, L. G. and Karapetyan, R. V. (2021), “Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of the indicators of Russia and Belarus”, *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, (1), 52-69. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2020), “Problems of social group formation in regions of the Russian

Federation with different levels of socio-cultural modernization: adequate responses to strategic challenges", *Reforming Russia*, 18, 160-178. *(In Russian)*.

Joas, H. (2014), "The Age of Contingency", in *Faith as an Option. Possible Futures of Christianity*, Stanford University Press, Redwood City.

Wallerstein, I. (2004), *World-Systems Analysis. An Introduction*, Duke University Press, Durham and London.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2021 г. Поступила после доработки 30 ноября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 15 November 2021. Revised 30 November 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Титаренко Лариса Григорьевна, доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь, ассоциированный сотрудник Социологического Института РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Larisa G. Titarenko, Doctor of Science in Sociology, Professor, Department of Sociology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, Associate Researcher, Sociological Institute, St. Petersburg, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Редакторская статья (памяти редактора)

УДК 316.77 **DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-2**

Богданов В. С.
Леньков Р. В.
Мерзляков А. А.
Шилова В. А.

Институционализация социологии управления в контексте жизненной стратегии ученого: памяти российского социолога, профессора Тихонова Александра Васильевича

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru
r_lenkov@mail.ru
merzliakov@mail.ru
vshilova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена памяти руководителя Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, доктора социологических наук, профессора Александра Васильевича Тихонова. Читателю представлены важные жизненные этапы выдающегося российского ученого, которые оказали большое влияние на его мировоззрение и определили становление теоретических оснований и методологии организации отраслевой научной и образовательной дисциплины «Социология управления».

Ключевые слова: институционализация управления; социология управления; институт социологии; вехи биографии; А. В. Тихонов

Информация для цитирования: Богданов В. С., Леньков Р. В., Мерзляков А. А., Шилова В. А. Институционализация социологии управления в контексте жизненной стратегии ученого: памяти российского социолога, профессора Тихонова Александра Васильевича // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 18-32. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-2.

Editorial article (in the memory of the editor)

Vladimir S. Bogdanov
Roman V. Len'kov
Andrey Al. Merzlyakov
Valentina Al. Shilova

Institutionalization sociology of management in the context of the life strategy of the scientist: in memory of the Russian sociologist, Professor Alexander Vasilievich Tikhonov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 24/35, 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
valarf@mail.ru
r_lenkov@mail.ru
merzliakov@mail.ru
vshilova@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the memory of the head of the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science in Sociology, Professor Alexander Vasilyevich Tikhonov. The reader is presented with important life stages of an outstanding Russian scientist, which had a great influence on his worldview and determined the formation of the theoretical foundations and methodology for organizing the branch scientific and educational discipline "Sociology of Management".

Keywords: institutionalization of management; sociology of management; institute of sociology; milestones in biography; A. Tikhonov

Information for citation: Bogdanov, Vl. S., Len'kov, R. V., Merzlyakov, An. Al. and Shilova, V. Al. (2021), "Institutionalization sociology of management in the context of the life strategy of the scientist: in memory of the Russian sociologist, Professor Alexander Vasilievich Tikhonov", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 18-32. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-2.

От коллектива Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН. Мы благодарны редакционной коллегии журнала «Научный результат. Социология и управление» за предоставленную возможность опубликовать статью памяти выдающего российского ученого, социолога, педагога, руководителя, старшего коллеги, товарища и друга – Александра Васильевича Тихонова.

А. В. Тихонов считал членов редколлегии журнала стратегическими региональными партнерами, с которыми удалось организовать эффективную научную коммуникацию по обсуждению научно-исследовательских проблем институционализации отечественной системы управления. Это позволило транслировать не только новые идеи, но и теоретико-методологические прорывы по результатам выполненных нашим Центром фундаментальных и прикладных исследований в проблемном поле отраслевой научной и образовательной дисциплины «Социологии управления».

Все сотрудники Центра испытывают сегодня острую боль утраты и, пользуясь возможностью, хотели бы выразить слова признательности и благодарности А. В. Тихонову за годы нашей совместной научной работы в дружеской атмосфере взаимной поддержки и доверия, пронизанной всеобщим стремлением к получению объективного социологического знания и фактов. Александр

Васильевич, как человек команды, научил нас академической работе, умению вести научную дискуссию, слушать, слышать, а, главное – «читать друг друга». Он был по своему характеру подвижником, работал много, с полной отдачей, не жалея сил и времени, которое отдавал любимому делу. Для него были характерны острый ум, отличная память, стратегическое системное мышление, прозорливость, молниеносная реакция, умение быстро проникать в самую суть вопроса, давать объективную оценку, оперативно принимать единственно верное решение. Как и полагается крупному ученому и общественному деятелю, всегда мыслил масштабно, внимательно следил за деятельностью властно-управленческой вертикали и политической ситуацией в России, прекрасно разбирался в законодательной стороне вопроса, имел принципиальную гражданскую позицию и демократические взгляды. Он был ответственным и дисциплинированным, глубоко порядочным, честным, принципиальным и справедливым человеком, никогда не шел на компромиссы, если это противоречило его научным взглядам и позиции ученого.

У А. В. Тихонова, как ученого, была собственная научная и практическая миссия: первая связана с аспектами институционализации социологии управления как социологической отрасли и научной дисциплины, вторая – с институционализацией отечественной системы управления путем реформирования с позиции академической науки.

За 16 лет работы в Институте социологии ФНИСЦ РАН в должности руководителя Центра социологии управления и социальных технологий очень многое успел сделать, бережно сохранив наследие предыдущего руководителя Центра (ранее «Сектора») – Тамары Моисеевны Дридзе. Под его руководством закрепилась традиция проведения ежегодных Дридзевских чтений, отдельные из которых стали крупными научными мероприятиями по социологии управления в стране.

Большое внимание уделял вопросам раскола и сплоченности российского общества. В связи с этим активно поддерживал традицию проведения научных конференций, посвященных творчеству А. С. Ахиезера, в первую очередь нацеленных на преодоление цивилизационного раскола в российском обществе путем становления теории медиации и медиационных процессов в реформирующейся России.

На базе Центра по его инициативе была создана Лаборатория исследований проблем инфосоциальных технологий, в рамках которой проведены многочисленные исследования, в том числе по грантам крупнейших фондов – РГНФ, РФФИ и РНФ, а также по Программе Президиума РАН. Результаты исследований легли в основу двенадцати коллективных научных сборников и трех коллективных монографий под его научной редакцией. Был выпущен первый в России теоретико-прикладной словарь «Социология управления» (Социология управления, 2015).

Профессор А. В. Тихонов сумел вывести Центр социологии управления и социальных технологий на лидирующие позиции по социологии управления в стране, сформировав широкую федерально-региональную сеть исследователей проблем управления. Научная интуиция ученого, которой обладал Александр Васильевич, всегда позволяла Центру опережать запросы практики управления и иметь запас готовых технологических решений на годы вперед.

Становление мировоззренческих и социологических взглядов ученого, определившее в перспективе основы теории социологии управления. Формирование А. В. Тихонова, как талантливого педагога и ученого-методолога, происходило в конце 1970-х годов в стенах университета марксизма-ленинизма Ле-

нинградского горкома КПСС, где на отделении социологии и социальной психологии он читал курс «Методология и методика социологических исследований», который фактически был полноценным курсом по общей социологии. Курс начинался с истории социологии как науки, обзора основных социологических концепций и заканчивался методикой проведения эмпирического социологического исследования. Мастерство выдающегося ученого позволило развернуть на лекциях картину настоящей «науки об обществе». Вопросов у студентов о «развитом социализме» было много, поэтому занятия часто заканчивались дискуссией по поводу реального социализма, так отличающегося от теоретических построений марксизма. Дискуссии затрагивали самые острые вопросы, а ответы не сводились только к тому, что это результат уничтожения социологии в сталинский период. Речь шла о марксистско-советской социологии, чьей задачей и являлось изучение общества для его совершенствования.

Вокруг А.В. Тихонова сложился кружок энтузиастов из молодых коммунистов, работающих в различных организациях и предприятиях Ленинграда, интересующихся социологическими исследованиями. Позже кружок перерос в общественную социологическую лабораторию при отделении социологии и социальной психологии. Для чтения лекций по различным направлениям «социологических теорий среднего уровня» он приглашал ведущих специалистов: В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова, О. И. Шкаратана, И. С. Кона, С. И. Голода, Б. М. Фирсова, А. В. Баранова – основателей советской и российской социологии, создателей и представителей «Ленинградской социологической школы». Можно сказать, что и само отделение социологии и социальной психологии было «проектом» этой школы.

В начале 1980-х годов в общественной лаборатории была разработана методология исследования «Политическая культура советского человека». Позднее работа по этому проекту переместилась в лабораторию проблем профсоюзного движения при Высшей профсоюзной школе культуры, заведующим которой стал А. В. Тихонов. В новой лаборатории был проработан полевой этап анкетного опроса в организациях и на предприятиях Ленинграда. В итоге удалось выделить представительную выборку, получить более 2 тыс. анкет, обработать их в одном из вычислительных центров города. По результатам исследования в 1983 году опубликован сборник статей «Политическая культура советского человека» (Тихонов, 1983).

С конца 1980-х годов Александр Васильевич вступил в должность заведующего кафедрой социологии и социальной психологии Ленинградской Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Партийная школа в 1991 году была преобразована в Политологический институт, позднее – в Северо-Западный кадровый центр и в Северо-западную академию государственной службы. В это время основным направлением его научной работы становится изучение социальной политики. Как ученый-практик, считал, что надо в корне менять политику, которая осуществлялась в Советском Союзе «по остаточному принципу», что при ее реализации требуется исходить из реальных потребностей людей.

В 1991 году оставив заведование кафедрой социологии и социальной психологии, перешел на работу в Ленгорисполком на позицию заместителя председателя по социальной политике. Данную сферу он рассматривал в качестве социального эксперимента и возможности на практике реализовать свои идеи по ее изменению. Позже по результатам включения в реальную практику муниципального управления отмечал, что приобрел очень интересный опыт на этом посту и понял, каким образом реально управляется город. В это время у него рождается творческая идея о создании отраслевой научной и образовательной дисциплины социологии управления. Осуществление задуманного начина-

ется в январе 1992 года, когда произошло возвращение в научную сферу в качестве заведующего кафедрой социологии и социальной психологии в Северо-западном кадровом центре. Главным отличием и основанием социологии управления от традиционной социологии менеджмента стало изучение социологическими методами процессов управления как социальных объектов. Однако руководство кадрового центра оказалось приверженцем консервативных взглядов и не оценило инновационный потенциал идеи. Поэтому в середине 1993 года он оставляет руководство кафедрой, но продолжает по согласованию с руководством преподавать на созданной им кафедре, читая и совершенствуя курс «Социология управления». В 1993-1994 годах организовал проведение ряда исследований, посвященных изучению рисков ведения бизнеса в России того времени. Это стало прорывным моментом в рамках направления «Социология риска». Причиной зарождения и развития данного направления связанно с неожиданным поворотом в судьбе ученого, а именно с его опытом работы в частной страховой компании, которую он возглавил и вывел в число ведущих страховщиков в городе. Шутя с коллегами, Александр Васильевич часто говорил, что таким образом наука в его лице показывает свою производительную силу, и подчеркивал, что не занимается бизнесом, а лишь осуществляет включенное наблюдение за управлением бизнесом в рамках социологии управления.

С начала 1990-х годов и по 2000 год активно шла работа над монографией «Социология управления. Теоретические основы» (Тихонов, 2000), которая была опубликована в июле 2000 года. Осенью этого же года на основе монографии на социологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета прошла защита диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук по теме «Теоретико-методологические основы социологии управления как отраслевой научной дисциплины» по специальности 22.00.08 – «Социология управления» (Тихонов, 2000). Тем самым А. В. Тихонов подтвердил свой статус ведущего специалиста в данном направлении социологии и статус самой социологии управления, как отраслевой социологической теории.

Чуть позже, в июле 2003 года, вступив в должность директора Санкт-Петербургского Социологического института РАН, организовал новое научное направление «Социология инноваций», объясняя это необходимостью и перспективой перехода страны на инновационный путь развития. Данное направление органично вытекало из курса «Социология управления», где был раздел «Инновации в организациях», который основывался на работах Н. И. Лапина (Лапин, 1976) и А. И. Пригожина (Пригожин, 2003). Для решения теоретических и прикладных задач «Социологии инноваций» был создан специальный сектор социологии науки и инноваций, в работе которого, начиная с 2004 года, приняли участие Е. А. Иванова, Б. Г. Тукумцев и Б. И. Максимова. Сектор просуществовал до 2016 года, работая по программе исследований, намеченной А. В. Тихоновым.

В 2005 года питерское время научных изысканий и прикладных исследований закончилось. Был оставлен пост директора института, состоялся переезд в Москву, где в должности руководителя Центра социологии управления и социальных технологий, последние 16 лет жизни были посвящены главному поиску, связанных с установлением и обоснованием фундаментальных оснований социологии управления.

В целом московский период стал самым плодотворным и значимым в научной биографии А. В. Тихонова. В частности, эти годы были посвящены усилению позиций Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН, созданию и развитию Лаборатории исследований проблем инфосоциальных технологий, наращиванию

теоретического знания, методологическим разработкам, преподавательской деятельности, общественной работе по укреплению позиций социологии и социологии управления, в частности, многочисленным прикладным исследованиям.

Переезд ученого в Москву совпал с началом реформы Российской академии наук и первое исследование, инициированное в качестве руководителя Центра, было посвящено данной проблематике. В 2006 году был проведен первый интерактивный опрос научных работников РАН: «Какая реформа науки нам нужна?» Проанализировав данные А. В. Тихонов, высказывал опасения в том, что реформа может оказаться «верхушечной» и односторонней, без заинтересованного участия самих ученых и предлагал использовать внутренний интеллектуальный потенциал научного сообщества для поэтапного реформирования управленческой системы РАН. Разработанный электронный вопросник положил начало развитию инфокоммуникативных технологий сбора данных и многочисленным онлайн исследованиям проблем управления, проведенных в дальнейшем Центром.

Изначально Александр Васильевич придавал огромное значение технологиям научного самоанализа и методам исследования проблем управления. Под его редакцией в 2010 году выходит первая коллективная монография Центра, которая так и называется «Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований» (Социология управления, 2010). В монографии делается акцент на проблеме управляемости социальных процессов, раскрывается понимание стратегии социологии управления как научно-исследовательской программы, описывается методология организации социологического исследования проблем управления.

В 2009 году под руководством А. В. Тихонова при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований начинается исследовательская работа по обобщению и систематизации методологических подходов и результатов эмпирических исследований в предметной области социологии управления. Проект продлился с 2009 по 2011 год и продолжился в 2012-2014 годы, расширив свои отраслевые границы. Коллектив перешел к сопоставлению методологических подходов и результатов эмпирических исследований в области управления в экономических и социологических дисциплинах. Была использована кумулятивная стратегия, позволившая дать оценку теоретико-методологического уровня докторских и кандидатских диссертаций по социологии управления. Проведенное аналитическое исследование обладало оригинальностью и новизной. До этого момента в российской и зарубежной практике ничего подобного не предпринималось. В анализ попали 44 автореферата докторских и 210 кандидатских диссертаций. Полученные результаты оказались удручающими. Были выявлены многочисленные методологические ошибки при переводе проблем практики управления в научно-теоретическую форму, несоответствие выдвигаемых гипотез основному вопросу исследования, отсутствие целостного описания прикладных исследований. Реализация данного проекта позволила сформировать целостное представление о состоянии отраслевого знания, ключевых проблемах и стоявших на повестке дня актуальных вопросах социологии управления (Социология управления, 2014).

Параллельно в 2010 году начинается работа над толковым прикладным словарем по социологии управления. Формируется научный коллектив из числа ведущих российских социологов в области социологии управления. В состав научного коллектива входят 27 докторов и 19 кандидатов наук, 7 специалистов с высшим образованием. Ведется научно-методологическая работа по разработке словника, структуры взаимосвязи понятий, разрабатывается образец написания аналитической статьи. По существу, данная работа стала самостоятельным аналитическим исследованием, в ходе которого был собран крупный массив

терминов – более 1200. В итоге отобрано 500 терминов, вошедших в окончательный список. Издание словаря стало важной вехой в биографии А. В. Тихонова, став еще одной ступенькой институцианализации российской социологии управления. 40 аналитических статей словаря написаны лично Александром Васильевичем. В них обозначены ключевые проблемы, которые он видел в теоретическом, методологическом и прикладном поле социологии управления на тот момент (Словарь, 2015).

В 2017 году выходит еще одно, не менее значимое издание – коллективная монография «Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов», ставшая результатом работы по гранту РНФ №15-18-30077. В монографии представлены результаты фундаментального исследования социальных и социологических проблем реформирования системы управления в стране, в частности, рассмотрены противоречия между государством и обществом с позиций теории «общественного договора». Впервые дана трактовка властно-управленческой вертикали (ВУВ) как гибридного институционального регулятора этих противоречий в условиях современных вызовов и угроз. Отдельно следует отметить, что исследовательская работа корреспондируется с исследованием ЦИСИ ИФ РАН под руководством Н. И. Лапина (Атлас, 2016), а именно в исследовании Центра закладываются основания для отбора определенных регионов с различным уровнем социокультурной модернизации для изучения одной из 4-х составных регуляторных компонент социокультурной модернизации – институционально-регулятивной компоненты.

Для достижения намеченных целей и задач впервые в социологической практике был задействован комплекс социологических методов и методик для исследования отношения различных групп и категорий населения к условиям жизни в регионах и к работе органов власти и управления: массовый репрезентативный опрос, экспертный опрос, контент-анализ публикаций СМИ и данных социальной сети «ВКонтакте», материалы статистической отчетности. Такой практике использования методологии организации и проведения онлайн-исследований предшествовала серьезная научно-исследовательская и экспериментальная работа по разработке методик онлайн-сбора и анализа информации по проблемам управления. В частности, работа велась более 10 лет в рамках исследовательского проекта «Социальная диагностика и социотехническое прогнозирование инновационного развития экономики», осуществленного в ходе реализации комплексной программы научных исследований Президиума РАН «Прогноз технологического развития России с учетом новых мировых интеграционных процессов (содержательные, экономические и институциональные аспекты). В итоге в Центре социологии управления и социальных технологий было подготовлено и проведено более 12 дистанционных исследований, разработан и апробирован «Комплексный интерактивный продукт», включающий в себя методико-технологические элементы диагностики, контроля реализации и разработки корректирующих управленческих воздействий в ходе осуществления проектных решений. Разработанный инструментарий (массовый опрос в связке с онлайн-опросом населения в сети «ВКонтакте») был успешно применен и в ходе прикладного исследования «Оценка жителями строительных проектных решений» в практике строительного комплекса г. Москвы для подготовки проектных решений строительства транспортно-пересадочных узлов и новых станций метрополитена. В настоящее время по результатам обозначенной методико-методологической работы ведется подготовка коллективной монографии Центра «Когнитивные технологии управления: социолого-управленческий аспект».

Необходимо несколько слов сказать о профессиональной общественной деятельности А. В. Тихонова.

На протяжении долгих лет он занимает позицию первого федерального вице-президент Российского общества социологов (РОС) по координации научно-исследовательских проектов, а с 2008 года под его руководством учреждается исследовательский комитет РОС «Социология управления». Работа комитета объединила не только исследователей из России, но и Белоруссии, Казахстана и других бывших республик СССР. Александр Васильевич принял активное участие в работе Программного комитета III-VI Всероссийских социологических конгрессов. Под его руководством состоялись многочисленные конференции и семинары РОС. Российское общество социологов высоко оценило его организационную и общественную работу, наградив званиями: «Почетный член РОС» и «Заслуженный деятель РОС», в числе первых – Золотой медалью РОС имени Максима Ковалевского. В 2006 году А.В. Тихонов становится членом Сообщества профессиональных социологов, с 2007 года по 2021 год является Членом Президиума Правления организации, принимая активное участие в его работе.

Как было замечено ранее, Александр Васильевич всегда большое внимание уделял педагогической работе. В период 2008-2010 годов он активно продолжил образовательную деятельность, читая лекции в Российской академии государственной службы для магистров. Примерно с этого же периода начинает читать авторский курс по социологии управления для студентов Государственного академического университета гуманитарных наук. За период работы в Москве под его руководством защищается 2 докторских и 7 кандидатских диссертаций.

С 2011 года начинается сотрудничество Центра социологии управления и социальных технологий с Академией управления МВД России. В связи с закрытием диссертационного совета в Академии, часть адъюнктов начинают готовить свои диссертационные работы под руководством доктора социологических наук, профессора В. Б. Коробова, и научном консультировании профессора А. В. Тихонова. Александр Васильевич возлагает большие надежды на данное сотрудничество и уделяет большое внимание социологической подготовке и научному росту кадрового состава Академии МВД. Первая диссертационная работа Ф. В. Лидер «Особенности использования структурно-функционального подхода в управление органами внутренних дел: социологический подход» прошла защиту в диссертационном совете Института социологии РАН в 2012 году, а последняя – работа И. Н. Васильевой в 2019 году, в диссертационном совете ФНИСЦ РАН.

За период руководства Центром проведено большое количество теоретических и методологических семинаров, круглых столов, пятнадцать Дридзеских чтений (ежегодно), пять всероссийских конференций с международным участием, посвященных проблемам социологии управления, крупнейшими из которых стали всероссийская конференция «Диагностика власти и управления: коммуникативные механизмы и «двойные стандарты» (2015) и международная научно-практическая конференция «Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации» (2017).

В 2020 году Центр социологии управления и социальных технологий проводит две масштабные конференции к 90-летию со дня рождения Александра Самуиловича Ахиезера и Юбилейные XX Дридзевские чтения памяти Т. М. Дридзе. Мероприятия собирают ведущих специалистов в области философии, социологии, культурологии, градостроительства, архитектуры и др. и получают широкий научный резонанс.

Современное состояние и перспективы социологии управления как отраслевой научной и образовательной дисциплины. Дисциплина «Социология управления» как составная научная

единица отраслевой социологии, «пережившая вместе с сообществом одновременно глубочайший кризис российского общества и в тоже время с «думой о нем»» (Тихонов, 2013), продолжает интегральный поиск путей возрождения и изучения социальных механизмов. Это происходит в новых, еще не до конца ясных формах идентичности и их возможной регуляции в условиях не до конца рационально оформленного и выделенного практически отечественного института управления. Подобные изыскания осложняются научной и практической проблемами.

Научная проблема связана с дисциплинарной организацией социологии, объединяющей теории разных уровней общности с уровнем эмпирических исследований, реализацией возможности перенастройки ее научных оснований, содействуя переходу от стадии преднауки к стадии науки (Тихонов, 2011). Такой переход обусловлен становлением «картины мира» постнеклассической науки, подразумевающей принятие единой концепции универсального эволюционизма и разработку новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного социокультурного развития. Требуется уточнение и обогащение содержания категорий постнеклассической науки, наиболее общих понятий ее теории – объекта, метода, факта (социального и социологического), обоснования, объяснения, научной новизны, стратегии исследования. Это задает новые критерии научности самой социологии, позволяет более гибко регулировать постановку фундаментальных научных проблем и целенаправленно транслировать представления и принципы из одной научной дисциплины в другую. По В. С. Степину, подобная глобальная научно-исследовательская программа может стать основой формирования более конкретных, дисциплинарных исследовательских программ (Степин, 2010: 610). Заметим, что социология управления, как специальная дисциплина, уже выбрала курс на формирование и реализацию научно-исследовательской программы изучения процессов институционализации управления, учитывающей подготовку артикулированных стадий, этапов и элементов методологической организации получения нового знания о субъектах и объектах управления.

Практическая проблема связана с укреплением положения дисциплины «Социология управления» в системе «власть – общество – наука». Здесь предстоит решить вопрос, связанный с преобразованием действующего «политического класса» (элиты) в «умную элиту», которая смогла бы выступить реальным заказчиком на знания социальных наук с последующей их адаптацией к нашим условиям и созданием механизма социального управления. Потенциал научно-практической интеграции управленческих знаний и практик может стать катализатором построения познавательно-рациональной платформы для ответа на внутренние и внешние вызовы новой эпохи и его сетевой структурности, обеспечить в среднесрочной перспективе широкие возможности конкурентоспособности в части становления социально-ориентированного управления и солидарности регионов страны в усугубляющихся условиях цивилизационного раскола. А. С. Ахиезер в рамках теории инверсионных циклов это «предвидел» в России уже к 2025 году (Тихонов, 2020).

Параллельно требует своего решения вопрос теоретико-методологического порядка, как по принципу веберовского «расколдовывания» социальной реальности, изучив и осмыслив возможные пути преодоления «бермудского треугольника», разделить в научно-практической плоскости синкретизма власти, собственности и управления, отделив институт управления от первых двух (Тихонов, 2010). Это станет достижимым только в случае готовности политических элит (ядра) и звеньев властно-управленческой вертикали (полупериферии) к трансформации и организации социокультурного персонифицированного «тела», которое выступит основой

для создания нового синкретизма организации и самоорганизации, управления и самоуправления. Сопоставление иерархической и уровневой регуляции в обществе даст приращение нового знания только в случае включения этой проблемы в научно-исследовательскую программу социологии управления.

По мнению А. В. Тихонова, в социологии управлении такой научно-исследовательский запрос на институционализацию управления - через рационально-обоснованный путь реформирования управления, был выделен еще в кризисной ситуации 1990-х и «нулевых» годов на фоне поисков научно обоснованных ответов на острые внешние и внутренние вызовы обществу.

Гражданская интенция использования социологического знания при разработке стратегии развития страны и ее государственного строительства акцентирует внимание на различение проблем управленческой практики и социокультурные проблемы. Важно понимать и генезис социального института управления как системно-конструктивного регулятора общественного развития и предмета междисциплинарных исследований. А. В. Тихоновым уточняется эпистемологический статус социологического знания об управлении, научно обосновываются онтогносеологические основания предмета и всех элементов методологической организации исследований управления как проблемы управляемости социальных процессов на уровне общей социологии, так и на уровне отдельных социологических дисциплин. Перед социологией управления как специальной дисциплиной встают научные, теоретико-методологические и экспериментальные задачи содействия в приведении отечественной системы управления в соответствие с новой ролью России в мире и на евразийском континенте. Идейно это мнение поддерживают и разделяют в своих работах Н. И. Лапин и Г. Е. Зборовский.

Г. Е. Зборовский в статье «Социология управления» констатирует, что онтолого-гносеологический контекст отраслевой дисциплины может быть актуализирован лишь, когда будет изменена направленность социолого-управленческих исследований в сторону их политизации, а социология управления определит тренды публичной социологии. «В итоге, это позволит сблизить ее с социологией власти и политики, расширяя предметно-проблемное поле социологии управления, как в теоретическом, так и в практическом плане. Особенно важно обратить внимание на изучение противоречивого процесса становления гражданского общества и его структур в России, выходя за рамки традиционной проблематики социологии управления. Речь идет об исследовании проблемы соотношения управления, власти, государства и гражданского общества» (Зборовский, 2016). По мнению ученого, социология управления вместе с другими отраслевыми дисциплинами, социологиями – власти, политики, организации и др., должна уже в ближайшей перспективе доказать свою «ресурсоспособность». То есть продемонстрировать возможность диагностики, объяснения, предвидения и регулирования социальной реальности в реальной практике социальных преобразований (изменений) сегодняшнего плохо управляемого общества.

Н. И. Лапин с позиции антропосоциального подхода к управлению подчеркивает неотложную необходимость признания диспаритета в обществе как определенной константы напряженности в отношениях власти и граждан, постоянно требующей налаживания системы управления. Речь идет о перманентном реформировании в проблемном поле социологии управления внутрисистемных отношений властно-управленческой вертикали, различных социальных групп и категорий населения (Лапин, 2015: 27).

Подчеркнем фундаментальный вклад в социологию управления В. А. Ядова, который косвенно определил перспективность ее проблемного поля через внедрение ряда философских универсалий в ис-

следование социологических закономерностей трансформации обществ и социальных общностей, одной из которых являются «механизмы координации и организации общественной жизни, управление и самоуправление». Как отмечал А. В. Тихонов, этот вклад В. А. Ядова можно рассматривать как признание необходимости построения иерархических уровней научного знания в социологии и проведение эмпирических исследований на мега, мезо, микро и наноуровнях (Тихонов, 2020).

Актуальное исследование Центра «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года», проведенное в 2019-2021 годах, определило онтологогносеологические тенденции проблемного поля социологии управления, как раз в рамках изучения макро, мезо, микро и наноуровней общественной жизни людей в условиях поиска ответов на внутренние и внешние вызовы. Работа в этом направлении состоит из трех последовательных этапов: на первом разрабатывается эмпирическая модель «общественного договора» и проводится анализ проблемных ситуаций в отобранных 12-ти регионах России; на втором – выделяются латентные профили социальных групп, с учетом их реальной ориентации (оценки деятельности) на органы власти и управления и их функций в социальном пространстве регионов; на третьем, экспериментальном этапе, изучается роль самой системы управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации с позиций функциональности и дисфункциональности в отношении к социальным группам и связанных с ними клеточным структурам (профилями: «сторонники», «середенники», «противники» деятельности российской ВУВ). На всех трех этапах контролируется адекватность используемого нами набора социологических методов сбора, обработки и анализа данных реальной проблемной ситуации в регионах с разным уровнем развития по критерию степени их социокультурной модернизации и функциональной связи системы «власть – управление» с группообразованием в сочетании с клеточными структурами. Сделаем небольшое отступление, и ответим на вопрос, который справедливо задаст читатель: «при чем здесь группообразование»? «Дело в том, что в литературе и на практике не только студенты, но и большие дяди и тети путаются в понимании различий между социологическим и социальным знанием» (А. В. Тихонов).

Эта путаница приводит к тому, что некогда бурно обсуждавшаяся в западной и в нашей социологии проблема социальных групп в их наглядной (социально-практической) трактовке как основания социологии на микроуровне вылилась в отказ от их признания в такой роли. Но в обыденном сознании ничего не поменялось: слова социологическое и социальное остаются синонимами. В этой связи, не отвергая значения социальных групп в общественной жизни и в научном описании социальной реальности, в научной литературе был дан старт поиску новой модели оснований научности социологического знания, например, на выделение клеточных структур как оснований социологического объяснения генезиса таких социальных явлений как расколов, переворотов и революций. Этот переход особенно отчетливо проявился в творчестве А. А. Зиновьева в работе «Фактор понимания» (Зиновьев, 2006.). В нашем исследовании предлагается рассматривать проблему группообразования путем выявления клеточек как латентных профилей в структуре различных регионов, складывающихся как естественная реакция населения на условия его жизни и на работу органов власти и управления.

Следует сказать, что ожидаемые результаты запланированной работы (три этапа) опережают мировой уровень исследований по управлению социальным группообразованием в специфических условиях модернизации по-российски, поскольку

наше исследование никого не повторяет и производится впервые на основе разработанной в России собственной концепции связи социокультурного развития регионов и работы органов ВУВ, опробованной на предыдущем этапе работы по Проекту РНФ №15-18-30077. В ходе выполнения трех этапов нашей запланированной работы мы надеемся получить следующие результаты и осветить их в ряде коллективных публикаций и академическом учебнике «Социология управления: теория, методология, практика»:

– *теоретико-методологические:* в условиях западных санкций и ориентации нашей социально-экономической политики на многополярный мир мы предполагаем произвести своего рода «импортозамещение» сложившейся за последние 20 с лишним лет модели «зависимого развития» на основе дублирования западной системы управления, на отечественную модель, основанную на учете исторического опыта и исследований реального социокультурного разнообразия регионов. Для этого мы солидаризируемся с российскими разработками концепции цивилизационного выбора и реформирования отечественной системы управления с позиций построения новой конфигурации фундаментальных ценностей российской цивилизации (Лапин, 2015) и развитием социологии управления как отечественной отраслевой научной дисциплины в соответствии с программой развития этой отрасли знания в работе Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН (Тихонов, 2018);

– *аналитические:* результаты эмпирического анализа содержания оценок различных групп населения в стране и ее регионах с позиции их уровня жизни и потенциала субъектности. В дальнейшем эти материалы предполагается использовать для разработки программ управления группообразованием в регионах в качестве опыта реформирования системы государственного управления и местного самоуправления на основе с инфокоммуникативных моделей с обратной связью;

– *методические*: связаны с разработкой методов социальной диагностики и гражданской экспертизы с использованием дистанционного анализа для исследовательских целей и практического применения инфокоммуникативных технологий обратной связи, способных работать в режиме мониторинга для решения проблем управления группообразованием в регионах;

– *прогностические:* связаны с разработкой процедуры социально-прогнозного проектирования и примерного варианта прогноза повышения или понижения способности органов власти и управления решать проблему управления группообразованием в регионах с разным уровнем социокультурного развития.

Мы хотели бы завершить нашу статью высказыванием А. В. Тихонова, который в 2017 году на круглом столе «Социология управления: вчера, сегодня, завтра» подвел итоги развития, обозначил теоретико-методологический и ресурсный потенциал, а также наметил генеральную перспективу развития отраслевой и научно-образовательной дисциплины на ближайшие годы: «наше обсуждение показало заметные сдвиги в развитии социолого-управленческого знания в стране за последние 20 лет. Это говорит о том, что социология управления состоялась. Нам нужно постараться, чтобы она нашла достойное место в решении проблем России в быстро меняющемся мире и, конкретно, процессах управления модернизацией. Надеюсь, что в ближайшее время, вслед за сменой технико-технологических укладов и новой экономикой, потребуется эффективная внутренняя и внешняя политика и, будем надеяться, адекватная ей система управления на всех уровнях властно-управленческой вертикали, вплоть до еле дышащего сегодня местного самоуправления. Немаловажное значение для успешного реформирования действующей структуры управления, имеет опережающее разви-

тие всех отраслей социологического знания и, прежде всего, знания в области управления. Выступление участников наглядно показало: мы обладаем достаточным теоретико-методологическим заделом и опытом исследований, чтобы взяться за такую задачу» (Тихонов, 2018).

Список литературы

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 48-57.

Зиновьев А. В. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.

Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход к управлению // Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь. М., 2015. С. 26-27.

Лапин Н. И. Социальные группы и групповые процессы на предприятии // В сб.: Социология и производство. Казань, 1976.

Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI веке. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3-15.

Пригожин А. И. Методы развития организаций. М., 2003. 864 с.

Степин В. С. Теоретическое знание. Историческая эволюция. М., 2000.

Тихонов А. В. Об институционализации управления в современной России // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 59-75.

Тихонов А. В. Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы ее развития // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 3-13.

Тихонов А. В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 102-113.

Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2000. 322 с.

Тихонов А. В. Теоретико-методологические основы социологии управления как отраслевой научной дисциплины: дис. … д-ра. социол. наук: 22.00.08. СПб., 2000. 390 с.

Тихонов А. В. Философские основания проблемы управления // Философские науки. 2013. Спец. вып. С. 1-61.

Тихонов А. В. Читая и перечитывая В. А. Ядова: отечественная социология сосредотачивается… // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3. С. 196-204. DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7495

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост.-отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Политическая культура советского человека: Сб. статей / Под общей ред. А. В. Тихонова. СПб., 1983.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.

Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / Редколлегия: А. В. Тихонов (отв. ред.) и др. М.: «Канон«+»» РООИ «Реабилитация», 2010. 607 с.

Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2014. 560 с.

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

References

Zborovsky, G. E. and Ambarova, P. A. (2016), “Transformation of the subject field of sociology management: new challenges”, *Sociological research*, (7), 48-57. *(In Russian)*

Zinoviev, A. V. (2006), *Factor of understanding*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (2015), “Anthroposocial approach to management”, in Tikhonov, A. V. (ed.), *Sociology of management: theoretical and applied interpretative dictionary*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (1976), “Social groups and group processes at the enterprise”, in *Sociology and production*, Kazan, Russia. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (2015), “Fundamental values of civilizational choice in the 21st century. Part 1. Human civilization before choosing the configura-

tion of fundamental values", *Questions of philosophy*, (4), 3-15. *(in Russian)*

Prigozhin, A. I. (2003), *Methods of development of organizations*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Stepin, V. S. (2000), *Theoretical knowledge. Historical evolution*, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2010), "On the institutionalization of management in modern Russia", *Management consulting*, (1), 59-75. *(in Russian)*

Tikhonov, A. V. (2011), "Domestic sociology: problems of getting out of the state of prelude and prospects for its development", *Sociological research*, (6), 3-13. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2018), "Sociology of management: yesterday, today, tomorrow (round table materials)", *Sociological research*, (2), 102-113. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2000), *Sociology of management. Theoretical foundations*. St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2000), "Theoretical and methodological foundations of the sociology of management as a branch scientific discipline", D. Sc. Thesis, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2013), "Philosophical foundations of management problems", *Philosophical sciences*, Special Issue, 1-61. *(in Russian)*

Tikhonov, A. V. (2020), "Reading and rereading the works of V. A. Yadov: domestic sociology focuses...", *Sociological science and social practice*, 8 (3), 196-204. DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7495. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (ed.) (2016), *Atlas of Russia and its regions modernization: socio-economic and socio-cultural trends and problems*, VesMir, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (ed.), *Political culture of Soviet man: Collection of articles*, in Tikhonov, A. V., St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Russia: the power-management vertical reforming in the context of socio-cultural modernization of regions [monograph] (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISCH RAN, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Russia and the world: global challenges and strategies for socio-cultural modernization. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, October 12-13, 2017) (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISCH RAN, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sociology of Management: Strategies, Procedures and Research Results (2010), in Tikhonov, A. V. (ed.), Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sociology of management: fundamental and applied knowledge (2014), in Tikhonov, A. V. (ed.), Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sociology of Management: Theoretical and Applied Interpretative Dictionary (2015), in Tikhonov, A. V. (ed.), Moscow, Russia. *(In Russian)*

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2021 г. Поступила после доработки 30 ноября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 17 November 2021. Revised 30 November 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Vladimir S. Bogdanov, PhD in Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Леньков Роман Викторович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Roman V. Len'kov, PhD in Economic, Assistant Professor, Senior researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Andrey Al. Merzlyakov, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Шилова Валентина Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Valentina A. Shilova, PhD in Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

(cc) BY

УДК 316.354:351/354 **DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3**

Мерзляков А. А.

Концептуальные основания исследования субъектности населения

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия
merzliakov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен авторский подход к исследованию субъектности населения. Актуальность исследования продиктована тем, что органы власти, как правило, не предвидят и не прогнозируют возможные изменения социальной ситуации, которые могут произойти в связи с активизацией деятельности социальных групп или общностей, проявляющих субъектность. Как следствие власть не способна эффективно регулировать социальные процессы в новых реалиях, что приводит к спонтанным, не управляемым действиям со стороны отдельных групп граждан. В этой связи практическая проблема состоит в поиске возможных путей предвидения появления таких социальных групп и нахождения механизмов согласования интересов, тем самым предотвращая возможность появления социальных конфликтов. Научная проблема заключается в поиске нового знания относительно социологических показателей, способных определять особенности проявления субъектности населения, а также дать ей комплексную характеристику. Рассмотрены основные научные направления изучения субъектности, сформулированы методологические основания, разработана программа исследования субъектности населения и система эмпирических показателей ее измерения. Эмпирической базой послужили результаты комплекса социологических исследований, в ходе проведения которых использован целый набор методов: массовый опрос населения, анализ сайтов органов власти, контент-анализ материалов СМИ и социальных сетей. Результаты исследования позволили подтвердить ключевую гипотезу о том, что проявление субъектности населения определяется через оценку сложившейся системы взаимодействий между обществом и властью, где для первых значимым является готовность к такому взаимодействию, способность к самоорганизации и консолидации для участия в управлении, а для вторых – предоставление для этого соответствующих условий. В качестве основных выводов можно сказать следующее. Население обладает определенным потенциалом субъектности. Однако, не смотря на готовность отдельных социальных групп граждан к общественной самоорганизации и взаимодействию с властью, стратегия их поведения чаще ориентирована на конфронтацию, а не поиск компромиссного решения. В свою очередь, органы власти и управления не спешат с организацией обратной связи, в регионах пока слабо развиты механизмы двухстороннего эффективного взаимодействия. Все это может привести, во-первых, к росту дисфункционального (протестного) характера реагирования населения на принимаемые органами власти решения, во-вторых, к возможной потере органами власти управляемости, происходящими в регионе, социальными процессами.

Ключевые слова: теория и методология исследования; субъектность; система отношений «власть-население»; социологические показатели; программа исследования

Информация для цитирования: Мерзляков А. А. Концептуальные основания исследования субъектности населения // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 33-47. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3.

Andrey Al. Merzlyakov

Conceptual foundations for the study of the population subjectivity

Institute of Sociology of FCTAS RAS
bld. 1, 5 Bolshaya Andronievskaya St., Moscow, 109544, Russia
merzliakov@mail.ru

Abstract. The article presents the author's approach to the study of the subjectivity of the population. The relevance of the study is dictated by the fact that the authorities, as a rule, do not foresee and do not predict possible changes in the social situation that may occur in connection with the intensification of the activity of social groups or communities showing subjectivity. As a result, the authorities are unable to effectively regulate social processes in the new realities, which leads to spontaneous, uncontrollable actions on the part of certain groups of citizens. In this regard, the practical problem is to search for possible ways to anticipate the emergence of such social groups and find mechanisms for harmonizing interests, thereby preventing the possibility of social conflicts. The scientific problem lies in the search for new knowledge regarding the list of sociological indicators that can determine the features of the manifestation of the subjectivity of the population, as well as give it a comprehensive description. The main theoretical directions of the study of subjectivity are considered, methodological foundations are formulated, a program for the study of the subjectivity of the population and a system of empirical indicators of its measurement are developed. The empirical base was the results of a whole complex of sociological studies, in the course of which a whole range of methods was used: a mass survey of the population, analysis of the websites of authorities, content analysis of media materials and social networks. The results of the study made it possible to confirm the key hypothesis that the manifestation of the subjectivity of the population is determined through an assessment of the existing system of interactions between society and the government, where for the former, the readiness for such interaction, the ability to self-organize and consolidate to participate in management are significant, and for the latter, the provision for of these relevant conditions. As the main conclusions, we can say the following. The population has a certain potential for subjectivity. However, despite the readiness of certain social groups of citizens for social self-organization and interaction with the authorities, the strategy of their behavior is more often focused on confrontation, and not on the search for a compromise solution. In turn, the authorities and administrations are in no hurry to organize feedback; the mechanisms of bilateral effective interaction are still poorly developed in the regions. All this can lead, firstly, to an increase in the dysfunctional (protest) nature of the population's response to decisions made by the authorities, and secondly, to the possible loss of control by the authorities of the social processes taking place in the region.

Keywords: theory and research methodology; subjectivity; the system of relations "power-population"; sociological indicators; research program
Information for citation: Merzlyakov, An. Al. (2021), "Conceptual foundations for the study of the population subjectivity", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 33-47. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3.

Введение (Introduction). В последнее время анализ феномена субъектности приобретает все большую актуальность. В научной литературе и в повседневной практике его рассмотрение заслуживает все более и более пристального внимания. В эпоху усиления глобализационных процессов происходит расширение числа субъектов, способных оказывать существенное влияние на происходящие социокультурные процессы как на глобальном, так и региональном и местном уровнях в самых разных сферах жизнедеятельности человека (Тихонов, 2009). В настоящее время трудно представить, что разрабатываемое, утверждаемое и принимаемое решение становится прерогативой только одного человека или небольшого круга лиц, которые наделены таким правом. Так сейчас в любой крупной корпорации ключевые, стратегические решения принимаются не советом директоров, а общим собранием акционеров, что требует поиска компромисса и обладания умением договариваться. Другой интересный пример, когда деятельность управляющего органа, координируется извне, другим субъектом, так называемый эффект внешнего управления. Такое латентное, скрытое управление достаточно подробно проанализировано в современных научных разработках, вспомним теорию управляемого хаоса (Лепский, 2009).

В любом случае нужно признать, что органам власти и управления при разработке и реализации решений приходится учитывать воздействие внешней среды, к которой относится не только макро и микро экономические показатели, политическая обстановка, но и тот социокультурный аспект, проявляющийся в деятельности различных социальных групп, которые могут повлиять на принимаемые решения. Можно вспомнить, например, резкое недовольство водителей большегрузов, когда их обязали установить систему «Глонасс». Другой пример – конфликт, связанный с выходом фильма «Матильда», когда различные религиозные сообщества обрушились с критикой на режиссёрскую интерпретацию жизни русского царя. Из последних событий, организованная компания в поддержку Алексея Навального, когда по всей стране прошли акции протеста с требованием освободить его из-под ареста. Не рассматривая суть сложившейся ситуации, отметим, что отдельные слои населения проявили свою субъектность и резко отреагировали на вынесенное судебное решение. Все эти случаи говорят о том, что в тех или иных обстоятельствах при принятии органами власти и управления значимых решений в явной или латентной форме могут появляться отдельные социальные группы и каким-то образом реагировать на принимаемые в органах власти решения, тем самым проявляя субъектность.

В последнее время мы можем наблюдать усиление активности со стороны населения. Как правило, это происходит в ходе разработки и реализации актуальных управленческих решений, несущие значительный социальный эффект. При этом такая субъектность может проявляться как федеральном (вспомним, общественные протесты против реформы монетизации льгот), региональном (митинги в Хабаровске по поводу строительства церкви на территории парка или борьба жителей г. Уфа за сохранение горы Куштау, которую региональные власти планировали отдать под промышленную разработку как перспективное соленное месторождение), так и местном уровнях (градостроительные конфликты). Появляющиеся новые группы

и сообщества, проявляющие субъектность, получают в свое распоряжение все более эффективные инструменты воздействия на органы власти, особенно в связи активным распространением интернет технологий и активизации деятельности в социальных сетях. В свою очередь власть зачастую не может оставить без внимания такое общественное реагирование, что в ряде случае приводит к корректировке уже принятого решения, а в некоторых ситуациях и к его отмене.

Все это подводит нас к тому, что свойство субъектности, характеризующееся как способность оказывать влияние на процесс принятия управленческого решения, уже становится прерогативой не только органов власти. В зависимости от ситуации такую субъектность может проявлять отдельные социальные группы и даже целые слои населения. Это необходимо обязательным образом учитывать при разработке и реализации актуальных управленческих решений. Проблема заключается не столько в появлении таких групп, а в том, что органы власти не предвидят и не прогнозируют те возможные изменения социальной ситуации, которые могут произойти в связи с активизацией деятельности таких социальных групп или общностей. Как следствие власть не способна эффективно регулировать происходящие социальные процессы в новых реалиях, что приводит в свою очередь к спонтанным, хаотичным действиям, результатом которых становятся открытые конфликты и протесты со стороны общественности.

В этой связи практическая проблема исследования субъектности состоит в поиске возможных путей предвидения появления таких социальных групп и общностей, способных проявить субъектность и нахождения механизмов согласования их интересов с позицией властей, тем самым предотвращая возможность появления социальных конфликтов. Социология как наука не может остаться в стороне и должна сфокусировать свое внимание на изучении данного социального явления. Научная проблема состоит в поиске нового знания относительно перечня социологических показателей, способных определять особенности проявления субъектности со стороны населения, а также дать ей комплексную характеристику.

Методология и методы (Methodology and methods). *Теоретические основания и основные научные подходы исследования субъектности*. Научный анализ феномена субъектности, не смотря на долгую историю своего становления и развития, активно начал рассматриваться сравнительно недавно и до сих пор не приобрел собственного категориального аппарата (Радченко, 2012; Дерябко, 2002). Исходным, родовым является понятие «субъект». Это одно из центральных общенаучных категориальных понятий, которое рассматривается «в качестве носителя предметно-практической деятельности и познания, источника активности» (Подольская, 2018: 30). В этой связи субъектность определяется в самом общем виде как неотъемлемое качество субъекта, характеризующееся его способностью производить такую активность, влиять на объект. Именно субъектность становится той характеристикой, отличающей субъекта от объекта, в этом заключается их принципиальное отличие друг от друга.

Субъектность является многогранным и многоаспектным понятием, имеющим собственные интерпретации в различных социогумманитатных науках. Такое различие обусловлено не только особенностями предмета исследования той или иной дисциплины, но и тем, как отмечает Стахнева, что точное определение данного понятия практически отсутствует в научных словарях (Стахнева, 2010).

Как и большинство разработанных научных понятий, первоначально идея субъектности поднималась в социальной философии, где она понималась как рефлексивное осознание себя в качестве индивида, имеющего общность с другими индивидами. Но индивид не получает субъектность при рождении, это качество,

формируемое им в ходе его жизнедеятельности, дающее возможность самостоятельно создавать и изменять не только картину мира, но и самого индивида (Гусева, 2006: 18).

Говоря о специфике понимания субъектности, некоторые авторы обозначают им системное качество субъекта, сам факт его наличия как такового. Важным здесь является то, что субъектность являясь таким системным качеством, проявляется только при взаимодействии субъекта с окружающим миром (Дерябко, 2002). Поэтому еще одним важным аспектом субъектности становится понимание, что проявление данного качества невозможно без взаимодействия с другими людьми (Волкова, 1998: 36).

Рассматривая особенности социологического подхода к пониманию феномена субъектности необходимо сказать о наличии определенной преемственности исходя из общефилософских представлений и научных идей в других социогумманитарных дисциплинах. Однако это не говорит об отсутствии собственного, социологического понимания субъектности. В социологии субъектность тесно связана с рассмотрением понятия социального субъекта, пониманием его места и роли в системе социальных отношений, исследованием различных аспектов социальной субъектности личности. Весьма интересным является попытка операционализации субъектности, предложенная А. Дорган. Автор рассматривает социальную субъектность в двух аспектах, как качество личности и как качество субъекта. В первом случае субъектность рассматривается как совокупность социально-психологических свойств личности, детерминирующих способность индивида осуществлять целенаправленный выбор в ходе взаимодействия с другими людьми. Во втором случае данный феномен определяется как способность субъекта быть автором социальной реальности, выражающаяся в его умении не только делать выбор, но последовательно реализовать его в поле социальных отношений (Дорган, 2019: 88-89). Последнее особенно важно, поскольку при таком подходе, субъектность может быть рассмотрена на двух уровнях: индивидуально-личностном и групповом, когда субъектом выступает не отдельный человек, а социальная группа.

Прослеживая генезис развития социологического знания в контексте осмысления данного понятия необходимо отметить, что его понимание было тесно связано с научными подходами к рассмотрению возможностей отдельного человека оказывать влияние на общество. Так в работах О.Конта, Э.Дюргейма постулировался тезис о полном подчинении индивида социальной жизни, а его деятельность не способна к каким–либо общественным изменениям, наоборот это общество оказывает на него влияние, мотивируя его к активной деятельности, создавая его жизненный потенциал. В данном случае, проблема субъектности даже не рассматривалась. Первые попытки рассмотрения феномена были осуществлены М. Вебером в его работах, посвященных теории социальных отношений, где субъект осуществляет целерациональное поведение, при котором выбор цели свободен и осознан (Вебер, 1990). Идея рациональности поведения легла в основу формирования субъектности как человека, так и общества. К. Маркс утверждал, что субъектность это важнейшее свойство деятельного человека, которое является основой для его самореализации (Маркс, 1955).

Особенно ярко идея субъектности начинает проявляться в социологических теориях, ориентированных на понимании и объяснении понятия социального действия. В рамках данных теорий начинает преобладать тезис о том, что человек, воспринимается как автор социальной реальности, который самостоятельно конструирует окружающий мир в рамках взаимодействия с другими людьми (Garfinkel, 1964; Goffman, 1971). Позднее в научных дискуссиях все большую популярность набирают теории, рассматривающие социальную реальность как процесс, а обще-

ство представляется как некое поле возможностей и условий, способствующих (или препятствующих) осуществлению субъектами своей целенаправленной деятельности (Турен, 1998). При этом конструирование субъектом социальной реальности, которое происходит в ходе взаимодействия с другими людьми, требует необходимости нахождения консенсуса и согласия, поскольку только через принятие и одобрение нового знания и информации другими субъектами возможно его понимание и воплощение в реальной жизни (Хабермас, 2000).

Вместе с тем ряд социологов, соглашаясь с необходимостью возрастания роль индивида и его влияния на развитие общества, указывали на отсутствие реальных условий, способствующих в полной мере реализации субъективных свойств личности. Отмечается инициирование и усиление процессов десубъективации, трансформацию субъекта в управляемого деятеля (Бауман, 2002; Штомпка, 1996).

Отечественные социологии, придерживаясь современной трактовки в понимании субъектности, обращали внимание на необходимость выполнения двух основных условий для обладания и реализации индивидом или социальной группой свойства субъектности. Во-первых, личная готовность и возможности для проявления своей субъектности, во-вторых, преодоление внешних факторов, препятствующих реализации субъектности в полной мере (Старикова, 2009; Дорган, 2019).

Подведем некоторые итоги. В целом социологический подход к рассмотрению субъектности определяется следующими чертами: во-первых, в качестве субъекта, в отличие от философии, психологии и ряда других социогумманитарных дисциплин, рассматривается не только индивид, но и группа или некоторая общность людей, объединенная общими интересами, отношением, ценностями; во-вторых, акцент начинает смещаться с самого субъекта на анализ его социальных отношений с окружающим миром и другими субъектами, реализуя тем самым субъектно-субъектную модель поведения; в-третьих, проводится поиск новых способов и форм взаимодействия субъектов (полисубъектное взаимодействие), разработка коммуникационных стратегий поведения в рамках такого взаимодействия, в-четвертых, оценка факторов, детерминирующих способности субъекта обладать свойством субъектности, а также анализ причин подавления социальной субъектности, его дессубъективизации.

Методологическая основа, программа и методы исследования субъектности населения. В исследовании феномен субъектности рассматривается с позиции социологии управления, которая изучает степень и уровень «управляемости социальных процессов и объектов, а также закономерностей функционирования и трансформации регулятивных механизмов участников совместной деятельности» (Тихонов, 2009: 16). В рамках данной дисциплины особая роль отводится исследованию формирования механизмов субъектности всех участников совместной деятельности, и особого значения исследования факторов, определяющих её место и роль в процессе поиска и реализации конструктивных решений. В связи с этим предметом исследования субъектности становятся выявление и изучение способов конструирования отношений между субъектами с целью совместного решения значимых для этих субъектов проблем (Мерзляков, 2018).

Теоретической основой такого подхода стала постнеклассическая методология исследования процессов функционирования властно-управленческой вертикали в различных социокультурных условиях и на разных уровнях экономического развития. В рамках постнеклассической методологии (в отличие от неоклассической) меняется представление о субъекте: на место изолированного индивида приходит субъект социальный, который включен в структуру самых разнообразных связей и вместе с тем является их творцом (Леп-

ский, 2009). В этой связи даже феномен власти представляется не отдельным обезличенным органом, а являет собой сеть властных отношений, состоящей из отдельных субъектов, которым требуется договариваться между собой для принятия решения (Платнова, 2010: 71).

Отдельное внимание заслуживает изучение субъектности в рамках исследования характера социальных отношений между органами власти и населением. Суть заключается в том, чтобы выяснить, какие социальные группы/общности формируют современную повестку дня, т.е. являются реальным (а не номинальным) субъектом управления, и насколько интересы этих групп совпадают с интересами населения, пользуются ли они общественной поддержкой.

Кроме того, важно оценить способность самого населения обладать свойством субъектности и через своих представителей оказывать влияние на систему управления. При возникновении в обществе новой, социально значимой проблемы как реакция на неё формируются социальные группы, обладающие схожей позицией по отношению к этой проблеме. Эти социальные группы (общности) попадают в фокус внимания социологии управления с точки зрения определения возможности и условий, при которых представители этих групп способны объединяться и выстраивать конструктивные отношения для решения данной проблемы (Россия, 2017).

В этой связи становится актуальной проблема возможности социологического измерения субъектности населения, что требует разработки программы исследования и построения системы эмпирических показателей и индикаторов, которые позволят дать комплексную оценку данному феномену.

Объектом такого исследования выступила сформировавшаяся система отношений между населением и органами власти и управления, а предметом готовность населения включаться в совместную с органами власти и управления деятельность по реализации актуальных, социально значимых решений. Целью исследования стал анализ текущего состояния и характера проявления субъектности населения, оценка его способности становится субъектом социального действия и взаимодействия.

В этой связи была сформулирована ключевая исследовательская гипотеза. Проявление субъектности населения определяется через оценку сложившейся системы взаимодействий между обществом и властью, где для первых значимым является готовность к такому взаимодействию, способность к самоорганизации и консолидации для участия в управлении, а для вторых – предоставление условий для этого, ограниченных рамками поддержания в регионе установленного социального порядка. Представляется, что социальная активность, способность к самоорганизации, отношение к действующей власти и сложившиеся возможности для осуществления социальных действий и взаимодействий являются базовыми условиями для формирования населения в качестве социального субъекта в системах управления.

Далее рассмотрим основные задачи, которые были поставлены в рамках исследования, а также выделим перечень социологических показателей и индикаторов, позволяющих не только ответить на поставленные задачи, но и провести социологическое измерение рассматриваемого нами феномена.

Первой задачей является определение общего состояния проявления субъектности населения, оценка его текущего потенциала. Здесь основным показателем стала активная жизненная позиция индивида, его готовность к включению в деятельность и взаимодействие с органами власти. Основным эмпирическим индикатором такой оценки является замер готовности респондентов к включению в деятельность по разработке программы совершенствования системы управления в регионе. В качестве дополнительных выступили замеры других видов активности населения. К ним можно отнести работу в

общественных организациях (объединениях), наличие опыта участия в деятельности инициативных групп, электоральная активность и т.д.

Решение следующей задачи нацелено на определение социально-структурных признаков той части населения, которая проявляет субъектность, и оценка ее ресурсного потенциала. Другими словами, важно выяснить, кто эти люди и какими ресурсами они обладают. В качестве таких признаков выступают социально-демографические (пол, возраст, образование и т.д.), профессионально-статусные показатели (род занятий, вид трудовой деятельности и т.д.), а также оценка собственного управленческого опыта, наличие административного ресурса и т.д.

Еще одной важной задачей стало выявление условий и предпосылок, стимулирующих проявление субъектности со стороны населения. Нужно ответить на вопрос – какие условия и факторы влияют на активизацию общественной деятельности и побуждают население к участию. В качестве эмпирических показателей может быть использована оценка социально-экономической ситуации в регионе, оценка способности органов власти решать актуальные проблемы, выявление уровня ее общественной поддержки т.д.

Следующая задача связана с оценкой способности населения к совместной внутригрупповой работе с целью формирования коллективного субъекта деятельности. Для того чтобы группа людей стала социальным субъектом необходимо осознание последними, своих интересов, субъективной идентификации членов группы (Князев, 2009). А это возможно только тогда, когда социальная группа вырабатывает общие формы деятельности, создаёт свои организации, призванные выражать и отстаивать её интересы в органах власти, вести работу по поддержанию организованности самой группы. В качестве показателей здесь может выступать настроенность граждан увязывать свои интересы с интересами группы, нацеленность на работу по формированию единой, общей позиции группы, готовность идти на компромиссы и уступки, устойчивость в своих намерениях работать в группе, проявление лидерских качеств.

Следующая задача направлена на выявление социальных установок населения в отношении совместной деятельности с органами власти по обсуждению актуальных проблем, определение стратегий поведения населения в рамках такой работы. Важна оценка характера направленности их устремлений – конструктивная или деструктивная. В качестве показателей здесь может быть задействована оценка готовности к участию в совместной работе, определение форм и способов такой работы, интенциональная направленность взаимодействия.

И наконец, еще одной важной задачей становится исследование текущих условий для организации процесса межсубъектного взаимодействия. Здесь требуется выяснить, какие возможности предоставляют органы власти и управления инициативным группам граждан для трансформации последних в социального субъекта. К таким условиям следует отнести уровень информационного обеспечение населения, наличие и интенсивность использования каналов обратной связи, развитость организационных форм межсубъектной коммуникации и т.п.

Эмпирической базой стали результаты социологических исследований, проведенных Центром социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН в рамках программы изучения проблем реформирования отечественной системы управления, а также ряда дополнительных исследований, таких как фундаментальное исследование по программе Президиума РАН «Анализ и прогноз долгосрочных тенденций научного и технологического развития: Россия и мир» (2016-2019 года) и социально-диагностическое исследование, реализованное по заказу Московского Фонда реновации жилой застройки (2018-2019 года). В ходе вышеуказанных иссле-

дований был использован целый набор методов: массовый опрос населения, анализ отраслевых сайтов органов власти, контент-анализ материалов СМИ и социальных сетей.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В социологии управления рассмотрение субъектности происходит в системе взаимоотношений населения с органами власти всех уровнях – от федерального до местного. Анализируя содержание и характер субъектности населения, сначала важно ответить на вопрос, а проявляет ли оно субъектность, т.е. готовы ли граждане лично стать активными участниками обсуждения актуальных проектов и программа социально-экономического развития или население согласно оставаться сторонним наблюдателем.

В институте социологии ФНИСЦ РАН на протяжении восьми лет (с 2012 по 2020 гг.) проводился ряд социологических замеров, в рамках которых была произведена оценка уровня готовности местного населения регионов к участию в разработке программы по улучшению работы отечественной системы управления.

Таблица

Готовность участвовать в разработке программы по улучшению работы отечественной системы управления, %

Table

Willingness to participate in the development of a program to improve the national management system work

Готовность участвовать / Willingness to participate	2012 г./ 2012 year	2014 г./ 2014 year	2015-16 гг./ 2015-16 years	2019-20 гг./ 2019-20 years
Готов / Ready	40	41	39	24
Не готов / Not ready	49	43	46	51
Затрудняюсь ответить / Find it difficult to answer	11	16	15	25

Данные, представленные в таблице, демонстрируют что, в последние годы произошел спад готовности населения участвовать в такой деятельности. Так замеры, произведенные в 2019-20 годах, показали, что почти четверть опрошенных респондентов (24%) проявили свою готовность к участию. И хотя желание включаться во взаимодействие существенно снизилось, но все же оно остается весьма представительным. Это вполне серьезный показатель для оценки потенциала субъектности населения.

Определив границы потенциала, мы тем самым выделяем некую общность людей, готовых к активной деятельности. Важно выяснить, кто эти люди, какими общими признаками они обладают. Как об этом говорилось уже не раз, существенной характеристикой субъектности выступает активная жизненная позиция индивида (Резник, 2002). Результаты наших исследований также подтвердили данный тезис. Выделенной нами категории людей присущи следующие черты: более высокий уровень обращений по решению значимых проблем: они чаще других обращаются к различным субъектам управленческой деятельности (органам власти, крупным корпорациям, научным и общественным организациям и т.п.); регулярное участие в выборах: они чаще ходят голосовать и проявляют свою электоральную активность; наличие более серьезного опыта участия в общественной работе и деятельности различных инициативных групп.

Теперь обратимся к социально-статусным показателям. Большую субъектность демонстрирует молодое поколение, в возрасте 18-29 лет. Они чаще других отмечали желание принимать участие в обсуждении социально значимых и актуальных вопросов. Это вполне согласуется с позицией многих социологов. О. Н. Яниц-

кий в своей последней монографии отмечал, что молодежь представляет собой наиболее социально активную часть нашего общества (Яницкий, 2020: 135). Кроме того, к значимыми социально-статусным признакам можно также отнести образование и доход. В ходе исследований была выделена закономерность, что в социальных группах с высоким уровнем образования и хорошим материальным положением готовность к участию значительно выше. Вышеуказанная тенденция была еще отмечена в более ранних научных работах, посвященных данной тематике (см., например, Касьянова, 2007).

Помимо образовательного и материального, к значимым нужно отнести наличие достаточного административного ресурса т.е. их близость к власти. Граждане, готовые к участию, чаще обладают личными контактами во властных структурах. Также они имеют весомый управленческий опыт и высоко его оценивают. Таким образом, социальные группы граждан, проявившие субъектность, располагают вполне серьезной ресурсной базой.

Чем же можно объяснить субъектность населения, в чем причины, истоки его проявления? В научной литературе в качестве основного источника, первопричины готовности индивида активизировать свою деятельность выделяют его личную заинтересованность (Дридзе, 1994). В этой связи была сформулирована исследовательская гипотеза о том, что причиной возникновения субъектности выступает актуализация в сознании индивида проблемы, на решение которой направлено конкретное управленческое решение, а также способность (или неспособность) органов власти решить ее самостоятельно. Связка «актуализация проблемы – способность органов власти ее решить – готовность к участию в решении проблемы» является ключевым источником формирования субъектности населения.

По результатам исследования данная гипотеза подтвердилась, но частично. Так для одних управленческих решений превалирующим фактором проявления субъектности оказался высокий уровень ее значимости для индивида. Исследования показали, что в ряде случаев именно низкая оценка сложившегося в регионе положения дел способствует формированию более высокой готовности к участию. Другими словами, население своей активностью и соучастием намерено решать свои личные задачи, достигать поставленные перед собой цели. В других ситуациях важную роль сыграла уверенность граждан в том, что органы власти самостоятельно не справляются с существующими проблемами. Они оказались недовольны деятельностью региональной и местной власти. В этой связи становится понятным их готовность проявить свою субъектность – своей активностью они намерены оказать помощь властям в решении поставленных целей и задач. Особенно ярко данная тенденция проявилась в регионах, характеризующихся низким уровнем социально-экономического развития (Россия, 2017).

Еще одной причиной проявления субъектности населения выступает доверие, органам власти. Важно отметить, что, даже не смотря (по их мнению) на плачевное положение дел в регионе, жители готовы участвовать по причине своей уверенности в том, что деятельность власти в первую очередь сконцентрирована на решении проблем региона. Среди граждан, отказавшихся от такого участия, превалирует другое мнение. Они считают, что основная цель органов власти – это удержание власти в своих руках. Дополнительным подтверждением данного вывода выступает тот факт, что среди граждан, проявивших субъектность, оказалось самая большая доля тех, то поддерживает политическую партию «Единая Россия», т.е. партию власти.

Для превращения местного населения в реального субъекта регионального развития, от него требуется приложение усилий по объединению в группу, которая будет представлять их коллективные интересы в рамках взаимодействия с органами

власти и управления. Как показывает практика, действия отдельных индивидов зачастую не приносят серьезного результата, а если такое случается, то, как правило, имеет кратковременный эффект и носит эпизодический характер. В случае формирования единой устойчивой социальной группы, представляющей интересы тех слоев населения, которые в нее включены, появляется возможность оказывать воздействие на управленческий процесс, тем самым не только проявляя, но и подтверждая свою субъектность слаженной и организованной деятельностью. Результаты показывают, что социальные группы граждан, желающие участвовать в обсуждении управленческих решений, демонстрируют весьма высокую готовность к общественной самоорганизации. Они настроены на серьезную групповую работу, готовы делиться своими знаниями и навыками, демонстрируют признаки групповой сплочённости. Полученные результаты позволяют говорить о формировании важной предпосылки для позиционирования социально активных групп населения в качестве социального субъекта. А наличие опыта и обладание информацией о деятельности других инициативных групп может стать серьезным подспорьем как в ходе организации внутригрупповой деятельности, так и в рамках совместной работы с органами власти.

Процесс взаимодействия власти и местного населения не всегда проходит гладко. В ходе обсуждения актуальных проблем периодически могут возникать ситуации социальной напряженности, которые порой перерастают в открытые конфликты. В этой связи, например, можно вспомнить опыт проведения публичных слушаний по реализации градостроительных проектов, когда собрания местных органов власти и населения зачастую заканчивались острыми конфликтами и отмечались непримиримостью позиций. Поэтому для оценки перспективы потенциального взаимодействия населения и органов власти в рамках обсуждения проблем, респондентам было предложено выбрать наиболее приемлемую для них стратегию поведения в конфликтной ситуации. Это позволяет более глубоко понять их социальную установку и оценить намерения в рамках перспективного общения с органами власти. В ходе исследований удалось выяснить, что в случае организации такого взаимодействия, местное население нацелено в первую очередь на жесткое продавливание своих позиций. Оно будут стремиться заручиться обязательствами властей в выполнении всех поставленных перед ними требований в той форме и объеме, которую они предъявляют. Это основная стратегия поведения активистов. Возможность для поиска и нахождения компромиссного решения также присутствует в их сознании, но она встречается гораздо реже. Что особо следует отметить, так это сильная мотивация на продолжение работы, даже не смотря на возможное появление в ходе взаимодействия конфликтных ситуаций. Очень незначительное число опрошенных респондентов (в случае возникновения недопонимания) перестала бы контактировать с властью и прервала бы общение.

Так же были собраны эмпирические материалы о существующих возможностях по реализации населением субъектности, предоставляемых органами власти и управления. Результаты демонстрируют, что власти не торопятся включать население в обсуждение управленческих решений, имеющих значимый социальный эффект. В рамках изучения официальных сайтов региональных органов власти, удалось выяснить, что населению предоставлены незначительные возможности для участия в мероприятиях по реализации отдельных социально значимых проектов и программ. В частности, у жителей есть возможность через сайты органов власти оценить благоустройство территорий, строительства дорожной инфраструктуры, реконструкцию исторических, возведение социокультурных объектов и т.д. В то же время их мнения и оценки не рассматри-

ваются при организации самих мероприятий. На сайтах отсутствует какая-либо информация об учете общественного мнения. Обращает на себя внимание отсутствие возможности организации дискуссии по реализации проектов, актуальность выполнения которых для населения представляется вполне реальной. Обнаружены только отдельные «диалоговые окна», имитирующие функцию обратной связи: электронная приемная для обращения граждан и организаций; различные интернет-опросы, связанные с эффективностью деятельности муниципалитетов; блок правовой информации; ответы на часто задаваемые вопросы.

Анализ региональных СМИ, подтверждает сделанные выводы об отсутствии комплексного учета органами власти мнений и оценок жителей регионов и представляющих их социальных групп. Актуальность ряда проблем в региональных СМИ намеренно преувеличивается, в то время как значимость других умалчивается или полностью игнорируется. Результаты исследования позволили сделать вывод о главенствующей роли региональных властей в обсуждении актуальных проблем. Мнения граждан, как правило, транслируется не напрямую, а опосредованно, в интерпретации официальных представителей власти и журналистов. Таким образом текущая ситуация может быть охарактеризована отсутствием реальной возможности для населения высказывать свое отношение, делать замечания, делиться предложениями, а скорее ведет к дистанцированию от власти, усилению отчуждения граждан от процессов обсуждения и выработки проектных решений актуальных проблем. При отсутствии реальных коммуникативных площадок, организованных властью, общественный дискурс переносится в социальные сети, где жители могут «выпустить пар» и высказать свое мнение.

Заключение (Conclusions). Результаты нашего исследования подтвердили поставленную в исследовании ключевую гипотезу. В регионах сформирован определенный потенциал субъектности населения. Основу данного потенциала составляют люди, обладающие высоким уровнем общественной и гражданской активности, готовые к участию и совместному обсуждению с органами власти актуальных, социально значимых проблем. Стимулирующим фактором проявления субъектности населения выступает оценка состояния положения дел в регионе, а также отношение населения к органам власти и их способности решать возникающие в регионе проблемы.

Среди той части населения, которая проявила субъектность, зафиксирован весьма высокий уровень общественной самоорганизации. Однако, не смотря на достаточно высокий уровень их нацеленности на групповую работу и готовность объединяться с целью формирования единого коллективного субъекта деятельности, превалирование в их сознании стратегии бескомпромиссного давления на власть с целью отстаивания своих интересов, очевидно, не будет способствовать нахождению приемлемого для всех субъектов регионального развития решения. При таком положении дел маловероятно, что органы власти будут приглашать местных жителей совместно обсуждать проблемы реализации проектов и программ социального развития, а само население утрачивает возможность становиться реальным субъектом социального действия и социального взаимодействия.

В этой связи возникают серьезные опасения, что население, не имея возможности напрямую высказывать своими требования, делиться с властями своим мнением по ряду актуальных для них проблем, будут проявлять субъектность посредством использования других, неформальных каналов и способов взаимодействия (например, через социальные сети), а в особо острых ситуациях (чтобы власть обратила на них внимание) будут участвовать в митингах и открытых пикетах. Переход населения с формализованных на неформализованные способы взаимодей-

ствия может привести, во-первых, к росту дисфункционального (протестного) характера реагирования на принимаемые органами власти решения, во-вторых, к возможной потере органами власти управляемости, происходящими в регионе, социальными процессами.

Для предотвращения возможных негативных последствий необходимо создание условий, при которых население будет иметь возможность на постоянной основе высказывать властям свое мнение и принимать участие в обсуждении актуальных проблем. Однако, как показывают наши исследования, органы власти и управления не спешат с организацией обратной связи: в регионах пока не развиты механизмы двухстороннего эффективного взаимодействия. С целью совершенствования таких механизмов необходимо обязательным образом учитывать социокультурный особенности региона, территории, где планируется организовать совместное обсуждение актуальных вопросов.

Исследование субъектности населения несет важный практический смысл, который заключается не только в оценке сложившейся системы социальных отношений в системе власть-общество, но прогнозировании возможных спонтанных действий населения как реакция на принятые и реализуемые органами власти различных уровней социально-значимые решения. Основная цель таких исследований заключается в попытке перевода стихийных общественных действий в управляемое русло на основе взаимодействия и конструктивного диалога. Это является важной предпосылкой и условием профилактики социальных конфликтов и снижения общественной напряженности.

Список литературы

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения / пер. с нем.: М. И. Левина, П. П. Гайденко, А. Ф. Филиппов. М.: Прогресс, 1990. 208 с.

Волкова Е. Н. Субъектность педагога: теория и практика: автореф. дис. … д-ра псих. наук. Нижний Новгород, 1998. 50 с.

Гусева И. А. Социально-педагогическое обеспечение развития субъектности студента в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2006. 35 с.

Дерябо С. Д. Феномен субъектификации природных объектов: автореф. дис. ... д-ра псих. наук. М., 2002. 39 с.

Дорган А. А. Развитие идей о способности субъекта к самостоятельному выбору и современная дискуссия о социальной субъектности // Знание. Понимание. Умение. Серия. Философия и современность. 2019. № 2. С.82-94.

Дридзе Т. М. Социально значимые процессы как объект управления (к экоантропоцентрической парадигме научного познания социальной реальности): введение в учебную программу // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 1994. Т. 0, № 3-4. С. 164-170.

Касьянова А. Н. Средний город России: диагностика жизнедеятельности социума и социальное управление: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 26 с.

Князев И. В., Калтырина Е. Л. К вопросу о субъектах социальных изменений // ВЕСТНИК ЮРГТУ (НПИ). 2009. № 4. С. 103-106.

Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: «Когито-Центр», 2009. 208 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. Тезисы о Фейербахе. М.: Госполитиздат, 1955. 629 с.

Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4. С. 95-104.

Платнова С. И. Постнеклассическая исследовательская программа и социология // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия. Теоретическая социология. 2010. № 1-4. С. 69-73.

Подольская И. А., Моисеева Е. Л. Феномен субъектности личности: попытка осмысления в контексте школьного обучения // Вестник Калужского университета. Серия. Психологические науки. Педагогические науки. 2018. Т. 1, № 1. С. 29-41.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов

/ отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Радченко Е. В., Ранг К. А. Понимание субъектности в философии и языкознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 2. С. 74-78.

Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности: (Опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН, 2002. 259 с.

Старикова М. М. Социологический дискурс субъектных свойств личности (на примере западных социологических концепций) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 124-131.

Стахнева Л. А. Понимание субъекта и субъектности в современной психологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1(35). С. 345-349.

Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления как научно-исследовательской программе // Социология власти. 2009. № 7. С. 7-16.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2000. 384 с.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под. ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 496 с.

Яницкий О. Н. Волонтеры в сложном, непрерывно меняющемся мире. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 220 с.

Garfinkel H. Studies in the routine grounds of everyday activities // Social Problems. 1964. Vol. 11, № 3. Pp. 225-250.

Goffman E. Relations in public: microstudies of the public order. New York: Basic Books, 1971. 396 p.

References

Bauman, Z. (2002), *Individualized society*, Transl. by Inozemtseva, V. L., Logos, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Weber, M. (1990), *Protestant ethics and the spirit of capitalism*, Transl. by Levina, M. I., Gaidenko, P. P., and Filippov, A. F., Progress, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Volkova, E. N. (1998), "Subjectivity of the teacher: theory and practice", Abstract of D. Sc. dissertation, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia. *(In Russian)*

Guseva, I. A. (2006), "Socio-pedagogical support for the development of student's subjectivity at the university", Abstract of Ph.D. dissertation, Kostroma State University, Kostroma, Russia. *(In Russian)*

Deryabo, S. D. (2002), "Phenomenon of subjectification of natural objects", Abstract of D. Sc. dissertation, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Dorgan, A. A. (2019), "Development of ideas about the subject's ability to make independent choice and modern discussion about social subjectivity", *Knowledge. Understanding. Skill. Series: Philosophy and Modernity*, (2), 82-94. *(In Russian)*

Dridze, T. M. (1994), "Socially significant processes as an object of control (to the eco-anthropocentric paradigm of scientific cognition of social reality): an introduction to the curriculum", *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, (3-4), 164-170. *(In Russian)*

Kasyanova, A. N. (2007), "A medium-sized city of Russia: diagnostics of the vital activity of society and social management", Abstract of Ph.D. dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. *(In Russian)*

Knyazev, I. V. and Kaltyrina, E. L. (2009), "On the question of the subjects of social change", *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI)*, (4), 103-106. *(In Russian)*

Lepskiy, V. E. (2009), *A subject-oriented approach to innovative development*, Kogito-Center, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Marx, K. and Engels, F. (1955), *Sochineniya. Tezisy o Fejerbahe*, 2nd ed. Vol. 3. Theses on Feuerbach, Gospolitizdat, Moscow. Russia. *(In Russian)*

Merzlykov, A. A. (2018), "The subjectivity problem in the sociology of management", *The Journal of Sociological Science and Social Practice*, 6 (4), 95-104. *(In Russian)*

Platnova, S. I. (2010), "Post-nonclassical research program and sociology", *Bulletin of Vyatka State Humanitarian University. Series. Theoretical sociology*, (1-4), 69-73. *(In Russian)*

Podolskaya, I. A. and Moiseeva, E. L. (2018), "The phenomenon of personality subjectivity: an attempt to comprehend in the context of school education", *Bulletin of Kaluga University, Psychological Sciences Series, Pedagogical sciences*, 1 (1), 29-41. *(In Russian)*

Russia: reforming the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of the regions, (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.). FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. *(In Russian)*

Radchenko, E. V. and Rank, K. A. (2012), "Understanding subjectivity in philosophy and linguistics", *Bulletin of South Ural State University*, (2), 74-78. *(In Russian)*

Reznik, Yu. M. and Smirnov, E. A. (2002), *Life strategies of the individual: (Experience in complex analysis)*, RAS Human Institute, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Starikova, M. M. (2009), "Sociological discourse of subjective personality traits (on the example of Western sociological concepts)", *Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences*, (4), 124-131. *(In Russian)*

Stakhneva, L. A. (2010), "Understanding the subject and subjectivity in modern psychology", *Uchenye zapiski of Oryol State University, Humanities and Social Sciences Series*, (1), 345-349. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2009), "From the sociology of management to the sociology of administration as a research program", *Sociology of power*, (7), 7-16. *(In Russian)*

Touraine, A. (1998), *The Return of the Acting Man. Essay on Sociology*, Transl. by Samarskaya, E. A., Scientific world, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Habermas, J. (2000), *Moral consciousness and communicative action*, Transl. by Sklyadnev, D. V. (ed.), Nauka, Saint Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Shtompka, P. (1996), *Sociology of social change*, Transl. by Yadov, V. A. (ed.), Aspect Press, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Yanitskiy, O. N. (2020), *Volunteers in a complex, constantly changing world*, FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. *(In Russian)*

Garfinkel, H. (1964), "Studies in the routine grounds of everyday activities", *Social Problems*, 11 (3), 225-250.

Goffman, E. (1971), *Relations in public: microstudies of the public order*, Basic Books, New York.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2021 г. Поступила после доработки 15 ноября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 20 September 2021. Revised 15 November 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Мерзляков Андрей Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Andrey Al. Merzlyakov, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4

Шилова В. А.
Быков К. В.

Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления

Институт социологии, Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
vshilova@yandex.ru
1096232@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические и методологические подходы к исследованию управления с точки зрения интенций действующих акторов и интенциональности коммуникативной среды. Под интенциональностью мы подразумеваем характеристику коммуникативной среды, связанную с интенциями представителей властно-управленческой вертикали в регионах (управленцев) и интенциональной окрашенностью инициируемых ими текстов. Авторы представляют результаты многолетней личной работы и работы Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН в области разработки методологии, методов и методик работы с проблемно-ориентированными текстами, а также управленческими стилями и практиками с точки зрения интенциональности их акторов. В статье описывается методика работы с проблемноориентированной матрицей интеционального анализа, которая является результатом многолетних опытов авторов по адаптации интенционального (мотивационно-целевого) анализа Т. М. Дридзе. Авторы фокусируют внимание на интенциональной направленности отдельных стилей управления. Используя вторичный анализ собранных в 2019 году данных в четырех регионах РФ, демонстрируют взаимосвязь между тем, как респондент определяет управленческий стиль в регионе и тем, насколько он обеспокоен отельными проблемами управления в регионе и оценивает эффективность работы федеральных и региональных органов власти и управления. Статья носит методолого-методический характер и содержит примеры из эмпирических исследований.

Ключевые слова: управление; социология управления; интенция; интенциональная окрашенность; интенциональность; методы анализа; стиль управления; семиосоциопсихологическая и экоантропоцентрическая парадигмы

Благодарность: Исследовательская работа ведется в рамках плановой темы ФНИСЦ РАН 2019-2022 год «Социологический мониторинг процесса реформирования работы органов власти и управления в регионах РФ», рук. А. В. Тихонов.

Информация для цитирования: Шилова В. А., Быков К. В. Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 48-74 . DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4.

Original article

Valentina A. Shilova, Kirill V. Bykov

Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 24/35, 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
vshilova@yandex.ru
1096232@mail.ru

Abstract. The article discusses the main theoretical and methodological approaches to the study of management in terms of the intensities of the active actors and the intellectuality of the communicative medium. By «intellectuality» we mean a characteristic of the communicative medium, connected with the intensions of the representatives of power and management in the regions (managers) and with the intellectual coloration of the texts initiated by them. The authors present the results of many years of personal work and the work of the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in the development of methodology and methods of dealing with problem-oriented texts, as well as management styles and practices in terms of the intellectuality of their actors. The authors focus on the intellectual direction of individual management styles. Using a secondary analysis of data collected in 2019 in four regions of the Russian Federation, they demonstrate the relationship between how a respondent defines management style in a region and how concerned he or she is about particular governance issues in the region and evaluates the effectiveness of federal and regional government and administration. The article is of methodological and methodical nature and contains examples from empirical research.

Keywords: governance; management sociology; intelligence; entertaining; integrality; analytical methods; management style; semio-sociopsychologic and eco-anthropocentric paradigms

Acknowledgment: Research work is carried out within the framework of the planned theme of the FCTAS RAS 2019-2022 “Sociological monitoring of the process of reforming the work of government and administrative bodies in the regions of the Russian Federation”, hands. A. V. Tikhonov.

Information for citation: Shilova, V. A. and Bykov, K. V. (2021), “Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management”, *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 48-74. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4.

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* Базовым для авторов статьи является определение управления, как социального института, который базируется на способности субъекта направлять деятельность кого-либо, чего-нибудь, то есть руководить. Социальный институт, в свою очередь, является, по Ж. Т. Тощенко, устойчивой формой общественной жизни. При этом для нас принципиально важно, что власть и управление представляют из себя два абсолютно разных феномена. А. В. Тихонов определяет управление, как «изобретенный людьми способ обустрой-

ства своего внутреннего и внешнего миров без насилия и разрушения» (Социология управления, 2015: 379-380).

В данной работе мы сосредоточимся на управлении, как регулятивном процессе, направленном на преднамеренное изменение объектов, их структур, форм существования и так далее. В частности, сделаем акцент на государственном управлении, как организационно-регулирующем воздействии на различные сферы жизнедеятельности населения. Важным в данной связи является разделение Е. М. Бабосовым государственного управления на два взаимосвязанных направления – политического управления, осуществляемого президентом и его администрацией, и административного управления – осуществляемого правительством и подчиненными ему государственными органами (Социология управления, 2015: 59).

Актуальность применяемого подхода заключается в обосновании применения к исследованию коммуникативных стратегий органов власти и управления анализа их интенций, как ключевого параметра, накладывающего отпечаток на управленческие стили и применяемые технологии управления.

Цель работы – показать значимость и методологическую возможность исследования процессов управления с точки зрения интенций их акторов, интенциональной окрашенности текстов, связанных с управлением и интенциональностью продуцируемой управленческой среды.

Необходимо указать, что в сфере исследований интенций и интенциональности в области межличностной, межгрупповой и массовой коммуникации продвинулась и достигла значительных успехов группа, работающая под руководством проф. д-р социол. наук, г.н.с. Института социологии ФНИСЦ РАН Т. З. Адамьянц (Адамьянц, 2008; Адамьянц, 2015; Адамьянц, 2017; Актуальные смыслы, 2020; Социальные коммуникации, 2020). Для анализа художественных, публицистических, политических текстов проф. Т. З. Адамьянц, авторами и другими специалистами используется метод интенционального (мотивационно-целевого анализа), разработанный Т. М. Дридзе, который представляет собой процедуру выделения иерархически организованную структуру коммуникативно-познавательных программ (*прим. автора: термин Т. М. Дридзе*), ориентированных на интенцию (Социология управления, 2015).

Методология и методы (Methodology and methods). В рамках социологии эмпирические исследования интенций и интенциональности (коммуникативной направленности) стали возможны, с появлением семиосоциопсихологической теории Т. М. Дридзе (Дридзе 2000) и метода интенционального (мотивационно-целевого) анализа (Дридзе, 1984, Адамьянц, 2008, Шилова, 2015)

Интенция (от лат. Intention) – «стремление, намерение, цель, направленность на какой-либо предмет. Понятие, пришедшее из античной философии и средневековой схоластики; используется в экзистенциальной и феноменологической философии. Расширительное значение приобрело в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах, где используется при любых проявлениях человеческой активности в среде». (Социология управления, 2015: 104-105). «Управленческая интенциональность формируется из равнодействующих мотивов и целей (интенций) участников управления и является характеристикой коммуникативной среды. Изучение управленческих ситуаций через призму доминирующих в процессе управления интенций позволяет определить эффективность последних в связи с их разной интенциональной окрашенностью» (Социология управления, 2010: 230-231; Социология управления, 2015, Шилова, 2019). Интенциональная окрашенность – свойство текста, напрямую зависящее от интенции автора(ов).

В своей статье мы будем опираться на теоретико-методические разработки, которые велись авторами данной публика-

ции на протяжении пятнадцати лет, в рамках проектов, которые проводились Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН, а также проектов, поддержанных РФФИ, РГНФ и РНФ.

Теоретико-методологической основой данной работы является экоантропоцентрическая и семиосоципсихологичская парадигмы Т. М. Дридзе. В экоантропоцентрической парадигме интегрированы разнопредметные знания под общим углом зрения на жизненные и социокультурные реалии «как изменчивые следствия человеко-средовых» интеракций» (Дридзе, 2000: 10).

В более ранних работах мы уже отмечали важность следующих экоантропоцентрических парадигмальных оснований для наших разработок (Дридзе, 2000):

- исследователь акцентирует свое внимание на метаболических (обменных) процессах, которые происходят между человеком и средой;
- происходит интеграция научного знания о природе, человеке и обществе в практику социально-значимых управленческих решений;
- в сферу исследовательского внимания попадают не только результаты общественной практики, но и интенции, лежащие у истоков зарождения человеческой деятельности и взаимодействия с окружающей средой;
- особая роль придается понятию «ситуация», анализируются «конкретно историческая ситуация», «социальная (социокультурная) ситуация» и «жизненная ситуация (Шилова, 2015; Шилова, Быков, 2018; Шилова, 2019).

Семиосоциопсихологическая парадигма рассматривает коммуникацию как универсальный социокультурный механизм человеко-средовой интеракции (взаимодействия).

Важные в контексте исследований семиосоциопсихологические парадигмальные основания:

- нормы, образцы поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей с элементами окружающей среды создаются самими людьми в процессе коммуникации;
- коммуникация реализуется в текстовой деятельности (форме обмена порождения и интерпретации текстов;
- текст является единицей коммуникации и представляет собой иерархию коммуникативно-познавательных программ, объединенный интенцией партнеров по общению;
- интенция – равнодействующая мотива и цели, основной коммуникативный посыл, который обуславливает структуру текста;
- диалог является условием коммуникации, отсутствие диалога рождает феномен псевдо- и квазикоммуникации;
- навыки интерпретации коммуникантов могут быть адекватными, частично-адекватными и неадекватными (Дридзе, 2000, Шилова, 2019).

Методической основой данной работы являются интенциональный (мотивационно-целевой) и ситуативный (проблемно-ориентированный) анализы.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). С 2008 года, начиная с проекта под руководством Е. М. Акимкина в городе Бронницы, руководителем и сотрудниками Центром социологии управления и социальных технологий (А. В. Тихоновым, В. А. Шиловой, Е. М. Акимкиным, В. С. Богдановым, К. В. Быковым, К. Э. Гусейновой, А. А. Мерзляковым, Е. И. Рабиновичем) разработаны и продолжают разрабатываться методология, ряд методов и методик, позволяющих определять интенции акторов (участников) коммуникации, интенциональную окрашенность текстов, коммуникативной ситуации, среды.

Методика проблемно ориентированного интенционального (мотивационно-целевого) анализа, коротко ПОИ(МЦ)А представляет собой сложный комплекс процедур отбора и кодирования проблем-

ных ситуаций, содержащихся в информационно-аналитическом контенте, и позволяет выходить на новый уровень анализа текстовой и визуальной информации путем определения ключевой интенции (коммуникативного намерения) авторов.

Методика ПОИ(МЦ)А решает диагностические задачи и применяется для проектирования благополучной социальной среды, принятия эффективных управленческих и градостроительных решений на поселенческом, городском, муниципальном, региональном и федеральном уровнях (Шилова, Гусейнова, 2016).

Ключевой составляющей ПОИ(МЦ)А является матрица проблемно-ориентированного интенционального анализа (см. Приложение 1., пример матрицы анализа). В основу разработки которой был положен метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа (Т. М. Дридзе – Т. З. Адамьянц). Матрица состоит из 4 ключевых блоков, которые варьируются в зависимости от поставленных задач, которые в свою очередь состоят из перечня необходимых показателей: тема, основная проблема, ее виды и тип, с каких позиций рассматривается проблема, кто субъект (носитель), оценка работы местных органов власти и т.д., где каждый индикатор выступает в качестве открытого или полузакрытого вопроса (см. Приложение 1).

«Схема анализа выстраивается на основе выделения 6 уровней проблемной ситуации, без которых структура коммуникативного акта считается незавершенной. 1-й уровень: цель и мотивация текстовой коммуникации; 2-й уровень: тезисы и контртезисы; 3-й уровень: аргументы и контраргументы; 4-й уровень: иллюстрации; 5-й уровень: социокультурные фоны; 6-й уровень: фоны к фонам. Определение интенции, социокультурного фона информационного материала, а также его проблемной ситуации является ключевым преимуществом методики. В результате интерпретации данных можно определить группы, в интересах которых материал был написан; определить сходство и различие позиций активных объектов (авторов) с властной политикой местного руководства» (Шилова, 2019: 616; Адамьянц, 2020; Шилова, 2015).

Методика ПОИ(МЦ)А позволяет решать ряд научно-исследовательских, прогнозных и проектных задач на разных уровнях:

• изучить проблемный контекст через призму проблемных ситуаций, отображенных в СМИ; социальных сетях; официальных письмах; порталах; законодательных актах и иных информационных материалах;

• сопоставить проблемы, которыми обеспокоены представители разных социальных групп;

• изучить форму подачи самих проблемных ситуаций в разных социокультурных разрезах;

• определить доминирующую интенциональную направленность сообщений коммуникативных акторов.

Область возможного применения – практика социальной диагностики и социального управления при подготовке и принятии социально-значимых управленческих решений» (Шилова, 2019: 616; Шилова, Гусейнова, 2016).

В 2015 году Центром социологии управления и социальных технологий было проведено поисковое исследование в четырех регионах РФ: в Белгородской и Московской областях, в республиках Башкортостан и Калмыкия. Нами были проанализированы 400 проблемно ориентированных публикаций в официальных и неофициальных СМИ каждого региона (по 100 статей). Для анализа использовался ПОИ(МЦ)А. Полученные нами результаты зафиксировали схожие и отличительные черты коммуникативных стратегий в регионах. В частности, была выявлена особенность СМИ Калмыкии рассматривать проблемные ситуации с одной точки зрения, а в Белгородской и Башкирской прессе отражалось много позиций заинтересованных сторон. Республики Калмыкия и Баш-

кортостан были лидерами по позитивной окрашенности проблемно ориентированных статей, но, как правило, они поднимали уже решенную проблему, и хвалили власть за ее быстрое решение (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали, 2017; Богданов, 2019).

Таким образом, методика в очередной раз была эффективно применена Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН в области диагностики проблемных ситуаций городов и регионов с целью выработки рекомендаций для принятия эффективных управленческих решений (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали, 2017).

На исследовательском этапе в 2019-2021 годах были разработаны и апробированы новые аналитические возможности матрицы, а именно возможность обнаружения манипулятивных техник, которые могут присутствовать в текстах управленческой направленности (Приложение 1, четвертый блок вопросов).

Нами рассматривались только те техники, которые возможно было бы проверить, например, все техники, которые связаны с интерпретацией контента, где нельзя с абсолютной уверенностью привести доказательства, что та или иная информация является истинной/ложной, были нами исключены.

Нами были выделены следующие манипулятивные приемы:

Абстрактные ссылки – кроме реальных ссылок: на статьи, опубликованные ранее на данном ресурсе; на статьи, опубликованные ранее на других ресурсах; любое прямое или косвенное цитирование с упоминанием конкретного человека, произнесшего упомянутые слова. Абстрактными ссылками считались, такие как: «по словам депутатов», «по мнению спортсменов» и прочие, например, без упоминания конкретных личностей.

Размытые понятия – манипулятивная техника, при которой общеизвестные слова подменяются более размытыми понятиями, сообщение становится менее конкретным.

Числовые манипуляции – использование средних чисел, а также таких приемов, как «большая часть», «подавляющее большинство» и т.д. (Кара-Мурза, 2000: 317).

Разрушение символов – манипулятивная техника, при которой происходит разрушение устоявшегося мнения.

Эмоции – давление на чувства, когда спикер или журналист намеренно вводит собственную оценку того или иного события (Кара-Мурза, 2000: 574).

Активизация стереотипов – упоминание и подкрепление сложившегося представления о чем-либо.

Упрощение проблемы – представление той или иной проблемной ситуации «в краткой, энергичной и впечатляющей форме», чтобы примитивизировать смысл высказывания и подать его в простой форме (Гаврилов, 2013).

Наклеивание ярлыков – событию приклеивается негативный ярлык, чтобы заставить аудиторию отвергнуть его (Телень, 1978). Эта техника рассматривалась в более широком смысле, отмечались ярлыки, которые наклеивались не только на само событие, но и на действующих лиц, причем не только негативные, но и позитивные.

Манипуляции с заголовком – манипуляция, при которой в заголовок выносится привлекающая внимание информация, зачастую выдернутая из контекста.

Смещение акцента – в этом случае внимание аудитории смещается с информации о конкретном факте на его оценку; также отмечалось в том случае, если речь в статье шла не о том, о чем было заявлено в описании (Гаврилов, 2013: 51).

Подмена аргумента – при использовании этого приема в качестве доказательства приводится такое положение, которое само требует доказательства.

Овеществление, олицетворение – манипулятивная техника, при которой

действие приписывается неодушевленному предмету (Гаврилов, 2013).

Метафоризация – техника, при которой происходит перенос с одной реалии на другую на основе их сходства, благодаря чему возникает эмоциональный образ (Гаврилов, 2013).

Манипуляция определялась следующим образом: после заполнения блоков три и четыре (см. Приложение 1) определения интенции и присутствия (отсутствия) манипулятивных техник, наличие манипуляции отмечалось в следующих случаях:

1) присутствовал деструктивный характер интенции;

2) отмечалось наличии ложной информации;

3) тип интенции определялся, как «воздействовать»;

4) отмечалось использование различных манипулятивных техник при подаче информации, либо многократное использование любой техники на протяжении всего текста.

Манипуляция не отмечалась, если:

1) любая манипулятивная техника была применена только в заголовке с целью привлечения внимания;

2) она присутствовала в цитатах со ссылкой на слова конкретного человека;

3) стоял тег «мнение».

Несмотря на то, что матрица, как самостоятельный методологический инструмент, давала возможность получать значимые и нетривиальные научные результаты для реализации комплексного подхода диагностики интенций, интенциональной направленности и интенциональности в области управления, требовался инструментарий, который можно было использовать в массовом опросе. И впервые в 2019 году авторами была сделана попытка исследовать интенции руководящих региональных органов власти на основе анализа интерпретаций населением их управленческих стилей. Полученные результаты приведены нами ниже.

Анализ управленческих стилей региональных органов власти с точки зрения их интенциональной направленности и отношение к ним населения в региональном разрезе. В 2019 году Центром социологии управления и социальных технологий был проведен массовый опрос: собрано 2000 анкет, заполненных респондентами лично, по 500 анкет в четырех регионах РФ, в Белгородской и Московской областях, в республиках Башкортостан и Калмыкия, выборка структурирована по квотам пола и возраста. Кроме вопросов оценки эффективности работы органов власти и управления по различным направлениям, респондентам было предложено дать определение стилю руководства региона, выбрав из вариантов ответа: авторитарный, коллегиальный, демократический, либеральный, клановый, неопределенный.

Научный коллектив, со своей стороны, определил базовую ключевую интенциональность управленческих стилей, ответив на ключевой вопрос «Зачем? С какой целью действует управленец(ы)?».

Стиль управления трактуется в данной статье по определению А. В. Тихонова, как «субкультурное понятие, характеризующее микросреду персонифицированной управленческой деятельности, результат личностного окрашенного сочетания методов и приемов, реально применяемых руководителем в процессе подготовки, принятия и реализации решений» (Социология управления, 2015: 358). Также А. В. Тихонов отмечает, что в стиле управления находят свое практическое воплощение, помимо разнообразных качеств руководителя, его ценностей, действий, интересов, и его мотивы, которые и являются одной составной частью интенции.

Определяя ключевые черты интенций, мы опирались на описание стилей управления и типов лидерства разными авторами (Тезаурус социологии, 2009), см. Таблицу 1.

Ключевая черта интенции авторитарного стиля управления – принять собственное решение и навязать его всем

остальным, самоутверждение, подчинение своей воле. Авторитарный управленец не прислушивается к мнению окружающих и действует по принципу принуждения.

Коллегиальный стиль управления характерен стремлением управленца разделить власть между собой и коллективом. Решение принимается с учетом мнения коллектива. Руководитель оставляет за собой контрольную функцию результата выполнения принятого решения.

Демократический стиль управления близок по своей сути к коллегиальному. Базовый принцип заключается в предоставление подчиненным самостоятельности. Демократ делегирует часть своих функций принятия решения и контроля его выполнения подчиненным. Интенцией в данном случае может служить, в зависимости от личности управленца, как нежелание работать самому, так и нацеленность на организацию эффективной системы управления и контроля.

При либеральном стиле управления подчиненным представляются неограниченные возможности свободы действия, при минимальном контроле или полном отсутствии его.

При клановом стиле управления, управленец руководствуется интересами своего клана, продвигает выгодные для клана решения, интересы общества и региона уходят на второй план. На ключевые управленческие позиции назначаются подчиненные по принципу родства, а не деловых качеств.

О неопределенном стиле управления можно говорить в тех случаях, когда, например, управленец использует разные стили и стратегии управления, в том числе, описанные нами выше, делает это настолько вариативно, что его нельзя отнести к одному стилю управления. Также о неопределенном стиле мы можем говорить, когда управленец ещё не проработал достаточного времени, чтобы проявить свой руководящий стиль.

Таблица 1

Особенности принятия решений и ключевая интенциональность разных стилей управления

Table 1

Peculiarities of decision making and key intentionality of different management styles

Стиль управления / Management style	Особенности принятия решения / Peculiarities of decision making	Ключевая характеристика интенции / Key characteristic of intention
Авторитарный / Authoritarian	Принять решение самолично / Make a decision on your own	Принудить, заставить выполнять свое решение / To force to carry out a decision
Коллегиальный / Collegial	При принятии решения, учитывается мнение коллектива / While making a decision, the opinion of the team is taken into consideration	Организовать принятие коллективное решения; Контролировать результат, принятого коллективом решения / Organize collective decision-making; Control the result of the decision made by the collective
Демократический / Democratic	Коллективу предоставляется самостоятельность (предполагает высокую степень самоконтроля и самодисциплины подчиненных), делегируется функция принятия решения в рамках определенных компе-	Дать возможность принять решение коллективу и осуществить его контроль. Делегировать функции принятия решения и контроля. Сформировать команду /

Стиль управления / Management style	Особенности принятия решения / Peculiarities of decision making	Ключевая характеристика интенции / Key characteristic of intention
	тенций / The team is given independence (assumes a high degree of self-control and self-discipline of subordinates), the function of decision-making is delegated within the framework of certain competencies	To enable the collective to make a decision and exercise control over it. Delegate decision-making and control functions. Form a team
Либеральный / Liberal	Предоставить коллективу (подчиненным) полную свободу принятия-непринятия решения / Provide the collective (subordinates) with complete freedom to make or not make a decision	Дать подчиненным полную свободу. Интенция – делайте все, что захотите / Give subordinates complete freedom. Intention - do whatever you want
Клановый / Clan	При принятии решения учитываются выгоды, мнения и интересы своего клана / The benefits, opinions, and interests of one's clan are taken into account when making a decision	Провести, продвинуть, навязать решение выгодное своему клану. Учитывать интересы и выгоды своего клана, а не региона, в целом. Манипулировать / Carry out, promote, impose a solution beneficial to own clan. Take into account the interests and benefits of one’s clan, and not the region as a whole. Manipulate.
Неопределенный / Undefined	Предполагается, что у управленца нет единого стиля управления, который имел точное описание. Решения принимаются всегда по-разному / It is assumed that the manager does not have a uniform management style that has an accurate description. Decisions are always made differently	Интенция – сегодня так, а завтра по-другому. Непредсказуемо. Вариативность подходов, отсутствие единой управленческой логики / The intention differs from day to day. Unpredictable. Variability of approaches, lack of a unified management logic

Безусловно, в каждой конкретной ситуации интенция будет изменяться, из-за личностных характеристик самого управленца, методов и приемов его управления, которые будут иметь смягчающее или наоборот, обостряющее действие на ключевое интенциональное значение.

В анкете респондентам было предложено определить стиль управления, доминирующий в четырех регионах, в которых мы проводили исследование.

Таблица 2

Определение респондентами стиля управления в регионе, в %

Table 2

Respondents define management style in the region, %

Стиль управления / Management style	Белгородская область / Belgorod oblast	Республика Башкортостан / Bashkortostan Republic	Республика Калмыкия / Kalmykia Republic	Московская область / Moscow oblast
Авторитарный / Authoritarian	**19**	**25**	**20**	**18**
Коллегиальный / Collegial	11	11	7	14
Демократический / Democratic	8	14	6	15
Либеральный / Liberal	6	3	2	11
Клановый / Clan	**23**	13	**42**	15
Неопределенный / Undefined	11	14	10	14
затрудняюсь ответить / Not sure	**21**	19	14	12

В соответствии с Таблицей 2: во-первых, в республике Калмыкия наиболее ярко выражен стиль управления, потому что значительная часть респондентов его одинаково идентифицирует, как клановоавторитарный. Во-вторых, в Московской области мнение респондентов максимально распалось, и единого определения стиля управления не просматривается; похожая ситуация и в республике Башкортостан. Белгородская область копирует ситуацию с республикой Калмыкия, но с меньшими цифровыми показателями.

Из всего многообразия вопросов, задаваемых респондентам, нас интересовала, в первую очередь, оценка степени согласия респондентов со стилем руководства в регионе. Обратимся к Рисунку 1, который демонстрирует, насколько респонденты согласны или не согласны с тем стилем управления, который они наблюдают в регионе.

Наибольшее несогласие у респондентов вызывает клановый стиль управления с интенциональностью навязывания интересов своего клана (Рисунок 1), продвижением решений, выгодных одной небольшой группе людей. Согласных с таким стилем управления 5%, не совсем согласных 30%, не согласных 51%.

На втором месте по неприятию оказался авторитарный стиль управления: 17% готовы принять такой стиль и согласиться с ним, 26% не совсем согласны и 41% не согласны полностью. Интенция в данном случае – принуждать, заставлять, подчинять своей позиции.

Либеральный и коллегиальный стиль находят положительный отклик, в каждом случае у 21%, но имеют процент тех, кто не согласен с таким стилем более 21%.

Наибольшее согласие у респондентов вызывает демократический стиль управления с интенциональностью делегировать полномочия принятия решения и осуществления его контроля части коллектива компетентной в данном вопросе, учитывать мнения всех заинтересованных сторон.

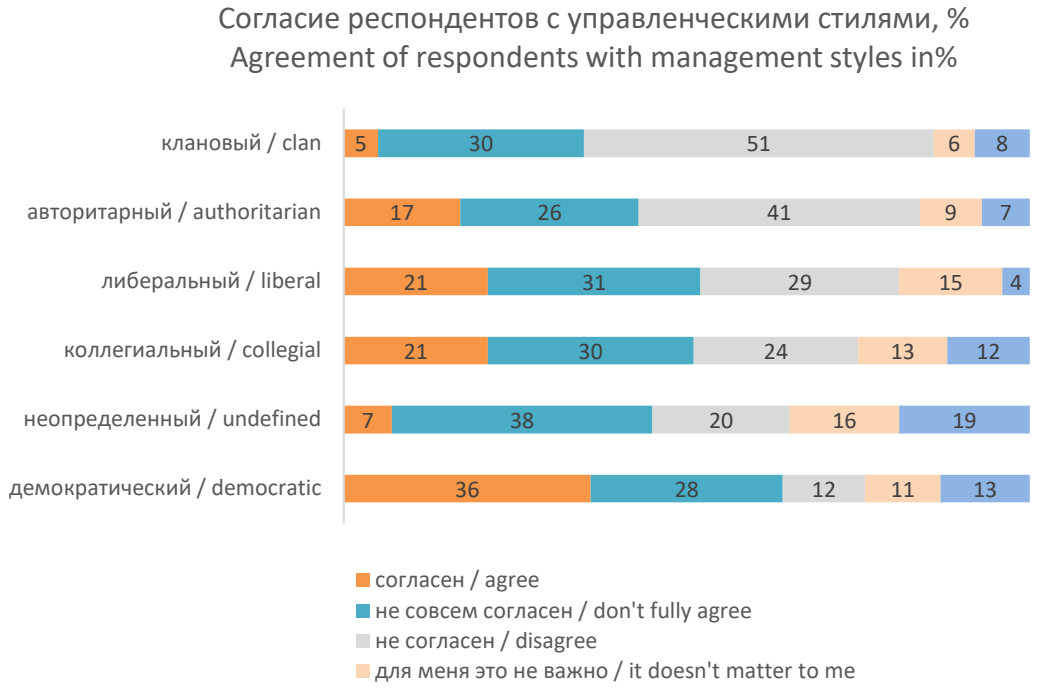

Рис. 1. Согласие респондентов в зависимости от того, каким они определили руководящий стиль региона, %
Fig. 1. The agreement of the respondents, depending on how they defined the management style of the region, %

Таким образом, мы видим, что наибольшую симпатию у населения вызывает демократический стиль управления, который в наибольшей степени связан с открытой интенциональностью и подкреплен «диалогической» моделью коммуникации и субъект-субъектной моделью управления.

Наименьшую симпатию у населения вызывает клановый стиль управления, который предполагает в процессе принятия решений подмену общественных интересов клановыми. То есть изначально предполагает использование механизмов манипуляции и подмену истинных смыслов, а также сокрытие собственных интересов управленца либо управленческой группы.

Обратившись к Рисунку 2, мы можем наблюдать, что респондентов, несогласных со стилем управления в регионе, больше в регионах, где стиль управления маркировался как клановый и авторитарный. Больше соглашались респонденты со стилем управления в Республике Башкортостан и Московской области, где чаще присутствовали в вариантах ответов коллегиальный и демократический стили управления.

В анкете также присутствовал блок вопросов, которые позволили нам сравнить степень обеспокоенности отдельными недостатками управления в связи с тем, какой стиль руководства определил респондент в регионе. Нами были выбраны из общего списка те недостатки управления, которые напрямую или косвенно были связаны с коммуникативными практиками и интенциональностью.

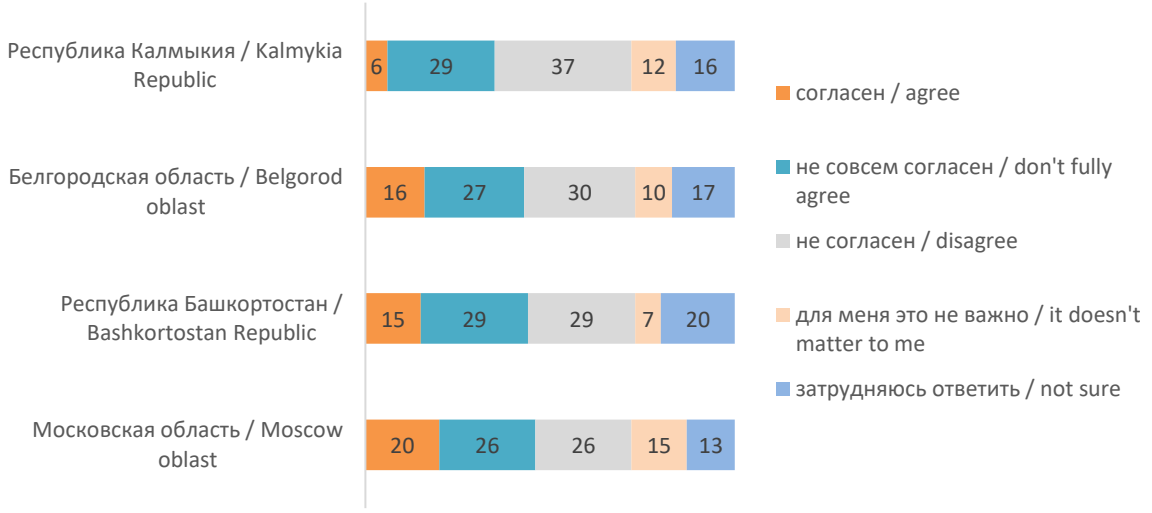

Рис. 2. Согласие и не согласие респондентов в зависимости от региона проживания, %
Fig. 2. Agreement and disagreement of respondents depending on the region of residence, %

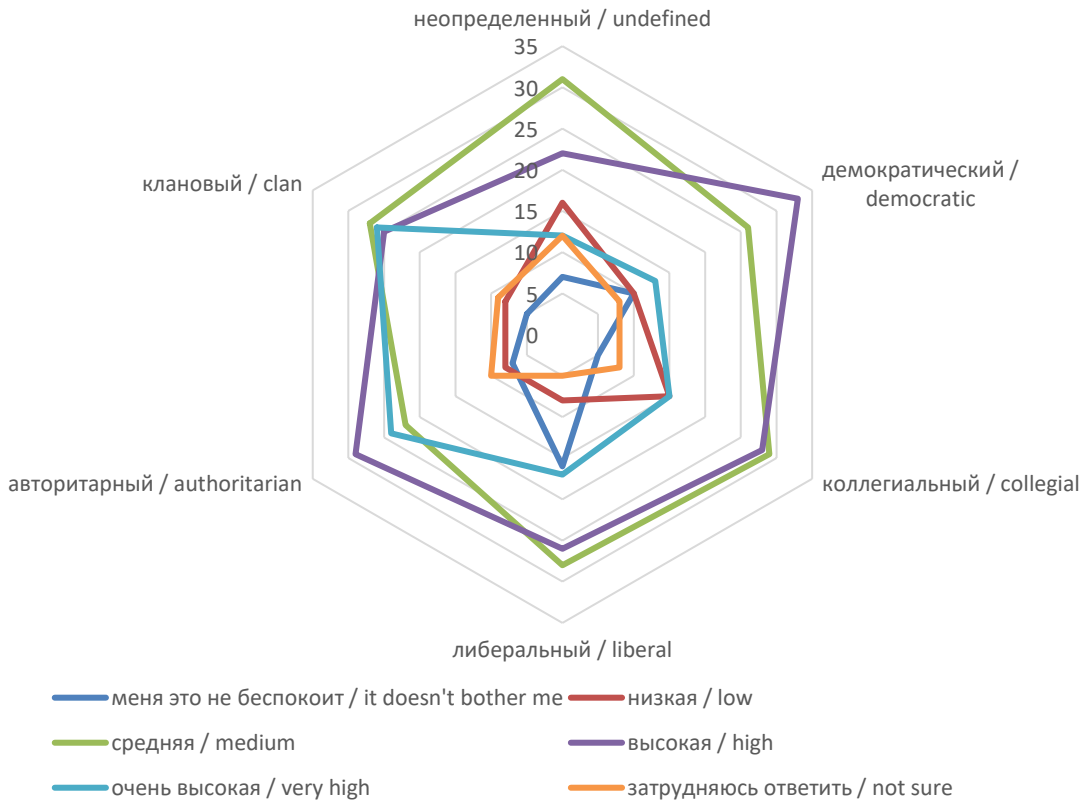

Рис. 3. Обеспокоенность отсутствием понятных населению стратегических целей и конкретных задач, в зависимости от стиля управления, определнного респондентом в регионе, %
Fig. 3. Concern about the lack of understandable for the population strategic goals and specific tasks, depending on the management style defined by the respondent in the region, %

Рисунок 3 демонстрирует, что уровень «очень высокой» обеспокоенности чаще демонстрируют респонденты, которые определяют руководящий стиль в регионе, как клановый или авторитарный, а «высокую» обеспокоенность – которые

определяют стиль руководства как авторитарный или демократический. Респонденты, отметившие либеральный стиль руководства, чаще выбирают ту позицию, что их «не беспокоит» вопрос отсутствия понятных населению стратегических целей и конкретных задач.

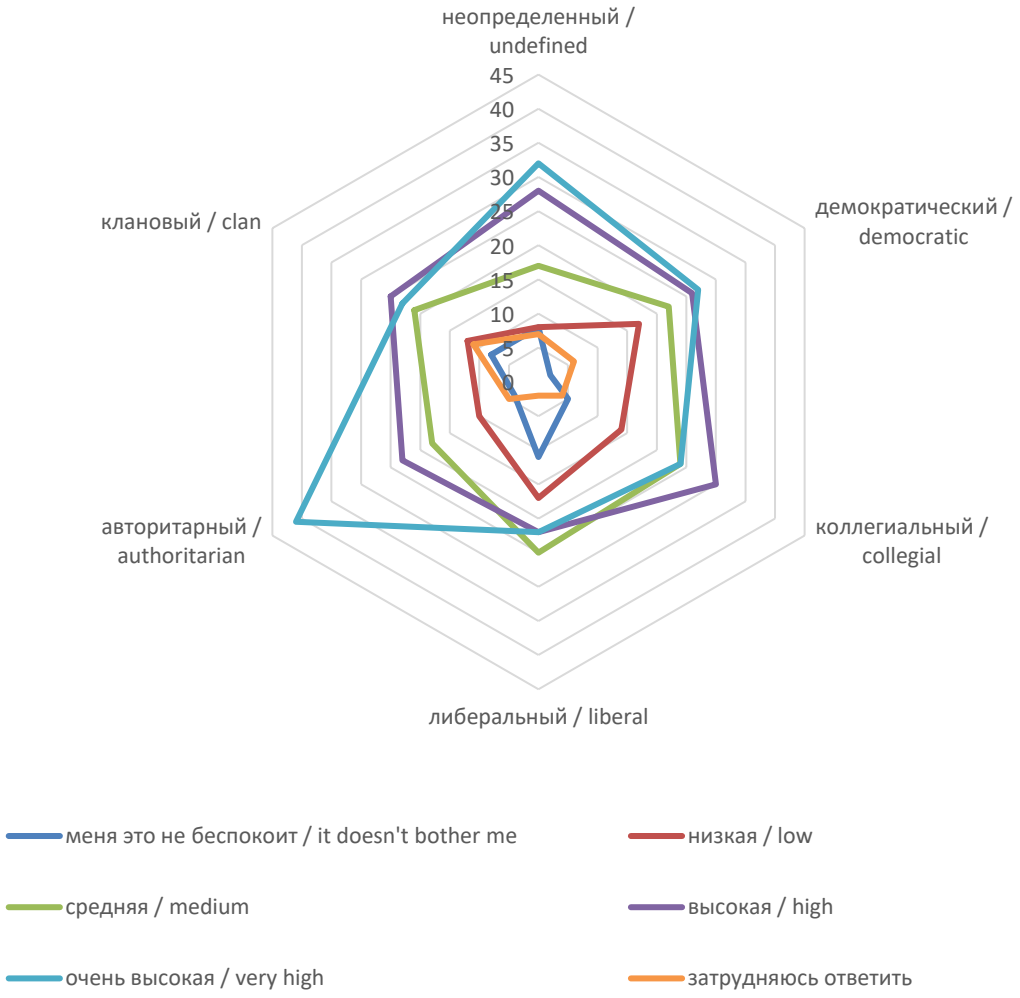

Рис. 4. Обеспокоенность несоответствием действий руководителей их публичным выступлениям, в зависимости от стиля управления, определенного респондентом в регионе, %
Fig. 4. Concern about the discrepancy between the actions of leaders and their public speeches, depending on the management style identified by the respondent in the region, %

Очень высокую обеспокоенность несоответствием действий руководителей их публичным выступлениям, демонстрируют респонденты, которые определяют стиль руководства, как авторитарный или неопределенный. Высокую степень обеспокоенности демонстрируют респонденты, определившие стиль руководства, как коллегиальный, неопределенный и клановый. Низкую степень тревожности чаще демонстрируют те, кто определил стиль руководства, как демократический или либеральный (рис. 4).

В большей степени обеспокоены имитацией управленцами активности, вместо реальной работы, респонденты, определившие стиль руководства в регионе, как авторитарный и неопределенный (рис. 5). Остальные респонденты примерно в равной степени демонстрировали обеспокоенность.

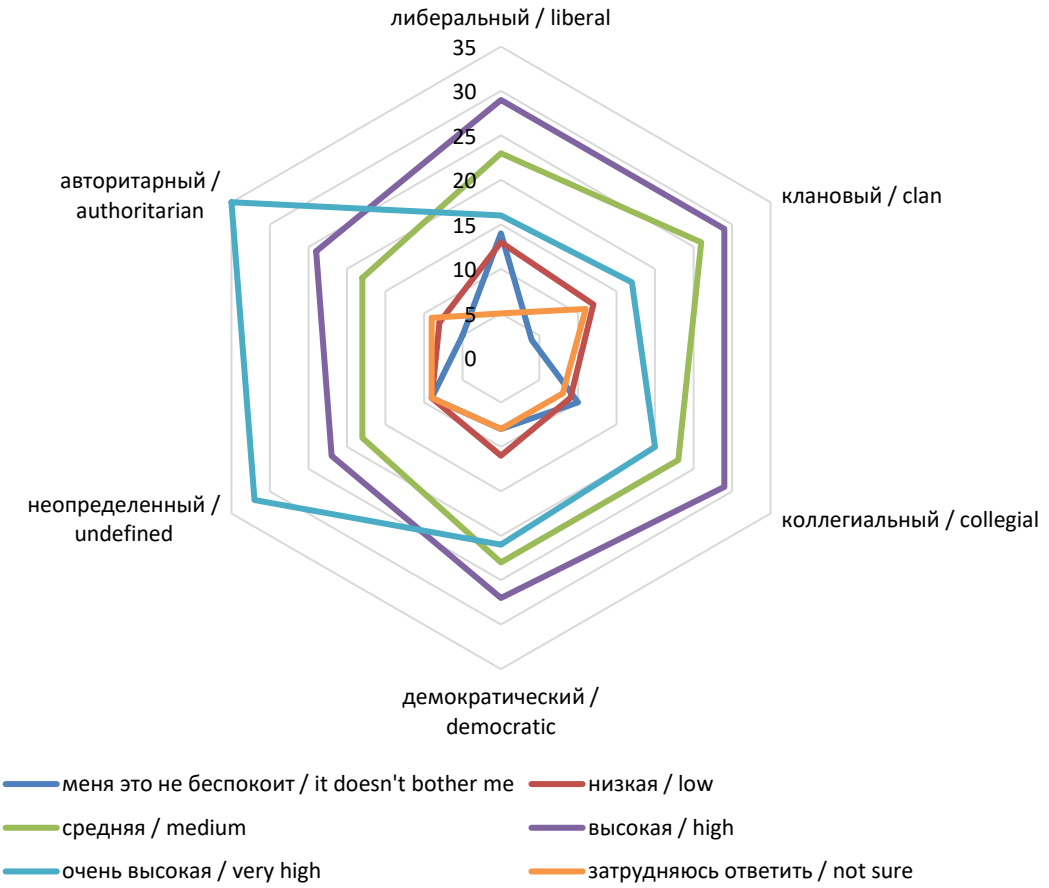

Рис. 5. Обеспокоенность ориентацией руководства не на прорывные проекты, а на имитацию активности, в зависимости от стиля управления, определенного респондентом в регионе, %

Fig. 5. Concern about the leadership's orientation not towards breakthrough projects, but towards imitation of activity, depending on the management style defined by the respondent in the region, in %

Обеспокоенность коммуникативной закрытостью органов власти при обсуждении вопросов управления очень высокая у 33% респондентов, определивших стиль управления в регионе, как клановый, и у 21% респондентов, определивших стиль управления, как авторитарный (рис. 6).

Рисунок 7 демонстрирует связь между определением стиля управления в регионе и уровнем оценок работы региональных органов власти. Можно видеть, что респонденты, интерпретирующие стиль управления как авторитарный и клановый, чаще были склонны оценивать работу аппарата губернатора «очень плохо» и «плохо», чем респонденты, интерпретирующие стиль управления как коллегиальный, демократический и либеральный, которые чаще ставили оценки «хорошо» и «отлично».

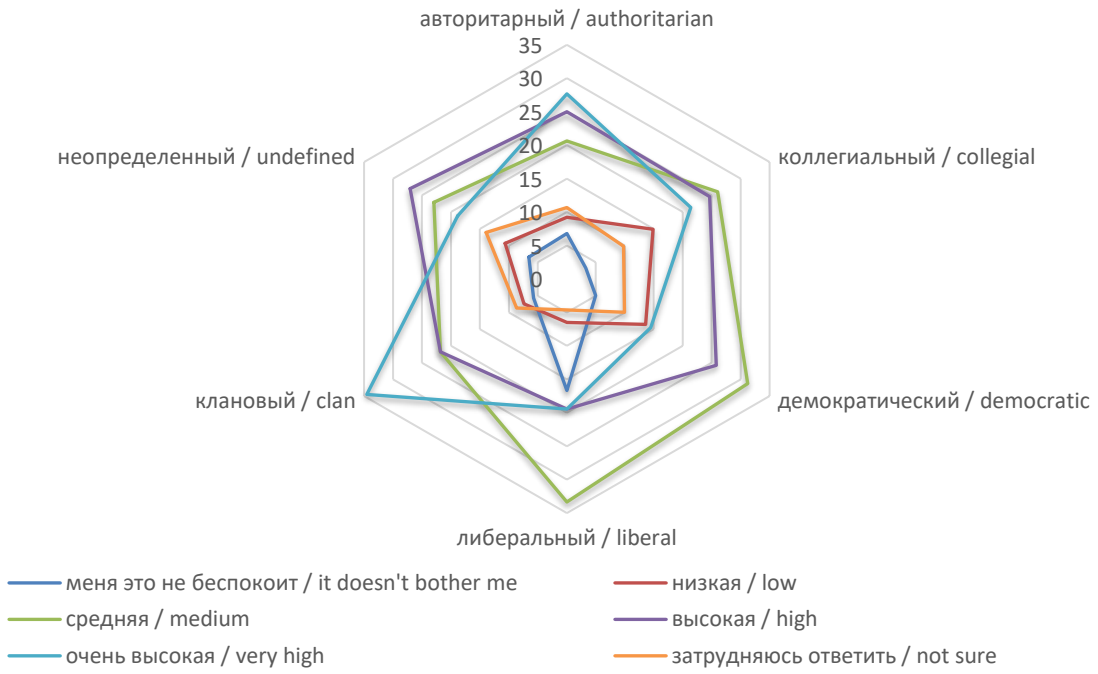

Рис. 6. Обеспокоенность склонностью к превращению органов власти в «междусобойчик», в зависимости от стиля управления, определенного респондентом в регионе, %
Fig. 6. Concern about the propensity to turn government bodies into a “get-together”, depending on the management style identified by the respondent in the region, %

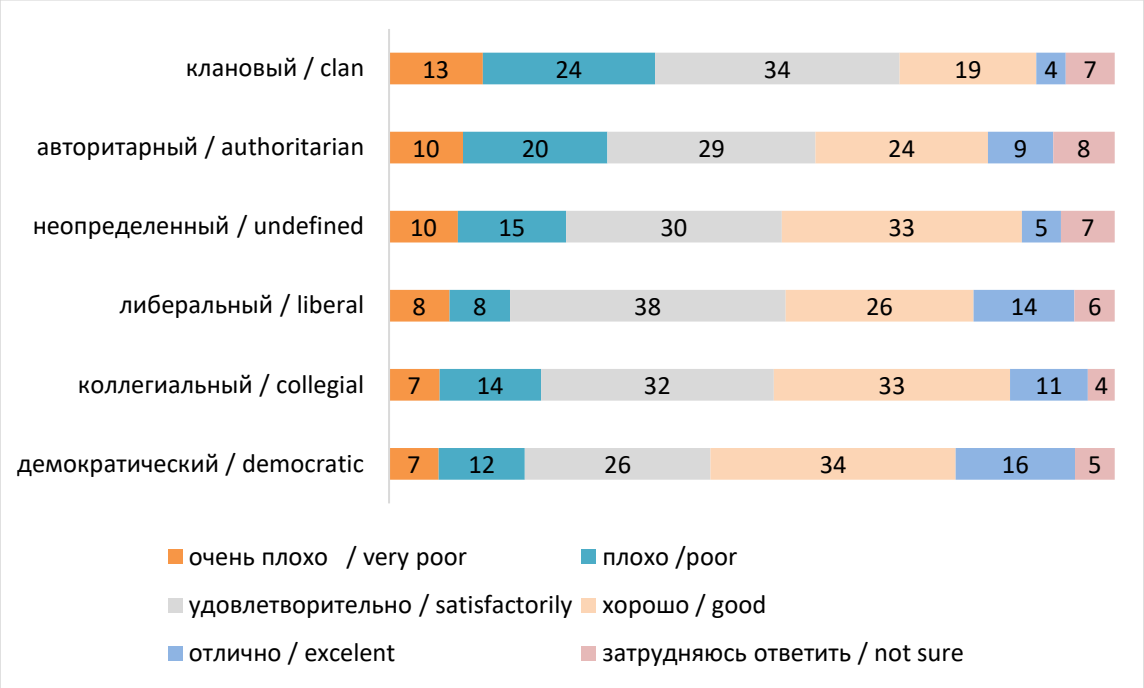

Рис. 7. Оценка эффективности работы аппарата губернатора республики, края, области, где Вы живете, в зависимости от стиля управления, определенного респондентом в регионе, %
Fig. 7. Evaluation of the efficiency of the office of the governor of the republic, territory, region where you live, depending on the management style identified by the respondent in the region, %

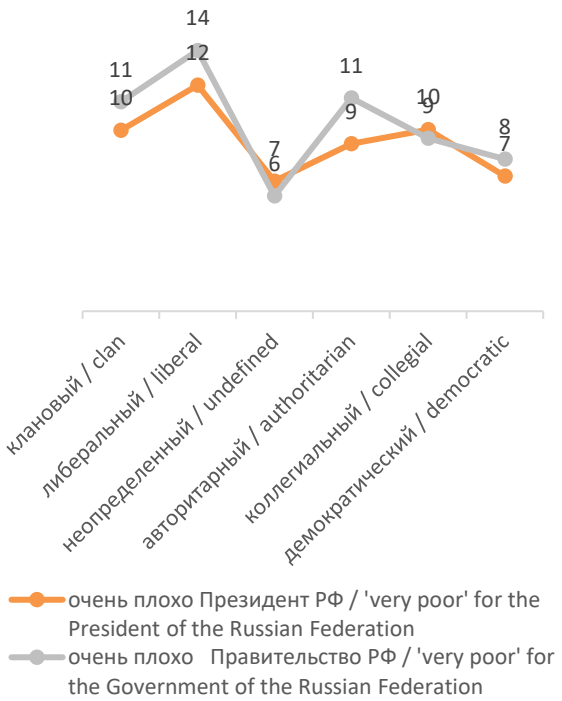

Рис. 8. Оценка эффективности работы Президента РФ и Правительства РФ «очень плохо», в зависимости от стиля управления, определенного респондентом в регионе, %

Fig. 8. Changes in the assessment of "very poor" in the work of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation, depending on the management style identified by the respondent in the region, %

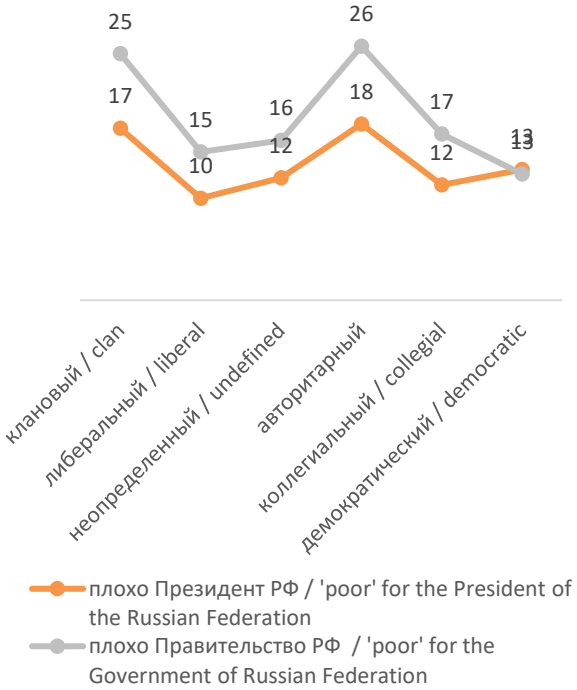

Рис. 9. Оценка эффективности работы Президента РФ и Правительства РФ «плохо», в зависимости от стиля управления, определенного респондентом в регионе, %

Fig. 9. Changes in the assessment of "poor" in the work of the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation, depending on the management style identified by the respondent in the region, %

На рисунках 8 и 9 выведены отрицательные оценки эффективности работы Президента РФ и Правительства РФ и прослеживается связь оценок работы федеральных органов власти (Президента РФ) и органов управления (Правительства РФ) с интерпретациями респондентами управленческого стиля в регионе. Таким образом, респонденты, которые определили стиль руководства в регионе как клановый и авторитарный, склонны чаще ставить отрицательные оценки эффективности работы федеральным органам власти и управления. Оценку «очень плохо» также чаще ставят респонденты, определившие стиль руководства как либеральный.

Следует отметить, что авторитарный и клановый стили управления были чаще связаны с негативными оценками деятельности региональных органов власти, чаще вызывали у респондентов обеспокоенность по ряду вопросов, связанных с пониманием их действий и деятельности, а также способствовали более низким оценкам деятельности, в том числе эффективности, работы Президента РФ и Правительства РФ.

Заключение (Conclusions). Подводя итоги, мы можем отметить, что, начиная с разработки первичной конфигурации матрицы ПОИ(МЦ)А в 2008 году, на протяжении всего периода до настоящего момента велась работа по ее усовершенство-

ванию. Можно выделить три её основных направления.

Первое – это углубление и детализация кодирования в матрице проблемной ситуации. Если на первых этапах это были простые базовые вопросы: «как давно возникла проблема», «кто является носителем проблемы», «с какой темой связана проблема», «с какой точки зрения описывается проблема», то в настоящий момент добавлены временной контекст существования проблемы, степень разрешимости и важности решения проблемы для социума.

Второе направление – усовершенствование процедуры определения интенции автора публикации и интенциональной направленности материала. Особое внимание в данном направлении уделялось подготовке кодировщика-аналитика, который, прежде чем приступать к внесению текстов в базу данных, проходил углубленное изучение семиосоципсихологии и интенционального (мотивационно-целевого анализа). В ходе подготовки отрабатывались навыки выделения в тексте необходимых структурных элементов, выстраивание структурных элементов в иерархию, что на «выходе» позволяло максимально точно определить интенцию автора текста. Также для верификации данных использовали кодирование одного и того же текста несколькими кодировщиками-аналитиками.

Третье направление – разработка дополнительных блоков анализа содержательных элементов, например, наличие-отсутствие манипулятивных приемов, призывов, элементов давления (см. Приложение 1, блок четыре) или координации общественной деятельности, тематической информации, например, о национальных проектах и так далее. Дополнительные блоки разрабатывались для решения конкретных прикладных задач, поставленных в отдельном исследовании. Для изучения сплоченности групп, например, был разработан кодировочный блок содержащихся в тексте элементов, направленных на формирование группового объединяющего контента. В исследовании информационных войн были выделены характеристики образа информационного врага и приемы его изображения в информационном поле.

Важным моментом в исследовании управленческих интенций стал проведенный массовый опрос, позволивший зафиксировать возможность использования интерпретаций респондентами стиля руководства, как переменной, позволяющей: а) косвенно оценивать управленческую интенциональность региональных органов власти, и б) прослеживать связь интерпретации интенциональности с оценками эффективности работы, ожиданиями, необходимыми изменениями, а также ряда других переменных.

Рассмотрение стилей управления региональных органов власти через призму их интенциональности позволило сделать следующие выводы.

Большую обеспокоенность по всем коммуникативным параметрам, вызывают клановый и авторитарный стили управления. Они сопряжены с обеспокоенностью отсутствием понятных населению стратегических целей и конкретных задач, несоответствием действий руководителей их публичным выступлениям, ориентацией руководства не на прорывные проекты, а на имитацию активности. При интерпретации стиля управления как кланового или авторитарного снижаются оценки эффективности деятельности как региональных органов власти и управления, так и федеральных.

Вопрос изучения коммуникативных механизмов интенциональности в работе органов власти и управления является новейшим и актуальнейшим на исследовательской повестке дня. И если ранее мы писали о необходимости разработки методов, позволяющих нам делать такие замеры, опираясь на интенциональный (мотивационно-целевой) анализ Т. М. Дридзе, то сейчас мы совсем близко подошли к тому, чтобы провести на его основе полноценное комплексное исследование коммуникативных механизмов управленческой интенци-

альности и возможных эффектов, которые они оказывают на реализацию управленческих решений.

Список литературы

Адамьянц Т. З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы [монография]. М.: Институт социологии РАН, 2017. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=5020. (дата обращения: 03.13.2020)

Адамьянц Т. З. Коммуникативные механизмы понимания: знак, значение, смысл. Интенция как смысловая доминанта коммуникативного акта (От знака и значения – к смыслу) // Мир психологии. 2008. № 2. С. 71-80.

Адамьянц Т. З. Осторожно! Смысловые атаки // Человек. 2015. № 4. С. 77-83.

Адамьянц Т. З. Актуальные смыслы современной социокультурной среды // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 121-130.

Адамьянц Т. З. Социальные коммуникации: учебник для вузов 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. (Высшее образование). Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/455337 (дата обращения: 03.13.2020).

Богданов В. С. Онлайн экспертиза деятельности органов власти и управления в контексте проблем социокультурной модернизации регионов в 2015 и 2019 годах, а также перспектив реализации стратегии развития РФ до 2024 года // ИНАБ. 2019. № 2. Отношение населения пилотных регионов Российской Федерации к работе органов власти и управления: сравнительный анализ 2015-2019 гг. С. 41-61.

Гаврилов А. А. Лингвистические средства воздействия СМИ на общественное сознание // Омский научный вестник. 2013. № 1. С. 99-103.

Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая и семиосоциопсихологическая парадигмы для интеграции социогуманитарного научного знания в исследовательскую, социально-диагностическую и социально-проектную практику // Мир психологии. 2000. № 2. С. 10-26.

Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131-138.

Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Издательство «Наука»; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. редактор А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.

Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 607 с.

Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: КРАСАНД, 2015. 480 с.

Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / [К. В. Быков и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. 560 с.

Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник» / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 489 с.

Телень Э. Ф. Приемы аргументации в буржуазной прессе / Техника дезинформации и обмана; Под редакцией Я. Н. Засурского. М.: Мысль, 1978.

Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.

Тульчинский Г. Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2014.

Шилова В. А., Быков К. В. Проблема управления сохранением историко-культурного наследия в региональном разрезе // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 152-163.

Шилова В. А., Гусейнова К. Э. Предварительные результаты применения методики интенционального анализа в исследовании работы СМК: по материалам анализа печатных изданий в республике Башкортостан // Вестник Академии права и управления. 2016. № 42. С. 182-188.

Шилова В. А. Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика: монография. М.: Логос, 2015. 204 с.

Шилова В. А. Методологический подход и методы анализа социально-коммуникативных механизмов интенциональ-

ности в работе органов власти и управления // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) [Электронный ресурс]; Международная научная конференция (Москва, 28-30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Ответственный редактор. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 614-616.

References

Adam'yants, T. Z. (2017), *Social meanings of global processes and changes: mechanisms and catalysts*, Institut sotsiologii RAN, Moscow, Russia, available at: http://www.isras.ru/publ.html?id=5020 (Accessed 3 December 2020) *(In Russian)*

Adam'yants, T. Z. (2008), "Communicative mechanisms of understanding: sign, meaning, sense. Intention as semantic dominant of communicative act (from sign and meaning to reason)", *Mir psikhologii*, (2), 71-80. *(In Russian)*

Adam'yants, T. Z. (2015), "Warning! Semantic attacks", *Chelovek*, (4), 77-83. *(In Russian)*

Adam'yants, T. Z. (2020), "Important meanings of the modern socio-cultural environment", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, (5), 121-130. *(In Russian)*

Adam'yants, T. Z. (2020), *Social communications*, Yurayt, Moscow, Russia, available at: https://urait.ru/bcode/455337 (Accessed 3 December 2020). *(In Russian)*

Bogdanov, V. S. (2019), "Online expertise of the government and administration activities: region's socio-cultural modernization in 2015 and 2019 (some issues). Implementing of the development strategy of the Russian Federation until 2024: perspectives", *INAB, Otnosheniye naseleniya pilotnykh regionov Rossiyskoy Federatsii k rabote organov vlasti i upravleniya: sravnitel'nyy analiz 2015-2019 gg.*, (2), 41-61. *(In Russian)*

Gavrilov, A. A. (2013), "Linguistic instruments of mass media influence on public consciousness", *Omskiy nauchnyy vestnik*, (1), 99-103. *(In Russian)*

Dridze, T. M. (2000), "Eco-anthropocentric and semio-sociopsychological paradigms for integrating socio-humanitarian scientific knowledge into research, socio-diagnostic and socio-project practice", *Mir psikhologii*, (2), 10-26. *(In Russian)*

Dridze, T. M. (1994), "Human and urban environment in forecast social design", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, (1), 131-138. *(In Russian)*

Dridze, T. M. (1984), *Textual activity in social communication structure. Semio-sociopsychological issues*, Nauka, Akademiya nauk SSSR, Institut sotsiologicheskikh issledovaniy, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Kara-Murza, S. G. (2000), *Manipulation of consciousness*, Algorithm, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Russia: reforming the management structure: socio-cultural modernization of regions' perspective (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sociology of management: strategies, procedures and research results (2010), in Tikhonov, A. V. (ed.), Canon + ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sociology of management: Theoretical and applied explanatory dictionary (2015), in Tikhonov, A. V. (ed.), KRASAND, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sociology of management: fundamental and applied knowledge (2014), in Tikhonov, A. V. (ed.), Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia. *(In Russian)*

Sociology thesaurus. Thematic dictionary-reference, (2009), in Toshchenko, Zh. T. (ed.), YUNITI-DANA, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Telen', E. F. (1978), *Argumentation methods in the bourgeois press. Misinformation and deception technique*, in Zasurskiy, Y. N. (ed.), Mysl', Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tikhonov, A. V. (2007), *Sociology of management. Theoretical foundations*, Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tul'chinskiy, G. L. (2014), *Russian political culture: features and perpectives*, Aleteyya, Saint Peterburg, Russia. *(In Russian)*

Shilova, V. A., and Bykov, K. V. (2018), "The problem of historical and cultural heritage preservation management in the regional context (some issues)", *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*, 4 (4), 152-163. *(In Russian)*

Shilova, V. A., and Guseynova, K. E. (2016), "Intentional analysis method in the study of mass media work: preliminary results (based on the analysis of printed publications in the Republic of Bashkortostan)", *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, (42), 182-188. *(In Russian)*

Shilova, V. A. (2015), *Communicative field of management: theory, methodology, practice*, Logos, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Shilova, V. A. (2019), "Methodological approach and methods of analysis of socio-communicative mechanisms of intentionality in government and administration work", *International scientific conference (Moscow, 28-30 November 2019). "The future of sociological knowledge and challenges of social transformations"*, Gorshkov, M. K. (ed.), FNISTS RAN, Moscow, Russia, 614-616. *(In Russian)*

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2021 г. Поступила после доработки 30 ноября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 30 September 2021. Revised 30 November 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Быков Кирилл Владимирович, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Kirill V. Bykov, Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Шилова Валентина Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Valentina A. Shilova, Ph.D. in Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Приложение

Пример проблемно-ориентированной матрицы интенционального анализа данных

Первый блок вопросов. Общие характеристики текстовой единицы

Название переменной	Варианты ответа	Тип переменной
Номер кейса	1-…	числовая
Страна	Список стран	порядковая
Регион	Список регионов	порядковая
Город	Список городов	порядковая
Название газеты, сайта, информационного ресурса, социальной сети и т.д.		текстовая (или порядковая)
Год издания		числовая
Номер газеты (журналов)	Номера газет (журналов)	порядковая
Название материала (статьи)		текстовая
ФИО автора		текстовая
Жанр статьи	1. Аналитическая статья 2. Беседа 3. Документы 4. Житейская история 5. Журналистское расследование 6. Заметка (анонс) 7. Интервью 8. Информационная статья	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется)

	9. Комментарий 10. Обращение к жителям 11. Очерк 12. Политическая программа 13. Письмо 14. Пресс-релиз 15. Репортаж 16. Другой жанр	
Тема статьи	1. Бизнес, экономика 2. ЖКХ 3. Инфраструктура (организации, учреждения) 4. История 5. Криминал 6. Культура, досуг 7. Медицина, здоровье 8. Образование 9. Общественные организации 10. Органы власти и управления 11. Отдельные социальные, бытовые проблемы 12. Политика 13. Религия 14. Сельское хозяйство 15. Социальная сфера 16. Спорт 17. Торговля 18. Транспорт 19. Экология Другие темы	порядковая (при необходимости список тем расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

Второй блок вопросов. Анализ проблемной ситуации, содержащейся в текстовой единице

Название переменной	Варианты ответа	Тип переменной
Количество основных проблем в текстовой единице	1-…..	числовая
Примечание: Следующий блок заполняется на каждую основную проблему отдельно		
Содержание основной проблемы	1-обеспечения рабочими местами 2- строительства и приобретения жилья 3- бытового обслуживания населения, ремонта жилья 4- организации торговли 5- загруженности местных предприятий 6- своевременной выплаты заработной платы, пенсий, пособий 7- работы общественного транспорта, 8- состояния дорог	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

	9- работы больниц и поликлиник 10- работы учреждений культуры 11- работы органов правопорядка 12- борьбы с пьянством, хулиганством, наркоманией 13- организации массового отдыха населения 14- охраны природной среды 15- работы дошкольных учреждений 16- организации и содержания школьного образования 17- профессионального образования, повышения квалификации 18- коррупции в органах власти 19- поддержки малого и среднего бизнеса 20- отношения к приезжим (мигрантам) 21- уважения к людям вашей национальности 22- уважения к людям вашего вероисповедания 23- охраны памятников культуры, истории 24- отношения к людям различных политических взглядов 25- защищённости прав и свобод от произвола чиновников 26- качества государственных услуг населению (одно окно и т.п.) 27- доступности электронной информации о работе органов власти 28- стратегии развития города (поселения) на ближайшие 10-15 лет 29 …….	
Описание основной проблемы, которая поднимается в статье	Открытый вопрос Аналитик может взять готовое в тексте описание или сформулировать его самостоятельно, реконструировав текст.	текстовая
Как рассматривается проблема? (угол зрения)	1.Одна точка зрения 2. Две точки зрения 3. Много точек зрения	порядковая
С каких позиций рассматривается проблема?	1. журналистов 2. зарубежных партнёров 3. конкретной персоны 4. крупного бизнеса 5. малого и среднего бизнеса 6. местного самоуправления 7. муниципального руководства 8. населения 9. национальных объединений 10. отдельных групп населения 11. отраслевых министерств	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

	12. партийно-политической оппозиции 13. правительства страны 14. профсоюзов 15. регионального руководства 16. религиозных организаций 17. руководства города, района, села 18. соседних регионов 19. финансовых структур 20. другое (напишите)	
Кто субъект (носитель проблемы)?	Открытый вопрос	текстовая
От кого зависит решение проблемы?	Открытый вопрос	текстовая
Руководят ли местные органы власти решением проблемы?	Да И да, и нет Нет Из текста не ясно	порядковая
Чью позицию занимает журналист	1. Собственную независимую позицию 2. На стороне органов власти 3. На стороне населения 4. На стороне пострадавших 5. На стороне заинтересованных групп (лобби интересов) 6. На стороне политической оппозиции 7. На стороне общественных организаций 8. Позиция не просматривается в тексте Другое (напишите)	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких вариантов ответа)
Названы ли конкретные виновные в создание, не решение проблемы?	Да И да, и нет (названы частично) Нет	порядковая
Кто виновники проблемы?	1.Население в целом 2.Отдельные группы граждан 3.Отдельный человек 4.Отдельное должностное лицо 5.Аппарат Президента РФ 6.Аппарат Правительства РФ 7.Государственная Дума РФ 8.Совет Федерации РФ 9.Судебная система (суд, прокуратура) 10.Средства массовой информации (ТВ, радио, печать) 11.Отраслевое министерство, с которым связана проблема 12. Аппарат губернатора республики, края, области 13.Региональных средств массовой информации (ТВ, радио, печать) 14-Администрация города, поселка, села	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

	15- работа руководства органа местного самоуправления 16- работа предприятия (учреждения, организации) Другое (кто именно?)	
Время существования проблемы	1.Проблема советского периода, более 30 лет 2.Проблема постсоветского периода 20-11 лет назад 3. Проблема 5-10 летней давности 4. Новая проблема, менее 5 лет 5. Трудно определить (нет информации)	порядковая
Степень решаемости проблемы	1. Нерешаемая проблема 2. Практически не решаемая проблема 2.Сложно решаемая проблема 3.Решаемая проблема 4. На момент написания статьи проблема уже решена	порядковая
Уровень проблемы	Макро (страна, регион) Меза (большие группы населения) Микро (частный интерес)	порядковая
Локализация проблемы	1. Страна 2. Регион 3. Муниципалитет 4. Город 5. Район города 6. Деревня (село) 7. Улица 8. Дом	порядковая
Наличие механизма решение проблемы	Да Нет	порядковая
Вариативность решения проблемы	1.Один вариант 2.Два варианты 3.Много вариантов	порядковая
Наличие ресурсов для решения проблемы	1. Природные 2. Человеческие 3. Финансовые (экономические) 4. Властно-управленческие 5. Организационные 6. Технические 7. Правовые 8. Информационные 9. Нет никаких ресурсов	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких вариантов ответа)
Отсутствующие ресурсы для решения проблемы	1. Природные 2. Человеческие 3. Финансовые (экономические) 4. Властно-управленческие 5. Организационные 6. Технические	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких

	7. Правовые 8. Информационные 9. Есть все ресурсы	вариантов ответа)
Что произойдет, если проблема не будет решена?	Открытый вопрос	текстовая
Могут ли быть негативные последствия решения проблемы?	Да Нет Не ясно из текста статьи	порядковая
Какие негативные последствия могут быть, если проблема не будет решена?	Открытый вопрос	текстовая
Какие негативные последствия могут быть после решения проблемы?	Открытый вопрос	текстовая

Третий блок вопросов. Определение интенции автора и/или интенциональной окрашенности текста

Выписать основной вывод	Открытый вопрос	текстовая
Выписать интенцию (если она сформулирована самим автором текста). Зачем? С какой целью написан текст?	Открытый вопрос	текстовая
Тип интенции	1. Сообщать (информировать) о чем-либо 2. Привлекать внимание к проблеме 3. Просвещать (воспитывать) 4. Убеждать, аргументировать 5. Воздействовать (влиять), пропагандировать 6. Оказывать помощь, поддержку 7. Призывать к конкретным действиям, поступкам 8. Мобилизовать (организовывать коллективное действие) 9. Манипулировать (подтасовывать факты) 10. Развлекать (веселить, юмор, ирония) 11. Обличать (клеймить) (сарказм) 12. Очернить, нанести вред репутации 13. Формировать положительных образ, подчеркнуть важность и значимость 14. Хвалить, выражать благодарность 15. Отчитываться, писать статью для «га-	порядковая (при необходимости список расширяется и дополняется), (возможен выбор нескольких вариантов ответа)

	лочки» Другое (напишите)	
Качество интенции	1. Конструктивная 2. Нейтральная 3. Деструктивная 4. Скрытая	порядковая
Интенция статьи	Открытый вопрос. Реконструируется и формулируется аналитиком. Для более точного выявления интенции в отдельных случаях проводится интенциональный (мотивационно-целевой) анализ текста.	текстовая
Эмоциональная окрашенность статьи	1. Негативная окрашенность 2. Преобладает негативная окрашенность 3. Нейтральная 4. Преобладает позитивная окрашенность 5. Позитивная окрашенность	порядковая

Четвертый блок вопросов. Определение манипулятивных техник, содержащихся в тексте

Ложная информация	1. да 2. нет	порядковая
Ссылки на источники (пример)	текст	текстовая
Размытые понятия	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Числовые манипуляции	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Разрушение символов	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Эмоции	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Активизация стереотипов	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Упрощение проблемы	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Наклеивание ярлыков	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Манипуляции с заголовком	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Смещение акцента	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая

Подмена аргумента	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Овеществление олицетворения	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая
Метафоризация	1. да 2. нет	порядковая
пример	текст	текстовая

(cc) BY

Исследовательская статья

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-5

Демьяненко В. И.

Субъектность решения проблем в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации

Государственный академический университет гуманитарных наук
Мароновский переулок, д. 26, Москва, 119049, Россия
imhocorg@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа взаимодействия ключевых субъектов, принимающих участие в решении местных проблем, в регионах, отличающихся социокультурными уровнями модернизации. На примере двенадцати регионов РФ проверена гипотеза о том, что уровень цивилизационного развития оказывает значимое влияние на отношения субъектов в процессе управления развитием регионов. В качестве ключевого параметра анализа рассмотрена субъектность участников, как деятельностная характеристика, проявляющаяся во взаимодействии их друг с другом. Поскольку взаимодействие субъектов оценивается с точки зрения влияния на будущее регионов, то предметом анализа стала не субъектность, как свойство субъекта, а субъектность, как качественная характеристика цели (т.е. как субъекты оказывают влияние на решение региональных проблем). Определены и интерпретированы характеристики субъектности взаимодействия решения региональных проблем, позволяющие проводить измерения. В основу отнесения регионов к определенному типу социокультурного развития положена адаптированная под руководством Н. И. Лапина методика Китайской академии наук по определению уровней цивилизационного различия в процессе модернизации. Эмпирическим материалом выступили результаты исследований «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» и «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года», проведенного ЦСУ и СТ ИС ФНИСЦ РАН. Использованы данные полевого опроса, онлайн-опроса экспертов и контент-анализа средств массовой информации. Выявлено, что взаимодействие ключевых субъектов по решению региональных проблем имеют неоднородные отличия, которые нивелируются при получении средних результатов для каждого уровня социокультурной модернизации. Несмотря на то, что регионы движутся с разными цивилизационными скоростями, эта особенность не является значимой при формировании отношений между субъектами. Для определения факторов, влияющих на субъектность решения региональных проблем, предлагается провести качественное исследование взаимодействия субъектов по реализации в регионах национальных проектов.

Ключевые слова: социология управления; субъектность цели; субъектность будущего; социокультурные особенности; развитие регионов

Информация для цитирования: Демьяненко В. И. Субъектность решения проблем в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 75-95. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-5.

Research article

Vasily I. Demyanenko

Subjectivity of problem solving in regions with different levels of socio-cultural modernization

State Academic University for the Humanities
26, Maronovskiy Lane, Moscow, 119049, Russia
imhocorg@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the interaction of key actors involved in solving local problems in regions with different levels of socio-cultural modernization. On the example of twelve regions of the Russian Federation the hypothesis that the level of civilizational development has a significant impact on the relations of subjects in the management of regional development was tested. The subjectivity of the participants as an activity characteristic that manifests itself in their interaction with each other was studied as a key parameter of the analysis. Since the interaction of subjects is evaluated in terms of influencing the future of regions, the subject of the analysis was not subjectivity as a property of the subject, but subjectivity as a qualitative characteristic of the goal (i.e. how subjects influence the solution of regional problems). The characteristics of the subjectivity of the interaction of regional problem solving were defined and interpreted, allowing the measurements to be carried out. The basis of assigning regions to a particular type of socio-cultural development was based on the methodology of the Chinese Academy of Sciences, adapted under the guidance of N. I. Lapin to determine the levels of civilizational difference in the process of modernization. The empirical material included the results of the studies "Civil Expertise of the Problem of Reforming of Power and Administration Vertical in the Context of Socio-Cultural Modernization of Regions: from Monitoring of States to Projection Design" and "The Academic Project: Manageability of Social Group Formation Processes in Regions with Different Levels of Socio-Cultural Modernization and Population Support of the Development Strategy of RF until 2024", conducted by CSU and STS RAS FNISC. The data of the field survey, online survey of experts and content-analysis of mass media were used. It was revealed that the interaction of key actors in solving regional problems have heterogeneous differences, which are levelled when obtaining average results for each level of socio-cultural modernization. Despite the fact that the regions move at different civilizational speeds, this feature is not significant in the formation of relations between subjects. To determine the factors influencing the subjectivity of solving regional problems, it is proposed to conduct a qualitative study of the interaction between the subjects on the implementation of national projects in the regions.

Keywords: sociology of management; subjectivity of the goal; subjectivity of the future; socio-cultural characteristics; regional development

Information for citation: Demyanenko, V. I. (2021), "Subjectivity of problem solving in regions with different levels of socio-cultural modernization", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 75-95. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-5.

Введение (Introduction). Проводимые в Российской Федерации в 2021 году структурные изменения в аппарате правительства по перестройке работы, связанной с экспертизой и планированием правительственных решений, установление правовых оснований для координации государственных и региональных органов власти, значительные бюджетные ассигнования на финансирование проекта по организации цифрового государственного управления свидетельствуют о том, насколько важна организация процессов управления для адекватной работы с современными вызовами и угрозами. При этом надо отметить, что комплексность решаемых проблем, возрастающая динамика взаимодействий, глобальность процессов создают трудности для применения классических подходов управления, характеризующихся механистическими взглядами, жестким планированием, поиском обоснованных решений без учета особенностей того, кто их будет исполнять. Желаемое будущее при решении сложных проблем, к которым относятся социально-экономические и социокультурные, не является запланированной константой, оно может быть вероятностным, изменяться по мере приближения к ожидаемому (в связи с открывшимися обстоятельствами или изменением расклада сил между субъектами). Поэтому ученые и практики ставят вопрос не только о том, как управлять, но и кто управляет. Исследуется способность индивидуальных и коллективных субъектов управления быть проактивными, обучаться в меняющихся обстоятельствах, преодолевать трудности вопреки прогнозам. Для анализа этих особенностей используется понятие «субъектность», описывающее способность субъекта быть ответственным за свое развитие с учетом социальной действительности. Необходимость его введения в управлении связана с пластом проблем, когда субъект не обладает достаточным социальным капиталом или не имеет внутренних оснований для того, чтобы проявлять активность (такое состояния называют бессубъектным). В. А. Лепский пишет, что на сегодняшний день в российском государстве об этом свидетельствуют неумение субъектов взаимодействовать, их неспособность самоопределиться, адекватно оценивать ситуацию, неготовность реализовывать прорывные идеи (Лепский, 2019).

Традиционно субъектность рассматривалась с точки зрения самого субъекта – насколько он способен самостоятельно делать выбор, ставить цель, исходя из своих интересов и отвечать за свое развитие. А. И. Пригожин, анализируя процессы управления, предложил изменить ракурс и посмотреть на феномен субъектности с точки зрения цели. Ведь в управлении нередко так случается, что есть руководитель, в обязанности которого входит ответственность за результат, но не имеющий достаточных полномочий, ресурсов или причин действовать. Для подобных ситуаций и был предложен термин «субъектность цели», как характеристика качества цели. Она «есть выделение субъектной (авторской, творческой, волевой) ее составляющей» (Пригожин, 2010: 114). Но в таком взгляде опускается важная социальная особенность – на интересующее будущее оказывают влияние разные субъекты.

В проблемной ситуации, в управлении достижением цели можно выделить объективные факторы, подчиняющиеся естественным закономерностям, детерминированные обстоятельствами, и факторы субъективные, являющиеся следствием волюнтаристских усилий людей, групп, движений и т.п. При этом последние определяются субъектностью не одного субъекта. Так, например, Т. Парсонс при описании волюнтаристского социального действия, направленного на достижение цели, указывал, что актор оказывается во взаимоотношениях с другими субъектами (Парсонс, 2000). Т.е., рассматривая цель, нам необходимо учитывать всех субъектов, оказывающих на него влияние. При этом у такого будущего могут быть как сторонники, так и противники, что можно

описать в рамках концепции П. Блау, предложившего разделять отношения, в основе которых лежит конкуренция или интеграция (Ритцер, 2002). В этом случае под «субъектностью цели» необходимо понимать взаимодействие субъектностей участников относительно решаемой проблемы. И тогда объектом исследования и управления выступает не личность или группа людей, а особенности их взаимодействия. Например, А. А. Мерзляков предлагает рассматривать субъектность, как важную характеристику диагностирования управления «в ситуациях оценки характера социальных отношений между властно-управленческой вертикалью и населением» (Россия: реформирование, 2017: 129). По мнению В. Е. Лепского, бессубъектность, как болезнь, хотя и в разной степени, но поразила и наше государство, и общественные сообщества, и социальные институты. Выходом из этого состояния он видит адекватное взаимодействие субъектов. При этом предлагается изучать его не только в рамках системного подхода, а с позиции полисубъектной среды, где разные акторы действуют в определенной культурной атмосфере (Лепский, 2019).

Решение социально-экономических и социокультурных проблем происходит с помощью социальных механизмов и способов воздействия на людей и социальные группы. Изучение таких управленческих отношений и взаимодействий относится к проблемному полю социологии управления. Одним из важных параметров, характеризующих поведение индивидуальных и коллективных субъектов, принимающих участие в решении проблем, выступает социокультурный контекст. Существующие традиции, ритуалы, формальные и неформальные нормы задают форматы взаимодействий и роли сторон. В научной литературе используется понятие национальной модели управления, раскрывающей устоявшиеся в обществе культурные нормы процессов управления (Демьяненко, 2014). Одной из знаковых идей в этом направлении является описанное М. Вебером влияние на практику взаимодействия между людьми протестантской этики, обусловившей производственные отношения западной модели управления. В качестве противоположной модели принято описывать восточную, в частности, японскую. В том и другом случаях различие в культуре управления обосновывается национальными традициями (Речкин, 2009). А. П. Прохоров, исследуя российскую историю управления государством, пришел к выводу, что национальная модель не является статичной, а зависит от ситуаций (например, в стабильные периоды управление связанно с количественным ростом, а во времена перемен происходит аварийно-мобилизационное освоение нового). Модель управления стремится соответствовать уровню социально-экономического развития, типичному образу жизни и другим особенностям ситуации (Прохоров, 2017).

В этом контексте важно понимать, как социокультурные особенности влияют на субъектные взаимодействия, можно ли выделить устоявшиеся правила проявления активности или отказа от нее, какие субъекты предпочитают вступать в конкуренцию, а какие и когда – объединяют усилия. А. В. Тихонов формулирует этот вопрос как зависимость особенностей управления от цивилизационного тренда развития (Россия: реформирование, 2017). Особую важность данный вопрос приобретает в связи с тем, что географическое пространство России, исторические и культурные особенности ее частей ведут к различию в уровне процессов модернизации. показывает социокультурные портреты регионов страны в Атласе модернизации России. Основываясь на российской и международной статистике и социологических опросах, Н. И. Лапин выделяет четыре взаимозависимые компоненты цивилизационного развития: технологическую, социально-экономическую, социокультурную, регулятивную. Важно отметить, что, согласно составителям Атласа, именно со-

средоточенность на социокультурных проблемах модернизации придала исследователям многослойного модернизационного пространства России целеустремленности и оказалась наиболее продуктивной (Атлас модернизации России, 2016).

С точки зрения социологии управления, интерес в первую очередь представляют социальный и регулятивный аспекты развития. В центре социокультурной характеристики находятся содержание и условия жизни / работы людей, действующие социальные институты и их влияние на другие компоненты. Институционально-регулятивный аспект, по мнению А. В. Тихонова, относится к качеству управления, и его можно рассматривать одновременно как следствие и причину происходящих изменений. При этом особенности социокультурной модернизации должны влиять и на форматы субъектности региона (Россия: реформирование, 2017).

В связи с тем, что регионы страны движутся с различными «цивилизационными скоростями» и их можно рассматривать в качестве субъектов со своей историей и культурными особенностями, мы предполагаем, что существует связь между уровнем развития региона и способом организации субъектного взаимодействия в решении региональных проблем. Проверка этой гипотезы является целью данного исследования. При ее подтверждении можно говорить о важности учета региональных социокультурных особенностей; в противном случае необходимо искать иные факторы, оказывающие влияние на качество управления при решении местных проблем.

Методология и методы (Methodology and methods). Объектом данного исследования выступили взаимодействия субъектов по решению проблем в разных регионах Российской Федерации. В качестве субъектов рассматриваются группы людей, идентифицирующих себя с определенной общностью и принимающих участие в решении проблем региона. Предметом исследования такого процесса взаимодействия стало соотношение их субъектностей в процессе развития регионов. Это позволяет, с одной стороны, учесть влияние всех заинтересованных сторон, а с другой – исключить из анализа тех субъектов, которые не оказывают должного воздействия.

Понятие «субъектность» – деятельностная характеристика, описывающая способность субъекта самостоятельно принимать решения и исполнять их. Спецификой социологического взгляда на этот феномен является соотнесение себя с другими участниками (Мерзляков, 2018). Для нас представляет интерес субъектность не с точки зрения интересов кого-то из субъектов, а с точки зрения будущего конкретного региона, того, как решаются его проблемы. Т.е. необходимо проанализировать, как субъектность каждого субъекта влияет на развитие региона.

Экспликация субъектного взаимодействия относительно общего будущего в социологических дисциплинах отсутствует, поэтому мы определим самостоятельно параметры и индикаторы, позволяющие провести измерения. В основание положим ключевую особенность феномена субъектности – активность, выраженную в формировании будущего. Именно на нее обращал внимание А. Н. Леонтьев (которому приписывают авторство данного термина) и другие психологи в рамках деятельностного подхода (Леонтьев, 2004). В социологии важность учета активности как для личности, так и для макросубъектов подчёркивается в деятельно-активистской парадигме. В. А. Ядов, характеризуя субъектность, обращает внимание на активность субъекта в результате осознания своего интереса, отличного от других (Ядов, 1995, 2001). Поэтому важно учесть то, как интересы субъекта соотносятся с решением проблем региона. Для стабильных ситуаций и конкретных целей можно было бы рассмотреть направление

активности – на достижение должного или, наоборот, создающего трудности в его достижении. Но при решении сложных проблем, не имеющих однозначного решения, при котором видение должного будущего претерпевает изменения со временем, удобнее воспользоваться идеей П. Блау. Он выделяет взаимодействия, построенные на конкуренции, приводящей к социальной дифференциации, и на интеграции для достижения общих целей (Ритцер, 2002). Т.е. нам важно выяснить, совпадают ли в какой-то степени интересы субъектов или нет, определив стремление действовать сообща. При этом важно учитывать, что декларации целей и обоснование результатов могут не соответствовать истинным причинам поведения субъектов. Поэтому в качестве показателей и индикаторов были выбраны те характеристики, которые отображают функциональные особенности субъектов в процессе решения проблем.

С учетом вышесказанного, задачами исследования являются:

- определение ключевых субъектов, участвующих в решении проблем регионов;
- дифференциация субъектов в их взаимодействии друг с другом;
- определение заинтересованности субъектов в будущем регионов (направленность активности);
- сравнение полученных результатов между регионами, различающимися уровнями социокультурной модернизации.

С 2015 по 2021 года командой под руководством А. В. Тихонова проводилась аналитическая работа по вопросам реформирования вертикали управленческой власти и управляемости процессов группообразования с учетом социокультурных уровней регионов (Богданов 2018; Демьяненко, 2020; Мерзляков, 2018a; Мерзляков, 2018b; Россия: реформирование, 2017). Накопленные за это время данные позволяют провести необходимый анализ.

С учетом ограниченности финансирования исследования и методических средств, в круг анализа попали 12 субъектов федерации из разных Федеральных округов, экономических и географических районов России. Уровни социокультурной модернизации каждого из них определялись с учетом адаптированной для российской действительности группой Н. И. Лапина методики Китайской академии наук; идентификация с каждым уровнем осуществлялась на основе структурных идентификаторов, учитывающих двухсотлетнюю историю (Атлас модернизации России, 2016). Были составлены информационные карты региональных различий, куда входили общие показатели развития региона (такие как основные фонды, инвестиции в капитал, дотационный статус и пр.) и количественные (отражающие культурно-историческое наследие). Получилось четыре группы:

- высокий уровень развития – Московская, Свердловская и Нижегородская области;
- средний – Амурская, Вологодская и Белгородская области;
- ниже среднего – Башкортостан, Республика Саха, Омская область;
- низкий – Калмыкия, Смоленская область, Дагестан.

В качестве субъекта, к сфере ответственности которого отнесено решение региональных проблем (обеспечение безопасности, создание социальной инфраструктуры, экономическое развитие), рассматриваются региональные органы власти и управления (далее Регион). Вторым важным субъектом, заинтересованным в будущем региона, выступают его жители (далее Население). Речь идет о людях, которые идентифицируют себя с социальной общностью, ограниченной регионом проживания (среди опрошенных самоидентифицируются так от 78,2% до 89,9%). Среди них есть те, кто не готов участвовать в развитии и те, кто, наоборот, стремятся к такому участию (люди с активной гражданской позицией,

интеллектуальная элита, местное самоуправления, социальные объединения, независящие от властей). Третьим субъектом, оказывающим на регион значительное влияние, выступает центральный аппарат страны – правительство, отраслевые министерства, Совет Федерации, Государственная дума (далее Центр).

Анализ деятельности субъектов, облеченных властью, показывает, что в качестве эмпирических индикаторов направленности их интересов удобно рассматривать: цели использования ресурсов, приоритет нужд населения, соответствие действий обещаниям. Оценка направленности Населения учитывала: участие людей в решении общественных проблем; вовлеченность в действия общественных организаций; роль самоуправления. Для изучения особенностей взаимодействия Региона и Центра использовались такие показатели, как: суверенитет региональных властей, способность отчитываться, навыки построения конструктивных отношений. Отношения между Регионом и Населением были рассмотрены через изучение: привлечения населения к решению проблем; учета пожеланий жителей региона; электоральную активность; объединяющую роль местных средств массовой информации. Взаимодействие Центра и Населения оценивалось на основе индикаторов: электоральной активности; отношения к поведению федеральной администрации по отношению к региональным властям; признания необходимости изменения центрального аппарата.

В статье использованы данные, полученные посредством разных инструментов сбора первичной социологической информации с 2015 по 2020 гг. Полевой опрос представил 5452 полевых документа. Квотная выборка осуществлена пропорционально группам населения согласно данным переписи населения. Распределения оценок параметров близки к нормальному распределению, что позволило рассчитывать стандартное отклонение. Онлайн-опрос экспертов собрал массив из 591 анкет с ответами на открытые вопросы. Его валидность достигается благодаря компетентности участников опроса, подтверждаемой профессиональными характеристиками в области управления. Контент-анализ средств массовой информации охватил выборку из 1669 статей, опубликованных в 21 региональном издании. Благодаря этому мы можем проанализировать изучаемые вопросы с учетом отношений между указанными выше субъектами.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Полученные в результате исследования данные позволили сравнить субъектность взаимодействия в процессе решения проблем регионов, отличающихся социокультурными уровнями модернизации. Для описания такой субъектности вначале следует показать, каким образом строятся взаимодействия по решению проблем между каждой парой субъектов, а затем проанализировать направленность их деятельности. Для большей наглядности при сравнении будут использоваться диаграммы.

Проведенные исследования (в частности, анализ оппозиционных и лояльных власти печатных изданий) свидетельствуют о том, что отношения между Регионами можно исключить из анализа, т.к. региональные органы власти воспринимают себя фактически в отрыве от других (незначительное вовлечение в общие проекты, отсутствие стремления посягать на суверенитет другого региона).

Для описания взаимодействий Региона и Центра накоплен значительный эмпирический материал. Начнем рассмотрение с оценок экспертами суверенитета региональных органов управления (рис. 1). Средние показатели по всем уровням развития регионов попали в интервал «скорее уважают, но очень ощутимы ограничения со стороны центра». При этом соответствующие регионы, отнесенные к нижнему и высокому уровням, показывают меньшую зависимость. В целом, схожесть показателей эксперты объясняют политикой федеральных органов, выстраиванием вертикали власти.

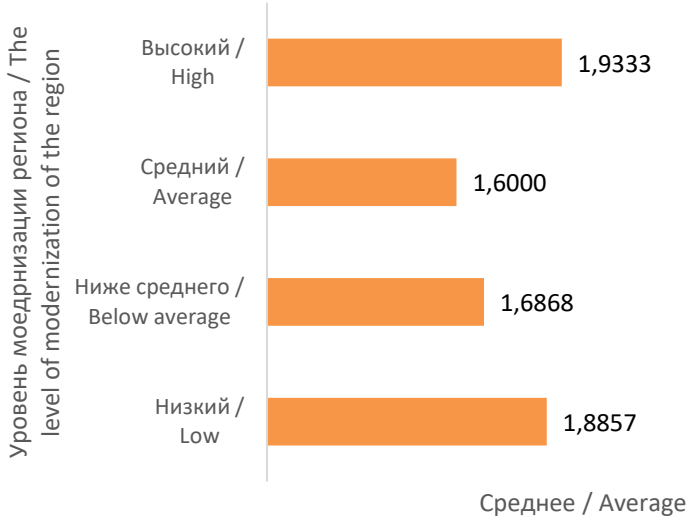

Рис. 1. Экспертные оценки уважения суверенитета региональных властей центральным аппаратом (балльная оценка: 1 – ограничивает во всем; 2 – ощутимы ограничения; 3 – достаточная свобода действий)
Fig. 1. Expert assessments of respect for the sovereignty of regional authorities by the central apparatus (point score: 1 – restricts everything; 2 – restrictions are palpable; 3 – sufficient freedom of action)

В целом по мнению 81,45% экспертов, Регионы опираются на поддержку президента, правительство, полпреда в округе, органы представительной власти. Можно сделать вывод, что во взаимоотношениях между Регионом и Центром достигнуто согласие относительно распределения прав и обязанностей.

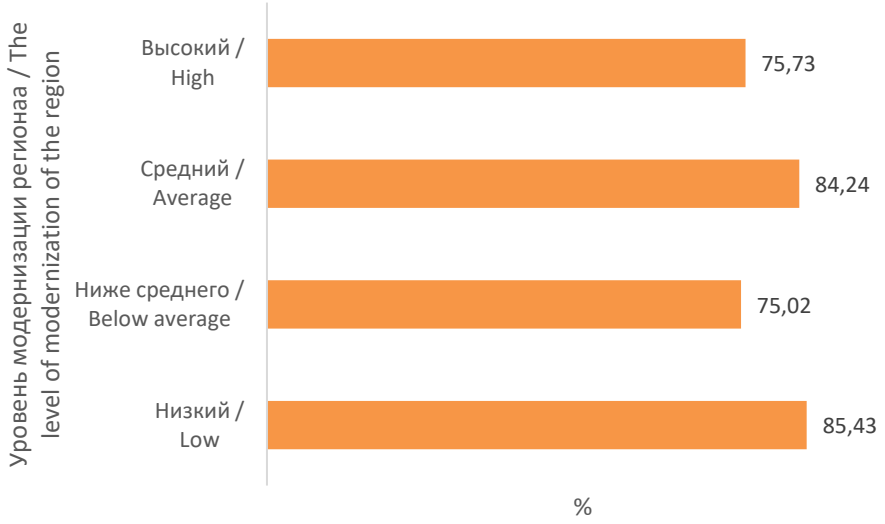

Рис. 2. Экспертные оценки стремления аппарата руководства региона опираться на поддержку сверху
Fig. 2. Expert assessments of the desire of the regional government apparatus to rely on support from above

Способности местных властей строить конструктивные отношения с правительством страны, отраслевыми министерствами, Советом Федерации, Государственной думой представлены в интегральных оценках (рис. 3). Согласно полученным данным, здесь не наблюдается зависимости от регионов нижнего уровня модернизации к высокому уровню – специалисты оценивают «почти хорошо» эту способность для уровней высокого и ниже среднего, в то время как у нижнего и среднего он чуть не дотягивает до этой оценки.

Относительно умения Региона отчитываться перед Центром на рисунках 4 и 5 приведены оценки населения регионов и экспертов в области управления.

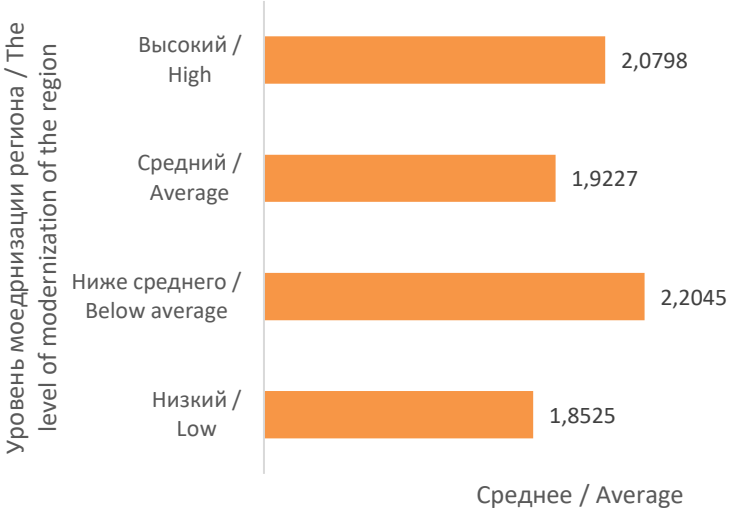

Рис. 3. Экспертные оценки способности системы управления регионов строить конструктивные отношения с центральным аппаратом страны (балльная оценка: 1 – плохо; 2 – удовлетворительно; 3 – хорошо)
Fig. 3. Expert assessments of the ability of the regional management system to build constructive relations with the central apparatus of the country (point score: 1 – bad; 2 – satisfactory; 3 – good)

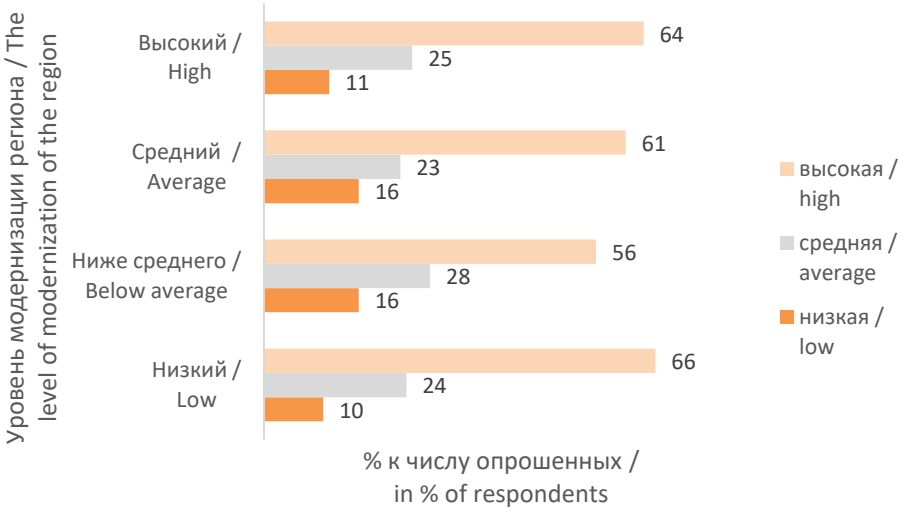

Рис. 4. Степень обеспокоенности опрошенных тем, что система управления ориентируется не на дело, а на отчетность перед вышестоящей инстанцией
Fig. 4. The degree of concern of the respondents that the management system is focused not on business, but on reporting to a higher authority

Независимо от социокультурного уровня модернизации региона, население выказывает значительную обеспокоенность (в целом только 21% опрошенных проявили низкую степень беспокойства) тем, что региональная система управления ориентируется не столько на достижение результатов, сколько на отчетность перед Центром. И эксперты согласны в этом, т.к. уверены в хороших навыках Регионов предоставлять отчетность.

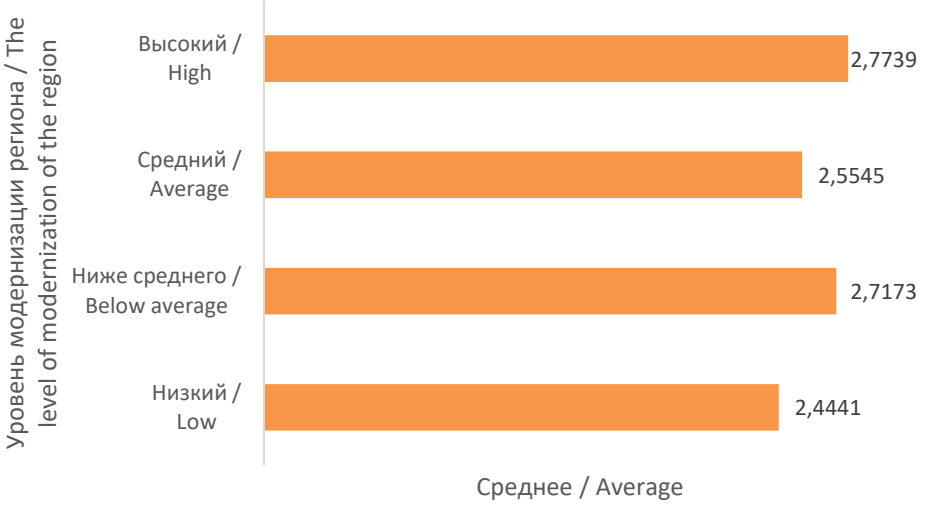

Рис. 5. Экспертные оценки умения системы управления регионов хорошо отчитываться перед вышестоящей организацией (балльная оценка: 1 – плохо; 2 – удовлетворительно; 3 – хорошо)
Fig. 5. Expert assessments of the ability of the regional management system to report well to a higher organization (point score: 1 – bad; 2 – satisfactory; 3 – good)

Представленные данные индикаторов, характеризующих взаимодействие Регионов и Центра, не имеют значимых отличий, указывающих на важные особенности, между регионами, отличающимися социокультурными уровнями модернизации. Посмотрим, как обстоит с этим дело между Регионом и Населением. Начнем с того, насколько обеспокоены жители регионов игнорированием их инициативы.

В среднем лишь 15% опрошенных отмечают низкую обеспокоенность тем, что властями игнорируется инициатива снизу, а около половины респондентов выражают высокую озабоченность (рисунок 10). Только 11,48% экспертов отмечают стремление Региона привлекать к совместной деятельности разные группы населения (интегральный показатель учитывает работников промышленности, научно-технической и гуманитарной интеллигенции, городское и сельское население). В регионах с низким уровнем социокультурного развития данный показатель опускается до 8,15% (рисунок 6).

Несмотря на распространенность в стране онлайн общения и наличие интернет-сайтов органов власти, эксперты оценивают возможность использования их для обсуждения проблем региона в целом средне (немного выделяются на этом фоне регионы со средним социокультурным уровнем развития) (рис. 7). В открытых вопросах специалисты отмечали, что нередко для населения закрыт доступ к общественно значимой информации, а возможности общения не создаются. При этом заметна активность людей в соцсетях и независимых форумах.

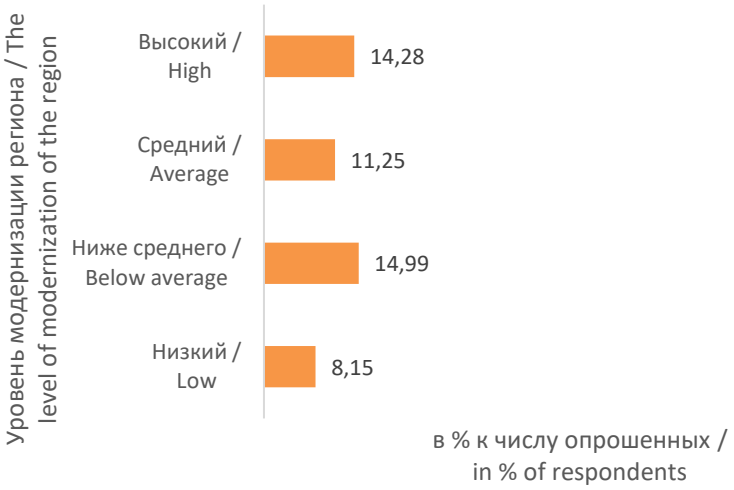

Рис. 6. Экспертные оценки стремления аппарата руководства региона привлекать к управлению различные группы населения
Fig. 6. Expert assessments of the desire of the regional administration to involve various groups of the population in management

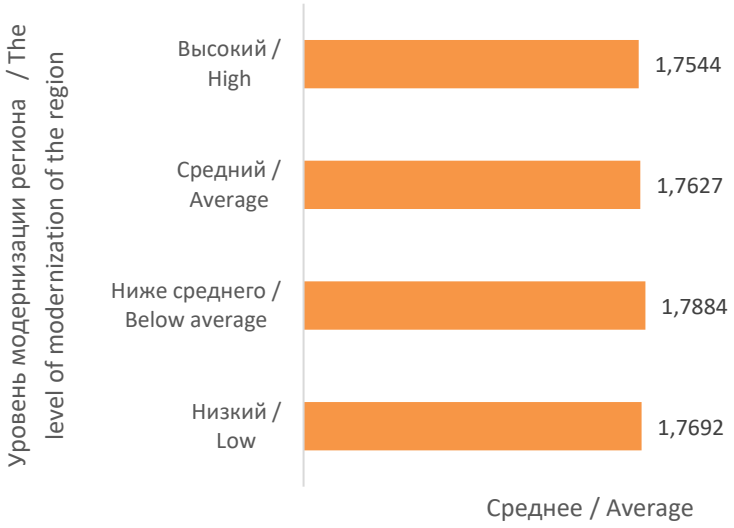

Рис. 7. Экспертные оценки доступности обсуждения социально значимых проблем региона на сайтах местных властей (балльная оценка: 1 – низкая; 2 – средняя; 3 – высокая)
Fig. 7. Expert assessments of the availability of discussion of socially significant problems of the region on the websites of local authorities (point score: 1 – low; 2 – medium; 3 – high)

Вероятно, онлайн возможности, предоставляемые региональными порталами, влияют на количество обращений в органы власти с помощью сети. От 13,5% до 23,5% жителей активно пользуются онлайн возможностями для общения с местными органами управления (рис. 8). Мы видим заметные отличия, но это не последовательное увеличение от низкого уровня модернизации к более высокому. При этом важно отметить, что более половины опрошенных уже имеет опыт такого общения.

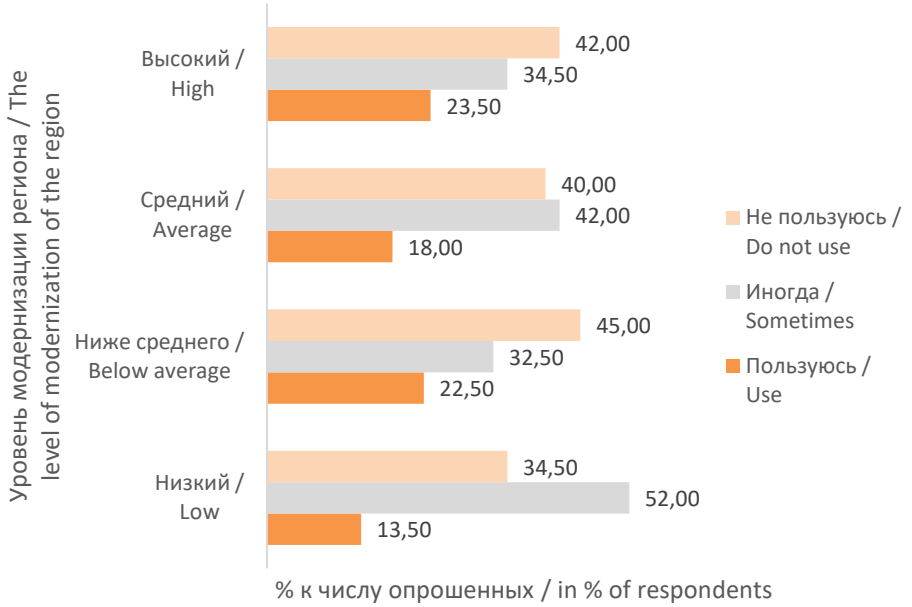

Рис. 8. Проявление активности жителей региона путем онлайн-обращений
Fig. 8. Demonstrating the activity of the residents of the region through online appeals

Интегральный показатель учета Регионом пожеланий Населения составлен с учетом экспертных оценок органов власти в части решения общественных проблем, знания запросов людей, учета мнений и критических высказываний населения об их деятельности (рис. 9).

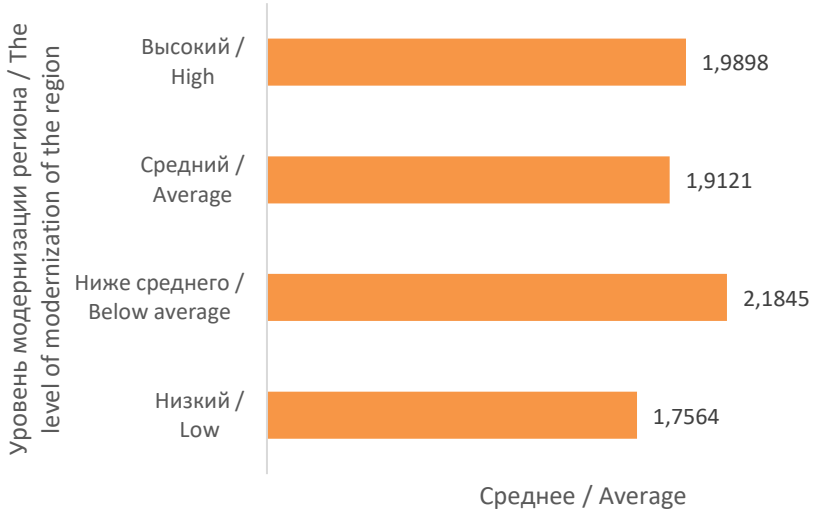

Рис. 9. Экспертные оценки работникам местных органов власти за активность в решении проблем с учетом пожеланий населения (балльная оценка: 1 – плохо; 2 – удовлетворительно; 3 – хорошо)
Fig. 9. Expert assessments to employees of local authorities for their activity in solving problems, taking into account the wishes of the population (point score: 1 – bad; 2 – satisfactory; 3 – good)

Используя существующие возможности общения с представителями органов власти в регионах, различающихся социокультурными уровнями модернизации, наблюдаем схожие низкие результаты (рис. 10). В целом люди предпочитают самостоятельно справляться с возникающими трудностями. Средства массовой информации выступают в качестве поля для обсуждения властями и населением проблем развития регионов. Сегодня, с переходом печатных и др. изданий в интернет-пространство, роль СМИ как модератора общения возрастает. Поэтому для оценки использования такого переговорного пол были проанализированы статьи региональных газет. Процент аналитических статей составляет от 28,4% до 40,2%, что ниже среднего для регионов всех анализируемых уровней. Электоральная активность – способ проявления субъектности, доступный всем жителям региона. Несмотря на это, участие в местных выборах не свидетельствует о высокой активности населения; только в регионах низкого уровня социокультурного развития этот показатель выше среднего (55,15%).

Для сравнения особенностей взаимодействия Региона и Населения используем лепестковую диаграмму, представив в ней часть рассмотренных выше показатели в процентах от числа опрошенных.

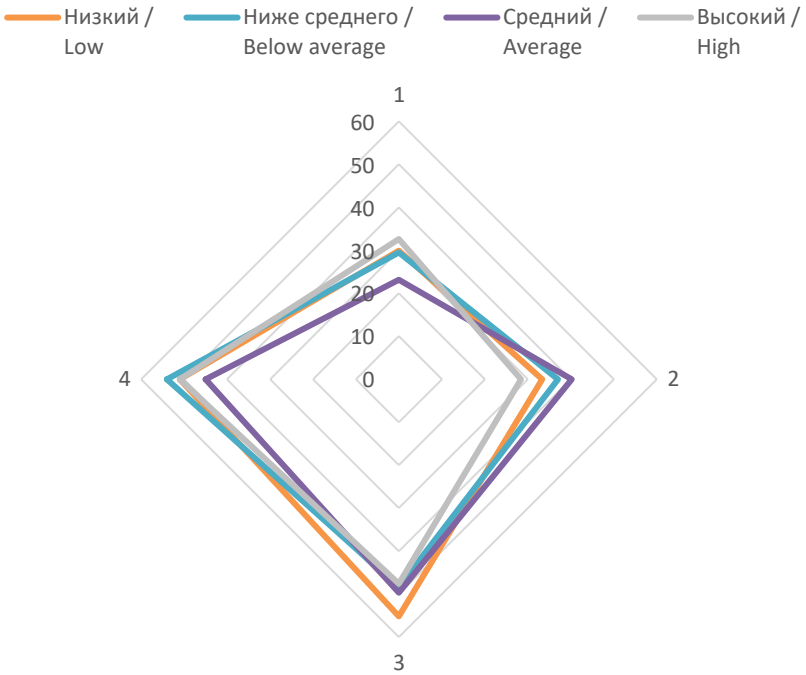

Рис. 10. Взаимодействие Региона и Населения в регионах, отличающихся социокультурными уровнями модернизации (в %)
Fig. 10. Interaction between the Region and the Population in regions with different levels of socio-cultural modernization (in %)

1 – граждане обращаются в органы власти / citizens apply to the authorities
2 – аналитические статьи в региональных СМИ / analytical articles in regional media
3 – электоральная активность на местных выборах / electoral activity in local elections
4 – озабоченность населения игнорированием инициативы снизу / public concern about ignoring the initiative from below

Несмотря на различия в данных, на диаграмме заметно сходство образующихся фигур между регионами, различающимися социокультурными уровнями модернизации.

Проанализируем отношения Населения и Центра. Упоминавшийся ранее опрос экспертов свидетельствовал о том, что Центр «скорее уважает», но ощутимо ограничивает право Регионов самостоятельно решать проблемы их развития (см. рис. 1). Опрос жителей регионов всех уровней показывает невысокую степень одобрения предоставления Центром прав Регионам самостоятельно распоряжаться своими ресурсами. Такую позицию можно объяснить направленностью интересов региональных органов управления (см. ниже).

Опрос региональных экспертов свидетельствует об их уверенности в том, что власти государства справятся с вызовами и угрозами (рис. 11). Это дает им основания надеяться, что благодаря общим успехам страны и в регионах также произойдут улучшения.

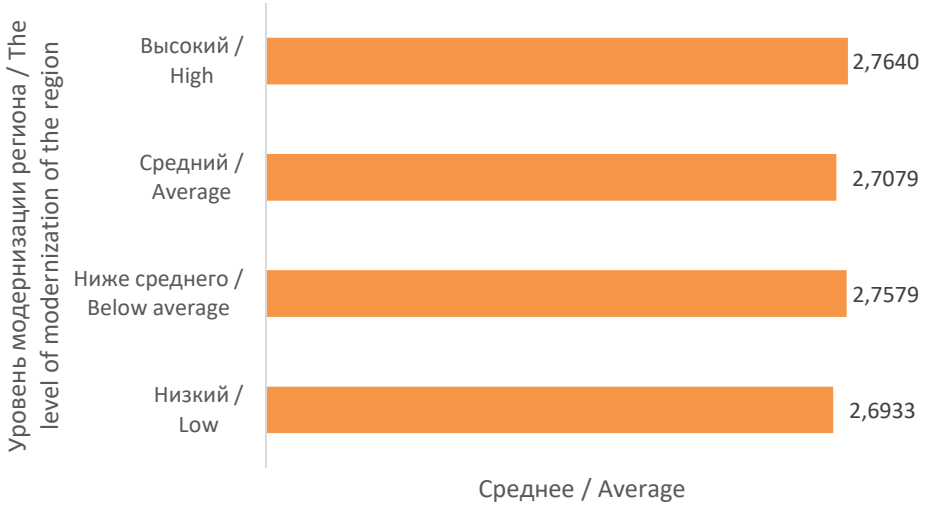

Рис. 11. Экспертные оценки способности властей справиться с вызовами перед страной (1 – ухудшатся; 2 – не изменятся; 3 – улучшатся)
Fig. 11. Expert assessments of the authorities' ability to cope with challenges to the country (1 – will worsen; 2 – will not change; 3 – will improve)

Опрос показывает, что в целом 38% населения необходимость изменять работу центрального аппарата оценивают высоко, а 36% – средне. И эти показатели схожи в регионах различного уровня социокультурной модернизации.

Электоральная активность при голосовании на выборах в Президенты и Государственную думу (рис. 12) значительно выше, чем в региональные органы (см. рис. 10). Это согласуется с надеждой людей на то, что успехи страны в целом положительно скажутся на их регионе (см. рис. 11) и значительным одобрением населением низкого суверенитета региональных властей. На рисунке 12 наглядно показаны ряды параметров, характеризующих отношения между Населением и Центром. Здесь тоже можно видеть отличия между регионами, различающимися социокультурными уровнями модернизации, но они не оказывают влияния на графические фигуры, обладающие значимым сходством.

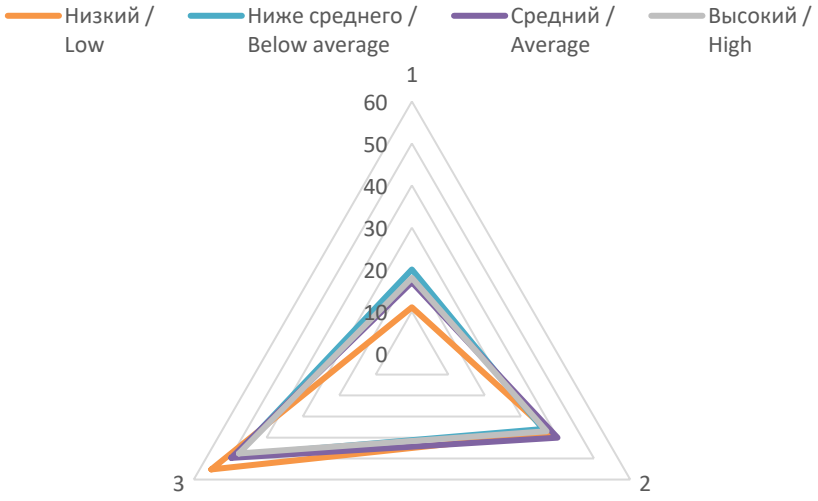

Рис. 12. Взаимодействие Центра и Населения в регионах, отличающихся социокультурными уровнями модернизации (в % от числа опрошенных)
Fig. 12. Interaction between the Center and the Population in regions with different levels of socio-cultural modernization (in % of respondents)

1 – высокая степень одобрения предоставления Центром прав Регионам использовать свои ресурсы / a high degree of approval of the granting by the Center of the rights to Regions to use their resources
2 – высокая оценка необходимость изменения работы Центра / high assessment of the need to change the work of the Center
3 – электоральная активность на федеральных выборах / electoral activity in federal elections

После того как рассмотрены отношения между всеми субъектами развития регионов, проанализируем направленность интересов по отношению к необходимости решать местные проблемы. Начнем с Центра. Опрошенные жители регионов и эксперты оценивают федеральный уровень управления значительно выше регионального. Больше половины респондентов высоко оценивают работу центральной исполнительной власти, несколько ниже – федеральную законодательную и судебную по сравнению с местной. При этом эксперты в открытых вопросах отмечают, что Центр при принятии решений не стремится учитывать мнение регионов, но, с другой стороны, они же считают, что поведение центральных органов в целом позитивно влияет на региональную ситуации. Можно сделать вывод о том, что, по мнению опрошенных, федеральные органы власти имеют свое понимание путей развития регионов и стараются выстроить вертикаль власти, требуя от других субъектов присоединиться к достижению поставленных целей.

Движущие причины и направленность интересов Региона логично начать с оценки степени обеспокоенности жителей регионов тем, что местные власти используют ресурсы в личных целях (см. рис. 14). Согласно получены данным, для всех уровней развития характерна значительная обеспокоенность этим показателем (в целом 59% опрошенных ее оценивают высоко и 27% средне).

Значительную обеспокоенность у населения вызывает то, что представители

власти превращаются в клику (органы местных властей согласуют свои социальные, экономические, политические интересы для удовлетворения корыстных целей с помощью государственных институтов). Еще больше опрошенные жители регионов разных уровней цивилизационного развития обеспокоены ориентацией действий руководства региона в первую очередь на сохранение власти – в целом высокую степень обеспокоенности проявляют 63% (см. рис. 14).

Опрос экспертов свидетельствует о том, что стремление Регионов сохранять приоритет запросов и нужд местных жителей находится на среднем уровне, и это качественно не зависит от социокультурного уровня модернизации (рис. 13).

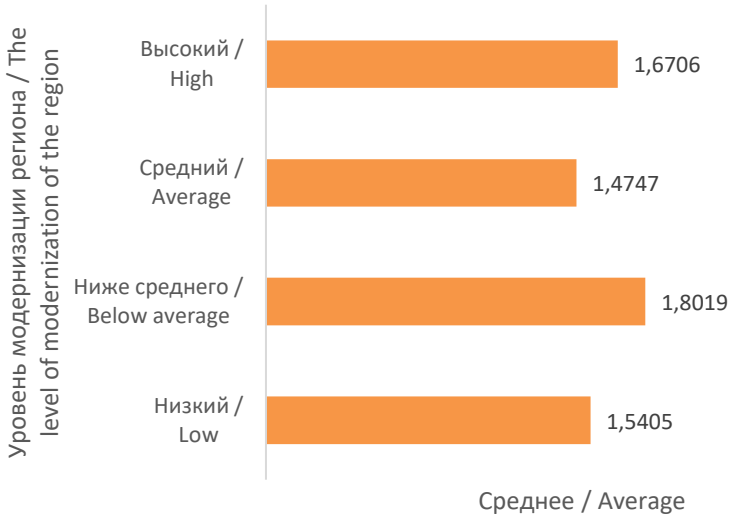

Рис. 13. Экспертные оценки региональных властей в любых ситуациях сохранять приоритет нужд и запросов простых людей
(в средних баллах: 1 – плохо, 2 – удовлетворительно, 3 – хорошо).
Fig. 13. Expert assessments of regional authorities in all situations to maintain the priority of the needs and demands of ordinary people (with average scores: 1 – bad, 2 – satisfactory, 3 – good).

Также в целом 59% опрошенных обеспокоены несоответствием заявлений руководства регионов о целях и планах даже не результатам, а самим действиям, осуществляемым Регионом (рис. 14). Наглядно разница направленности интересов между регионами разного уровня представлена на лепестковой диаграмме с помощью четырех параметров, выраженных в процентах. Нетрудно заметить, что графики имеют одинаковую форму и немногим различаются в части выраженности значений. В целом они свидетельствуют о том, что опрошенные жители существенно обеспокоены тем, что субъектность Регионов направлена на удовлетворение частных интересов властных групп.

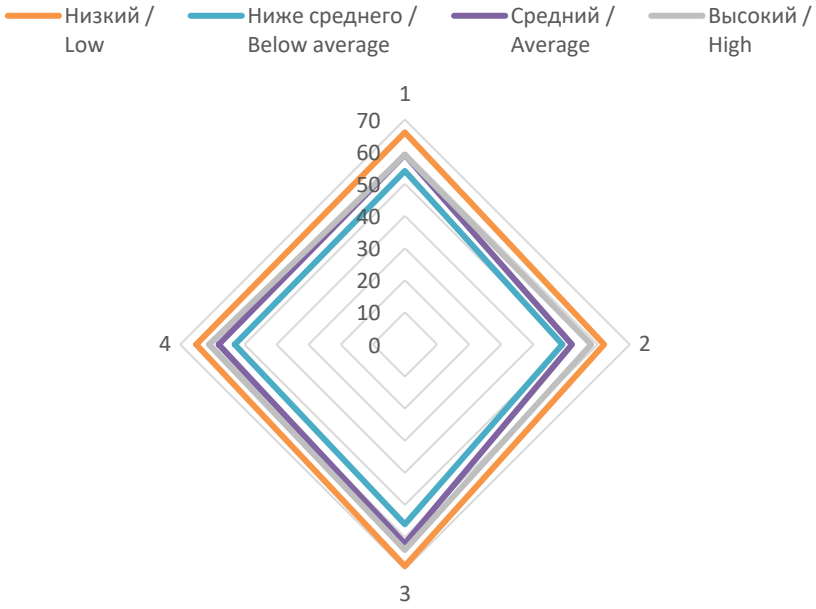

Рис. 14. Особенности направленности активности региональных органов власти и управления (в % к числу опрошенных)

Fig. 14. Features of the orientation of the activity of regional authorities and administration

Степени обеспокоенности тем, что: / Levels of concern that:

1 – руководство использует ресурсы организации в личных целях / management uses the organization's resources for personal gain

2 – что руководящий состав превращается в междусобойчик / the management team turns into a get-together

3 – руководство ориентируется на сохранение власти / leadership is focused on maintaining power

4 – действия руководства не соответствуют словам и обещаниям / the actions of the management do not correspond to the words and promises

Оценивая направленность субъектности Населения, в первую очередь обратим внимание на уровень его активности. Согласно мнению экспертов, участие граждан в решении местных проблем оценивается на границе между плохо и удовлетворительно (рис. 15). Заметно ниже обстоят дела в регионах с низким уровнем социокультурной модернизации – 0,8671.

Рядовые жители, давая оценку своему участию в решении общественных проблем, активности, откровенности и компетентности в выражении мнений, в целом лишь в 34,1% случаев считают их высокими (см. рис. 16), что подтверждает мнение экспертов (рис. 15).

Опрос показывает, что вне зависимости от социокультурного уровня модернизации менее четверти населения вступают в общественные движения или участвуют в организуемых ими мероприятиях. Согласно данным опроса местных жителей регионов, они не склонны возлагать надежды на органы местного самоуправления. В целом только 23% из них проявили высокую степень одобрения повышению роли самоуправления. На рисунке представлены три параметра, результирующих данные опроса местных жителей. Лепестковая диаграмма наглядно показывает, что для регионов с разным уровнем социокультурной модернизации форма рисунков почти совпадает. Видно, что для всех характерна активность ниже 40%, а для регионов с низким уровнем цивилизационного развития процент участия в решении общественных проблем региона и одобрение повышения роли самоуправления даже заметно меньше.

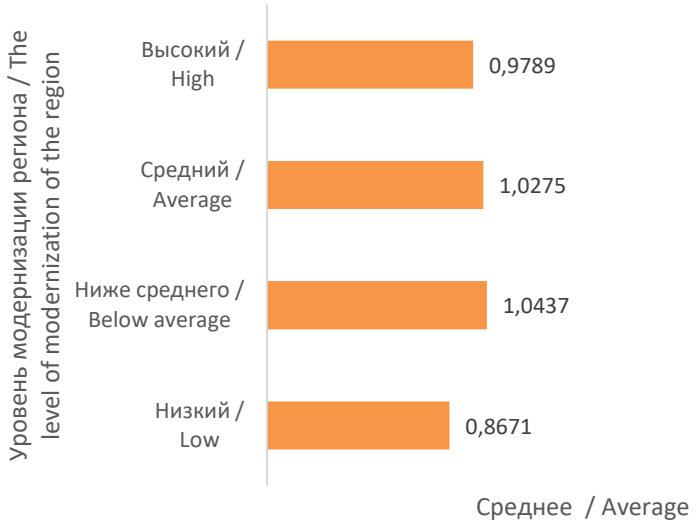

Рис. 15. Экспертные оценки населению за участие в решении проблем региона (в средних баллах: 1 – плохо, 2 – удовлетворительно, 3 – хорошо).
Fig. 15. Expert assessments of the population for their participation in solving the problems of the region (with average scores: 1 – poor, 2 – satisfactory, 3 – good).

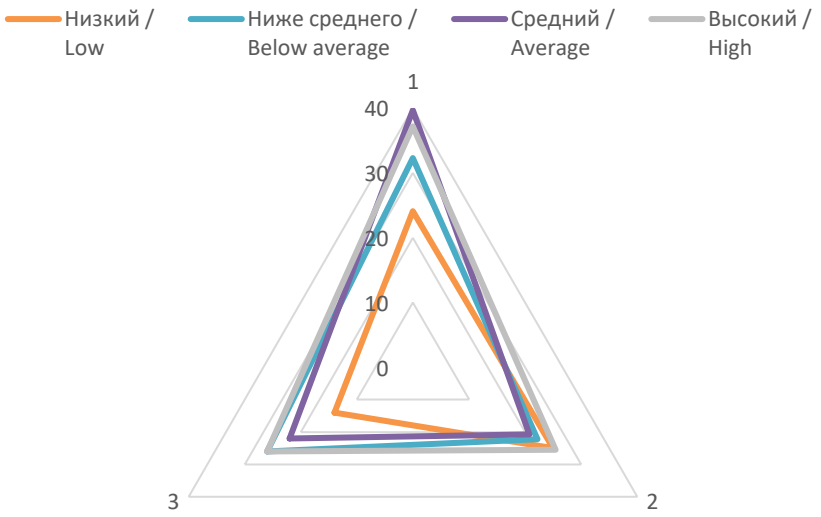

Рис. 16. Особенности активности населения регионов (в % к числу опрошенных)
Fig. 16. Features of the activity of the population of the regions (in % of respondents)
1 – высокая оценка населением своего участия в решении общественных проблем региона / high assessment by the population of their participation in solving social problems of the region
2 – процент опрошенных, участвующих в общественной деятельности / percentage of respondents participating in social activities
3 – высокая степень одобрения опрошенными повышения роли самоуправления / high degree of approval by the respondents of the increased role of self-government

Заключение (Conclusions). В данной работе субъектность трактуется, как способность индивидуального или коллективного субъекта в конкретной ситуации быть ответственным за свое развитие с учетом социальной действительности – субъект преобразует ее, а та, в свою очередь, оказывает влияние на становление субъекта. В контексте решения проблем регионального развития важно проанализировать влияние социокультурных особенностей регионов на проявление их субъектности.

В управлении субъектность представляет интерес не только как свойство субъекта, но и как качественная характеристика должного будущего. Ее называют субъектностью цели, и она показывает, существует ли у цели субъект, заинтересованный, способный и несущий ответственность за ее достижение. Но поскольку на желаемое будущее оказывают влияние разные субъекты (как сторонники, так и противники достижения цели), нами предлагается оценивать субъектности всех взаимодействующих в этом процессе участников. Понятие «субъектность», являясь деятельностной характеристикой, раскрывает, насколько активен субъект и каковы его движущие причины. Это позволяет рассмотреть основные особенности процесса взаимодействия региональных субъектов по решению проблем. Для этих целей определены параметры и индикаторы, позволяющие оценить и описать особенности отношений в процессе решения региональных проблем.

Проанализированные данные не являются фактами управления. Это субъективные картины (представления, понимания, восприятия) жителей регионов, наблюдающих за реальными событиями по решению проблем. Тем не менее, для управления важна полученная возможность сравнивать мнение обычных граждан, экспертов-профессионалов в управлении, журналистов. На основании этой информации мы не можем ставить окончательный «диагноз», но сделанные выводы должны привлечь внимание, натолкнуть на серьезные размышления.

Несмотря на то, что в каждом отдельном регионе по-разному проявляется активность субъектов, для данного исследования более важное значение имеет их сравнение с учетом уровня социокультурного развития региона. В этом случае мы наблюдаем, как нелинейные связи приобретают большое сходство.

Субъектность взаимодействия центрального аппарата управления, региональных властей и жителей региона относительно будущего регионов рассмотрена сквозь призму двух основных параметров: направленности интересов субъектов и особенностей их взаимодействия.

Анализ направленности интересов субъектов относительно решения проблем регионов показал, что центральные органы занимают активную позицию и имеют свое понимание целей развития регионов. Региональные власти представляются хорошо организованным субъектом, деятельность которого вызывает у большинства граждан и экспертов серьезное беспокойство тем, что государственные институты используются в частных целях. Население в целом не проявляет большого интереса к участию в решении общественных проблем и самостоятельно справляется с возникающими проблемами. Такие интересы основных субъектов регионального управления свидетельствуют о расхождении в понимании ими того, какие проблемы и как решать, а их субъектности можно назвать разнонаправленными. Само же взаимодействие между субъектами имеет схожие черты. Федеральная власть заметно ограничивает суверенитет региональных органов управления, настаивая на развитии регионов в соответствии со своим видением. Последние, в свою очередь, научились выстраивать отношения с Центром – находят поддерж-

ку сверху, но ориентируются скорее на отчетность, а не реальное дело. При этом они не выказывают заинтересованности в инициативе и участии разных категорий местных жителей. Население же регионов с большей надеждой смотрит на деятельность центральных органов, считая, что общее улучшение в стране позитивно скажется и на их регионе.

Полученные результаты указывают на то, что социокультурный уровень модернизации региона не относится к ключевым факторам, определяющим особенности взаимодействия субъектов при решении местных проблем. Мы считаем, что для повышения интегрированности усилий включенных в развитие регионов субъектов необходимо провести качественное исследование особенностей субъектности взаимодействия по достижению конкретных целей, стоящих перед регионами (например, национальных проектов). Это позволит выявить и конкретизировать тех субъектов, которые оказывают значимое влияние, а также факторы, определяющие характеристики их взаимодействия. Как следствие, мы сможем лучше понимать механизмы взаимодействий при решении региональных проблем (постановке целей, организации деятельности, анализе результатов).

Список литературы

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Богданов В. С. Информатизация регионального управления: проблемы и перспективы // Вестник Института социологии. 2018. № 25. С. 27-47.

Демьяненко В. И. Работа над российской моделью управления «экстремальное стратегическое проектное управление» // Российская модель управления: анализ и рекомендации к применению: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2014. С. 90-95.

Демьяненко В. И. Субъектность региональных органов власти в социальном теле проблемы реформирования системы управления в процессе социокультурной модернизации регионов // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса. М., 2020. С. 2485-2496.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004. 352 с.

Лепский В. Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 4. С. 95-104.

Мерзляков А. А. Субъектность регионов и ее значение для реформирования // Вестник Института социологии. 2018. № 25. С. 48-65.

Парсонс Т. О. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.

Пригожин А. И. Качество целей // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 114-126.

Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: Студии Артемия Лебедева, 2017. 496 с.

Речкин Д. Н. Российская модель управления: социокультурные факторы формирования и специфика. Волгодонск: ВПО, 2009. 176 с.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.

Россия: реформирование властноуправленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности мир России // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 3-4. С. 158-181.

Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию?…: Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса.

Международный симпозиум. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. С. 310-319.

References

Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: a collective scientific work (2016), in Lapin, N. I. (ed.), Ves Mir, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Bogdanov, V. S. (2018), "Informatization of regional management: problems and prospects", *Vestnik Instituta Sotsiologii*, (25), 27-47. *(In Russian)*

Demyanenko, V. I. (2014), "Work on the Russian management model 'extreme strategic project management'", *Russian management model: analysis and recommendations for use: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, Khanty-Mansiysk, Russia, 90-95. *(In Russian)*

Demyanenko, V. I. (2020), "Subjectivity of regional authorities in the social body of the problem of reforming the management system in the process of socio-cultural modernization of regions", *Conference: VI All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions*, Tyumen, Russia, 1098-1108. *(In Russian)*

Leont'ev, A. A. (2004), *Activity. Consciousness. Personality*, Smysl, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Lepsky, V. E. (2019), *Methodological and philosophical analysis of the development of management problems*, Kogito-Center, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Merzlyakov, A. A. (2018), "The problem of subjectivity in the sociology of management", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, (4), 95-104. *(In Russian)*

Merzlyakov, A. A. (2018), "Subjectivity of regions and its significance for reforming", *Vestnik Instituta sotsiologii*, (25), 48-65. *(In Russian)*

Parsons, T. O. (2002), *Structure of social action*, Transl. by Chesnokova, V. F. and Belanovskiy, S. A., Akademicheskiy proekt, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Prigozhin, A. I. (2010), "Quality of objectives", *Social studies and the present*, (1), 114-126. *(In Russian)*

Prokhorov, A. P. (2017), *Russian model of management*, Studii Artemiya Lebedeva, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Rechkin, D. N. (2009), *Russian model of management: sociocultural factors of formation and specificity*, VPO, Volgodonsk, Russia. *(In Russian)*

Ritzer, G. (2002), *Modern sociological theory*, Transl. by Boykov, A. and Lisicyna, A., Piter, Saint Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia. *(In Russian)*

Yadov, V. A. (1995), "Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the personality of the world of Russia", *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, (3-4), 158-181. *(In Russian)*

Yadov, V. A. (2001), "The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for studying real stratification in Russian society", in *Who and where is seeking to lead Russia? ...: Actors of the macro-, meso- and micro-levels of the modern transformation process. International symposium*, Moskovskaya vysshaya shkola sotsial'nyh i ekonomicheskih nauk, Moscow, Russia, 310-319. *(In Russian)*

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2021 г. Поступила после доработки 30 ноября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 29 September 2021. Revised 30 November 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Демьяненко Василий Иванович, старший преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия.

Vasily I. Demyanenko, Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.013

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-6

Резанова Е. В.

Стратегический анализ региона (на примере Могилевской области Республики Беларусь)

Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь
ekaterina-rezanova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность стратегического анализа регионов обусловлена высокой степенью динамизма, сложности и взаимообусловленности процессов социально-экономического развития в контексте развития постиндустриального общества, а также возрастанием значимости тесного взаимодействия граждан и органов государственного управления при принятии управленческих решений. Важное значение приобретет стратегическое планирование с учетом оценки внутренних и внешних условий развития региона, а также социально-экономическое прогнозирование. В статье систематизированы подходы к реализации регионального стратегического анализа, определены направления прикладного анализа регионов с выходом на систему методов и направлений прогнозирования. На примере Могилевской области Республики Беларусь проведен стратегический анализ в рамках территориального и системного подходов с использованием социологических методов исследования: анализа статистической и официальной информации, результатов глубинных интервью с представителями управленческой вертикали, социальной сферы и общественных организаций. Стратегический анализ Могилевской области позволил обозначить характерные особенности конкретных территорий и отдельных сфер жизнедеятельности региона и определить следующие направления его развития на уровне государственного управления: активное строительство субъектов хозяйствования логистической направленности, что позволит развивать инновационные технологии управления и автоматизации, международное сотрудничество в области логистики, привлекать иностранные инвестиции, создавать новые рабочие места, а также выровнять развитие субрегионов; экологизация и модернизация химических предприятий, обеспечение радиационной безопасности населения, что позволит сохранить демографический и трудовой потенциал региона, а также активизировать развитие различных направлений туристической отрасли; повышение роли местного самоуправления и широкое использование интернет-ресурсов во взаимодействии населения и органов государственной власти, что повысит социальную активность граждан и прозрачность управленческих решений.

Ключевые слова: регион; стратегическое развитие; стратегическое планирование; методы регионального анализа; прогнозирование; коммуникация власти и общества

Информация для цитирования: Резанова Е. В. Стратегический анализ региона (на примере Могилевской области Республики Беларусь) // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 96-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-6.

Original article

Ekaterina V. Rezanova

Strategic analysis of the region (on the example of the Mogilev region, the Republic of Belarus)

Belarusian State University
9 Kalvariyskaya St., Minsk, 220004, Republic of Belarus
ekaterina-rezanova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the strategic analysis of regions is due to a high degree of dynamism, complexity and interdependence of the processes of socio-economic development in the context of the development of a post-industrial society, as well as the increasing importance of close interaction between citizens and government bodies in making managerial decisions. Strategic planning, taking into account the assessment of internal and external conditions for the development of the region, as well as socio-economic forecasting, will acquire great importance. The article systematizes the approaches to the implementation of regional strategic analysis, defines the areas of applied analysis of regions with access to a system of methods and directions of forecasting. On the example of the Mogilev region of the Republic of Belarus, a strategic analysis was carried out within the framework of territorial and systemic approaches using sociological research methods: analysis of statistical and official information, the results of in-depth interviews with representatives of the management vertical, social sphere and public organizations. The strategic analysis of the Mogilev region made it possible to identify the characteristic features of specific territories and individual spheres of life of the region and to determine the following directions of its development at the level of public administration: active construction of business entities of a logistics focus, which will make it possible to develop innovative management and automation technologies, international cooperation in the field of logistics, attract foreign investment, create new jobs, and align the development of the subregions; greening and modernization of chemical enterprises, ensuring the radiation safety of the population, which will preserve the demographic and labor potential of the region, as well as intensify the development of various directions of the tourism industry; increasing the role of local self-government and widespread use of Internet resources in the interaction of the population and public authorities, which will increase the social activity of citizens and the transparency of management decisions.

Keywords: region; strategic development; strategic planning; methods of regional analysis; forecasting; communication of power and society

Information for citation: Rezanova, E. V. (2021), "Strategic analysis of the region (on the example of the Mogilev region, the Republic of Belarus)", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 96-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-6.

Введение (Introduction). Постиндустриальное общество, для которого характерными являются всевозрастающие процессы глобализации всех сфер общественной жизни, усиление неравенства и возможностей социально-экономического развития регионов, требует трансформации системы государственного управления в сторону усиления синергетического подхода. Это предполагает не только взаимообусловленность и взаимовлияние всех сфер жизнедеятельности регионального населения, но и тесное взаимодействие государства и общества, принятие управ-

ленческих решений на основе как достоверной и актуальной информации, так и на основе глубокого понимания потребностей, запросов и интересов граждан. Важное значение приобретет стратегическое планирование с учетом оценки внутренних и внешних условий развития региона, а также социально-экономическое прогнозирование.

Все эти процессы и элементы находят отражение в рамках стратегического анализа региона и основываются не только на комплексном подходе в оценке текущей ситуации, но и позволяют определить наиболее оптимальные пути реформирования отдельных отраслей и сфер в рамках долгосрочного устойчивого развития. Стратегический анализ регионов позволяет определить ресурсы, необходимые для эффективной реализации программ регионального развития; способы трансформации различных отраслей для приведения стратегий в соответствие с общенациональными приоритетами социально-экономического развития; направления социально-экономической политики, приоритетные для каждого региона, а также адекватные современным реалиям формы взаимодействия управленческой вертикали и граждан (Боязитов, 2016: 146). Стратегическое управление в условиях развития постиндустриального общества во многом связано с реализацией принципов партнерства, усилением роли горизонтальных структур, тесным взаимодействием управляющих и управляемых систем, повышением роли самоуправления, усилением ценностного подхода к процессу управления и его результатам.

Методология и методы (Methodology and methods). Интерес к стратегическому анализу и планированию в рамках государственного управления стал проявляться в зарубежных странах в конце XX века. В США стали использовать методы стратегического планирования при создании комплексных социально-экономических программ развития и планирования деятельности (Prahalad, Hamel, 1990). Особенность западных подходов к региональному стратегическому планированию заключается в большем акценте на согласовании интересов разных групп населения и построении эффективной коммуникации между властью и населением (Chandler, 1962), а также фундаментальных аспектах стратегического мышления (Goldman, 2007).

В российских исследованиях стратегическое развитие регионов является актуальным как на государственном, так и на корпоративном уровнях. Вопросами методологии стратегического анализа и управления территориями занимаются А. А. Гершанок, Г. А. Демин (Гершанок, 2018). Проблематика изучения брендинга как инструмента экономической политики региона стала предметом исследования П. А. Макарова и А. И. Абдряшитовой (Макаров, Абдряшитова, 2017), а также С. В. Фролова (Фролов, 2019). Особенности применения методики Swot-анализа в анализе регионов рассматриваются в работах Л. С. Мазелиса, В. О. Морозова, (Мазелис, Морозов, 2014). Акцентируя внимание на взаимосвязи политического и стратегического анализа, А. А. Дягтерев определяет особенность стратегического анализа в том, что стратегия является неотъемлемым элементом эффективного государственного управления, объединяя цели самого высокого порядка и конкретные решения на местах (Дягтерев, 2010).

В Беларуси анализом регионального развития занимаются ученые Институтов экономики и социологии НАН Беларуси и НИЭИ Минэкономики, географические и экономические вузы. В ходе исследования ими был затронуты вопросы регионального стратегического планирования в современных условиях, разработана система критериев и индикаторов экономического роста регионов, определены механизмы вертикального взаимодействия на уровне органов местного управления и самоуправления, а также принципы согласования стратегии развития регионов с перспективными планами бизнес-сообществ

(Рекомендации, 2015). Кроме того, разработан проект Концепции региональной политики с целью выработки механизмов согласования интересов власти и общества, а также для развития внутриреспубликанского и трансграничного регионального сотрудничества (Фатеев, 2004).

Несмотря на активный интерес ученых в области регионального стратегического анализа и планирования, недостаточное внимание уделяется вопросам совершенствования форм и механизмов взаимодействия государства и общества, а также активного участия граждан в вопросах определения приоритетных направлений развития регионов. В условиях информационной открытости граждане становятся более требовательными к прозрачности деятельности органов государственного управления, хотят выступать активными субъектами реализации региональной политики. Все же эффективность стратегического анализа и планирования в конечном итоге измеряется социальными настроениями, насколько жители удовлетворены уровнем развития региона, возможностями реализации трудовых и социальных потребностей, развитием инфраструктуры. Поэтому наиболее эффективным выступает междисциплинарный подход в стратегическом анализе регионов с акцентом на формы конструктивного диалога по линии власть-общество.

Методология стратегического анализа включает ряд подходов. При этом можно выделить стратегический анализ на общегосударственном уровне, который в большинстве своем определяется особенностями политического анализа, и прикладной стратегический анализ регионов с выходом на систему методов и технологий, а также приоритетные направления развития прогнозного характера.

В рамках общегосударственного уровня стратегического анализа актуальным является подход Э. Н. Ожиганова и Д. Е. Слизовского, выделивших в стратегическом анализе два ключевых направления: анализ иерархических процессов и анализ системной динамики. Анализ иерархических процессов представляет собой методологию для структурирования, измерения и синтеза факторов внешнего и внутреннего порядка (Ожиганов, 2006). Ключевыми принципами реализации данного направления выступают: принцип декомпозиции, позволяющий разложить сложную проблему на ряд более простых по принципу операционализации понятий; принцип сравнительных суждений, ключевой задачей которого является согласованность с главной целью; принцип иерархической композиции, позволяющий определить глобальные приоритеты на всех уровнях анализа (Ожиганов, 2006).

В свою очередь, анализ системной динамики тесно связан с моделированием и комбинацией количественных и качественных методов, и применяется для исследования сложных государственных систем и динамики их характеристик в соответствии с принятием определенных управленческих решений, а также для исследования конкретных случаев в рамках данных систем, позволяющих обосновать применение той или иной методики. (Ожиганов, 2006: 96). Данное направление выступает эффективным подходом при принятии управленческих решений во всех сферах хозяйствования на всех уровнях государственного управления.

В рамках регионального стратегирования анализ иерархических процессов и анализ системной динамики определяют прежде всего комплексное видение процессов социального и экономического развития региона, а также выделение приоритетных направлений развития его отдельных отраслей с учетом специфики регионов. Субъектами стратегического анализа регионов на общегосударственном уровне являются не только органы государственного управления представительной и исполнительной власти, но и предприятия, организации, сообщества предпринимателей малого и среднего бизнеса, общественные организации, представители общественности, выражающие интересы раз-

личных социальных групп региона (Пивень, 2014).

Основной целью регионального стратегического планирования на общегосударственном уровне Республики Беларусь является разработка концепции регионального развития с опорой на стратегические приоритеты развития национальной экономики. При этом ключевым направлением является обеспечение роста уровня и качества жизни населения регионов на основе роста производительности труда и человеческого капитала, формирования высокоэффективных экономических структур и создания региональных кластеров, объединяющих наиболее приоритетные точки развития каждого региона (Вертинская, 2016: 25).

В рамках прикладного регионального анализа А. А. Гершанок предпринял попытку применить не только многоуровневый, но и междисциплинарный подход, выделив системный, программно-целевой, корпоративный и территориальный аспекты. В рамках системного подхода регион рассматривается как совокупность нескольких подсистем, взаимосвязанных между собой: производственная, агропромышленная, социальная, финансово-экономическая, управленческая и инфраструктура. В основе программно-целевого подхода лежит постановка наиболее общих и конкретных целей развития и путей их достижения. В рамках корпоративного подхода используются методы стратегического менеджмента (анализ внешней среды региона, изучение имеющихся конкурентных преимуществ региона). В свою очередь, территориальный подход направлен на выработку стратегии социально-экономического развития региона, главной целью которого выступает повышения материального благосостояния граждан (Гершанок, 2018: 41).

Стратегический анализ на прикладном региональном уровне предполагает, как разработку конкретных сценариев регионального развития с учетов имеющихся экономических, социальных и природных ресурсов, так и выработку прогноза социально-экономического развития в рамках краткосрочной или долгосрочной перспективы. В рамках данного подхода значимым являются наработки белорусских ученых по сравнительному анализу уровней социально-экономического развития регионов, а также прикладные аспекты интенсификации регионального развития для его применения в конкретных условиях с учетов потенциала развития каждого региона (Козловская, 2004). В частности, систематизация регионов Беларуси по уровню промышленного развития позволила определить пути решения региональных диспропорций. Так, для достижения устойчивого развития экономики И. И. Запрудский предлагает провести институциональную реструктуризацию производства, путем создания в каждом регионе промышленных региональных кластеров с учетом региональной специфики и на основе специализации, позволяющей обеспечить рост конкурентоспособного производства (Запрудский, 2015).

Кроме того, стратегический анализ региона предполагает выработку социально-экономического прогноза и определение направлений развития регионального комплекса и его структурных составляющих (Придворова, 2013). Вырабатывается как общая концепция регионального развития в рамках конкретного территориального образования, так и сроки достижения целевых показателей развития отдельных отраслей народного хозяйства за определенный период (Зеленцова, Зубова, 2016).

Результаты регионального прогнозирования используются органами государственного управления для обоснования целей социально-экономического развития, выработки направлений социальной политики региона, а также определения точек роста региона (Шеховцева, 2006).

Белорусские экономисты исследуют региональное развитие посредством совмещения программно-целевого и корпоративного анализа и выделяют следующие методы регионального анализа: SWOT-

анализ (выявление факторов внутренней и внешней среды и разделении их на четыре категории: сильные и слабые стороны, возможности и угрозы), региональная диагностика (количественно-качественная оценка ситуации и проблем в системе признаков и показателей), атлас территорий (картографический метод, в наглядной форме отражающий развитие регионов различных рангов по отдельным аспектам устойчивого развития (Рекомендации, 2015).

Анализ особенностей применения методов стратегического анализа, а также обращение к зарубежному опыту в данном направлении (Glenn, Gordon, 2009), позволяет отметить, что в практике регионального анализа данные методы взаимно дополняют друг друга, и во многом определяются стратегий развития конкретного региона.

Для получения обратной связи с гражданами и активного включения их в процесс выработки стратегий развития региона существующие методы стратегического анализа следует дополнить социологическими, направленными на изучение мнения граждан и их оценки как уровня социально-экономического развития региона в целом, так и отдельных его сфер в частности. В этом направлении актуальным является также анализ каналов коммуникации по линии власть-общество, что связано с растущей в обществе потребностью в построении открытого и эффективного взаимодействия между населением и властью. Коммуникационные стратегии являются эффективным способом повышения взаимного доверия между обществом и населением (Кара, 2009).

В материалах статьи проведен анализ одного из регионов Беларуси (Могилевской области) в рамках территориального и системного подхода, с использование социологических методов исследования (анализа статистической и официальной информации, результатов глубинных интервью с представителями управленческой вертикали, социальной сферы и общественных организаций), а также представлен анализ форм коммуникации между гражданами и органами государственного управления.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Могилевская область находится в восточной части Республики Беларусь на границе с Российской Федерацией и отличается выгодным транспортным расположением. Через территорию области проходят важные железнодорожные и автомагистрали. Вместе с тем транспортные коридоры Могилевского региона используются не в полной мере ввиду недостаточного развития современной транспортнологистической инфраструктуры. Так, из сорока восьми белорусских логистических центров на территории Могилевской области расположены только три: ТЛЦ «Могилев-Белтаможсервис», ТЛЦ СООО «СТЛ Логистик», Могилевский филиал РТЭУП «Белинтертранс».

Для Могилевской области характерно разделение на три субрегиона: Могилевский, Бобруйский и Кричевский (Козловская, 2004). Могилевский и Бобруйский субрегионы отличаются более выгодным экономико-географическим положением. На их территории более развитая транспортная инфраструктура. Центрами притяжения трудовых ресурсов и экономической активности выступают крупные административные центры – Могилев и Бобруйск, которые отличаются близким расположением к столице. Здесь же сконцентрировано большинство промышленных предприятий и основной контингент предпринимателей Могилевской области.

Вместе с тем Кричевский субрегион имеет периферийное положение относительно крупных городских центров, находясь в крайней восточной части страны, что влияет на экономическую активность субъектов хозяйствования. Так, в Мстиславском и Костюковичском районах данного субрегиона наименьшее количество малых и микроорганизаций по республике (Статистический сборник. Регионы Рес-

публики Беларусь, 2020). Отсутствие единого крупного административного центра, а также плотное приграничье с Российской Федерацией, создают предпосылки роста миграционных настроений в данном субрегионе. В большинстве своем это временная трудовая миграция в российские города (Смоленск, Москва) преимущественно в рамках строительной отрасли.

Географическое расположение Могилевской области обуславливает тесное сотрудничество с регионами России по разным направлениям. Развитие торговых связей с Российской Федерацией является одним из главных приоритетов внешнеэкономической деятельности области. Ведущее место в экспортных программах занимают химические волокна и нити текстильного и технического назначения, пластмассы и изделия из них, шины, пассажирские лифты и т.д. Кроме того, установлено взаимодействие в сфере торгово-экономического сотрудничества, образования, культуры и искусства, спорта, туризма, в рамках реализации молодежных программ (Фомичева, Сопина, 2016).

Системный подход в стратегическом анализе Могилевской области позволил выделить характерные особенности развития производственно-экономической сферы и инфраструктуры региона, социально-демографической и экологической ситуации в области, а также провести анализ системы коммуникации по линии власть-общество, без чего региональный анализ является неполным и не отвечает ключевой цели концепции развития области.

В производственно-экономическом потенциале региона превалирует промышленность, в которой занято треть всех работающих (Статистический сборник. Регионы Республики Беларусь, 2020). Наиболее развитыми отраслями промышленности являются химическая и нефтехимическая, машиностроение и металлообработка. Ряд предприятий Могилевской области отличаются низкой экономической эффективностью, что порождает проблему неполной занятости, несвоевременной выплаты заработной платы и низкого уровня среднедушевого дохода. Кроме того, в регионе самая низкая инновационная активность субъектов хозяйствования. За последние 10 лет в области не создано ни одного производства, выпускающего новую для мирового рынка продукцию. В качестве основной причины, препятствующей повышению инновационной активности предприятий, выделяют недостаток собственных оборотных средств и высококвалифицированных кадров (Панкова, Бальчевская, 2019).

Экологическая ситуация в регионе, с одной стороны, определяется последствиями произошедшей катастрофы на Чернобыльской АЭС, что привело к радиоактивному загрязнению сельского и лесного хозяйства почти на третьей части территории области, а с другой – существенным влиянием предприятий химической и нефтехимической промышленности, действующих в настоящее время в крупных городах региона. В ходе глубинных интервью было отмечено, что городские жители крайне обеспокоены загрязнением воздуха, водоемов и прилегающих к ним зон отдыха в Могилеве и Бобруйске.

Для социально-демографической ситуации характерны общереспубликанские тенденции со своими особенностями:

- естественная убыль населения (коэффициент смертности в Могилевской области превышает среднереспубликанский уровень, самые высокие значения показателя естественной убыли населения в Бобруйском районе, Чаусском, Глусском районах);

- снижение уровня рождаемости (в 18 районах области уровень рождаемости упал по сравнению с предыдущим годом, самые низкие средние значения показателя рождаемости в Могилеве и Бобруйске, а также в Горецком, Мстиславском, Кричевском и Климовичском районах) (Статистический сборник. Естественное движение населения по Республике Беларусь, 2020);

- старение населения (доля лиц старше трудоспособного возраста одна из самых высоких среди областей, лидерами по

коэффициенту старости в регионе являются Бобруйский и Глусский районы);

- сокращение численности трудовых ресурсов (за последние семь лет численность трудоспособного населения уменьшилась на 7 процентов, что превышает средний показатель по республике) (Статистический сборник. Труд и занятость в Республике Беларусь, 2020).

Эксперты обратили внимание, что одной из ключевых проблем Могилевской области является отток молодежи. Для закрепления молодежи и специалистов на местах, а также для решения выше перечисленных демографических проблем региона, по их мнению, необходимо формирование эффективной занятости и модернизация предприятий, создание благоприятных условий для развития предпринимательства и фермерства, открытие филиалов высших учебных заведений и учреждений среднего специального образования, открытие новых предприятий с целью создания новых рабочих мест.

В развитии инфраструктуры можно отметить существенные сдвиги по определенным направлениям. Обеспеченность населения жильем в городских поселениях и в сельской местности выше среднереспубликанского показателя. За первое полугодие 2020 года введено в эксплуатацию более ста объектов инфраструктуры, включая лечебный корпус Бобруйской городской детской больницы, поликлинику, детские дошкольные учреждения, бассейн, биатлонный комплекс, мемориальный комплекс и новое здание музея (Стратегия устойчивого развития Могилевской области на период до 2035 года, 2020).

В ходе глубинных интервью представители общественных организаций отметили, что жители положительно оценивают возведение инфраструктурных объектов и отмечают повышение качества жизни в малых городах и сельской местности. Однако, вызывает недовольство плановая оптимизация объектов социальной инфраструктуры (ликвидация или перепрофилирование сельских дошкольных учреждений, средних школ, фельдшерско-акушерских пунктов, сельских учреждений культуры, объектов торговли), а также качество жилищно-коммунальных услуг.

В рамках анализа каналов коммуникации по линии власть-общество, функционирующих в Беларуси, целью которых является активное участие граждан в принятии управленческих решений, можно выделить систему оценки регулирующего воздействия, систему местного самоуправления, проведение диалоговых площадок.

Система оценки регулирующего воздействия призвана обеспечить участие граждан в разработке планируемых к принятию законодательных актов. Основной информационной площадкой для этого выступает сайт «Правовой форум Беларуси». Вместе с тем, существует ряд недостатков в реализации механизма оценки регулирующего воздействия: не определен перечень нормативных актов, публичное обсуждение которых будет обязательным этапом для его принятия нормотворческим органом, не приняты методические рекомендации по работе с оценкой регулирующего воздействия (Соловьев, 2017). Кроме того, в рамках обсуждения ряда проектов на сайте «Правовой форум Беларуси» не публикуется информация о рассмотренных и отклоненных предложениях, высказанных в ходе публичного обсуждения. Остается неясным, какие из замечаний и предложений граждан были учтены при подготовке документа, а какие были отклонены.

Система местного самоуправления является наиболее гибкой и максимально приближенной к гражданам формой взаимодействия и осуществляется через Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах (Котляров, 2015). В Могилевской области зарегистрировано 853 коллегиальных органов территориального общественного самоуправления и 9218 единоличных органов территориального общественного самоуправления,

которые объединяют более 12,8 тыс. инициативных людей (Могилевская областная ассоциация местных советов депутатов).

Вместе с тем, результаты опросов показывают, что граждане слабо вовлечены в деятельность местного самоуправления: только 11% населения участвовали в местных собраниях; в организации и проведении выборов в местный Совет депутатов – 6% граждан; практически никто не участвовал в местных референдумах, обсуждении программ социально-экономического развития и проектов решений местных Советов депутатов (Эсмантович, 2018).

С целью сбора предложений по совершенствованию белорусского конституционного законодательства в 2020 году во всех регионах Беларуси было организовано проведение диалоговых площадок, в рамках которых граждане также обсуждали проблемные аспекты регионального развития. В Могилевской области проведено 9 дискуссионных встреч и выработаны предложения по вопросам развития экономики, социальной сферы, молодежной политики и трудовых ресурсов (Об итогах социально-экономического развития Могилевской области, 2020). В целях повышения эффективности коммуникации по линии власть-общество гражданами было предложено расширять возможности и виды онлайн взаимодействия с органами власти: организовывать электронные опросы, форумы, консультации, а также разработать мобильные сервисы (платформы), где жители могли бы сообщать о состоянии инфраструктуры города и проблемах, требующих решения на уровне села, города, района или области (программа).

На основе территориального и системного подходов, а также анализа системы коммуникации власти и общества, экспертами определены следующие направления прогнозного характера в отношении развития некоторых сфер жизнедеятельности Могилевского региона:

- более активное строительство субъектов хозяйствования логистической направленности позволит развивать инновационные технологии управления и автоматизации, международное сотрудничество в области логистики, привлекать иностранные инвестиции, создавать новые рабочие места, а также выровнять развитие субрегионов;

- экологизация и модернизация химических предприятий, обеспечение радиационной безопасности населения будет способствовать сохранению демографического и трудового потенциала региона, а также развитию различных направлений туристической отрасли;

- активное включение населения в деятельность местного управления и самоуправления, совершенствование системы оценки регулирующего воздействия, широкое использование интернет-ресурсов во взаимодействии населения и органов государственной власти позволит повысить открытость управленческой деятельности госорганов и уровень доверия населения.

Заключение (Conclusions). В целом проведенное исследование на теоретическом и эмпирическом уровнях показывает, что в рамках регионального стратегического анализа можно выделить общегосударственный уровень, предполагающий комплексную оценку процессов социально-экономического и общественно-политического развития региона в системе государственного регулирования экономики. На прикладном уровне определяются характерные особенности развития производственно-экономической сферы, выделяются ключевые точки роста и направления реструктуризации отдельных сфер, а также осуществляется прогнозирование и определяются целевые показатели развития.

Стратегический анализ Могилевской области позволил, с одной стороны, систематизировать информацию относительно развития различных сфер жизнедеятельности региона, обозначив демографические и экологические проблемы, а также проблему неравномерного распределения как промышленного, так и трудового потенци-

ала; с другой – определить направления и пути решения указанных проблемных аспектов с учетом возможностей социально-экономического развития и сложившихся в настоящее время аспектов развития общества.

Список литературы

Боязитов Д. Р. Особенности управления региональным развитием в глобальном информационном обществе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 24. С. 146-151.

Вертинская Т. С. Стратегии устойчивого развития регионов Беларуси: к вопросу о разработке новой методологии // Псковский регионологический журнал. 2016. № 3 (27). С. 17-30.

Гершанок А. А., Демин Г. А., Ощепков А. М. Развитие методологии стратегического управления территориальными образованиями // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8, 3А. С. 39-49.

Дягтерев А. А. Прикладной политический анализ. М.: МГИМО, 2010. 546 с.

Запрудский И. И. Особенности неравномерности промышленного развития регионов Беларуси в XXI веке // Проблемы безопасности российского общества. 2015. № 2. С. 185-191.

Зеленцова С. Ю., Зубова Л. А. Прогнозирование социально-экономического развития регионов РФ // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 54. С. 64-68.

Кара И. В. Общество и власть: коммуникативные стратегии доверия // Вестник РГГУ. 2009. № 1. С. 29-37.

Котляров И. В. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение. Мн.: Беларуская навука, 2015. 499 с.

Козловская Л. В. Социально-экономическая география Беларуси. Мн.: БГУ, 2004. 100 с.

Мазелис Л. С., Морозов В. О. Методика Swot-анализа рисков региона в разрезе основных макроэкономических показателей социально-экономического развития (на примере Камчатского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 545-552.

Макаров П. Ю., Абдряшитова А. И. Брендинг как инструмент экономической политики региона: проблемы управления // Региональные исследования. 2017. № 1 (55). С. 91-100.

Могилевская областная ассоциация местных советов депутатов. В могилевской области налажена система стабильных и эффективных взаимоотношений органов местного управления и самоуправления, 2021 г. URL: http://as-deputatov.by/ (дата обращения: 20.09.2021)

Об итогах социально-экономического развития Могилевской области и г. Могилева за 9 месяцев 2020 г., 2020 г. URL: http://mstislavl.mogilev-region.by/uploads/documents/folder/2.-Ob-itogax-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Mogilevskoj-oblasti-za-9-mesjatsev-2020-g..docx (дата обращения: 21.09.2021).

Ожиганов Э. Н. Стратегический анализ политики: теоретические основания и методы. М.: Аспект Пресс, 2006. 272 с.

Панкова Т. Н., Бальчевская О. В. Оценка устойчивого развития Могилевской области // Сборник научных трудов «Современные проблемы экономики». 2019. № 1 (28). С. 209-220.

Пивень И. Г. Стратегическое управление развитием региона в современных условиях // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 28. С. 67-72.

Придворова Е. С. Сравнительный анализ методов прогнозирования социально-экономического развития региона (на примере Белгородской области) // Научные ведомости. 2013. № 1 (144). Выпуск 25/1. С. 5-14.

Рекомендации по разработке региональных стратегий устойчивого развития в Республике Беларусь, 2015 г. URL: http://www.economy.gov.by/uploads/files/002835_209254_6.pdf (дата обращения: 10.09.2021)

Соловьев П. В. Публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов как средство снижения коррупционных рисков. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/172618 (дата обращения: 05.09.2021)

Статистический сборник. Естественное движение населения по Республике Беларусь. Минск, 2020. 54 с.

Статистический сборник. Регионы Республики Беларусь. Минск, 2020. 776 с.

Статистический сборник. Труд и занятость в Республике Беларусь. Минск, 2020. 316 с.

Стратегия устойчивого развития Могилевской области на период до 2035 года, 2020

г. URL: http://apr.gov.by/data/_quarantine/doc-bobr-by43.pdf (дата обращения: 10.09.2021)

Фатеев В. С. Региональная политика: теория и практика. Минск: ЕГУ, 2004. 480 с.

Фомичева Л. М., Сопина В. И. Сотрудничество России и Белоруссии в реализации молодежной политики // Политика, экономика и инновации. 2016. № 6(8). С. 5-10.

Фролов С. В. Бенчмаркинг в государственном стратегическом управлении // Инновации и инвестиции. 2019. № 12. С. 126-128.

Шеховцева Л. С. Концептуальные основы стратегического управления развитием региона // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2006. № 4 (9). С. 690-693.

Эсмантович Е. И. Взаимодействие органов местного управления и самоуправления как принцип организации местной власти // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 1. С. 129-134.

Chandler A. D. Strategy and Structure: A Chapter in the History of Industrial Enterprises. Cambridge, Mass, MIT. Press, 1962.

Glenn J. C., Gordon T. J. Futures Research Methodology Version 3.0. The Millennium Project, 2009.

Goldman E. Strategic thinking at the top // MIT Sloan Management Review. 2007. № 48 (4). Pp. 75-81.

Prahalad C. K., Hamel G. The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. 1990. May-June. Pp. 79-91.

References

Boyazitov, D. R. (2016), “Features of regional development management in the global information society”, *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika*, (24), 146-151. *(In Russian)*

Vertinskaya, T. S. (2016), “Strategies for sustainable development of the regions of Belarus: on the development of a new methodology”, *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*, (3), 17-30. *(In Russian)*

Gershanok, A. A., Demin, G. A. and Oshchepkov, A. M. (2018), “Development of methodology for strategic management of territorial entities”, *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 8 (3A), 39-49. *(In Russian)*

Dyagterev, A. A. (2010), *Applied Political Analysis*, MGIMO, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Zaprudskiy, I. I. (2015), “Features of the uneven industrial development of the regions of Belarus in the XXI century”, *Problemy bezopasnosti rossiyskogo obshchestva*, (2), 185-191. *(In Russian)*

Zelentsova, S. U. and Zubova, L. A. (2016), “Forecasting the socio-economic development of the regions of the Russian Federation”, *Aktual'nye voprosy ekonomicheskih nauk*, (54), 64-68. *(In Russian)*

Kara, I. V. (2009), “Society and government: communicative strategies of trust”, *RSUH/RGGU Bulletin*, (1), 29-37. *(In Russian)*

Kotlyarov, I. V. (2015), *Belarus on the Way to the Future: Sociological Dimension*, Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Kozlovskaya, L. V. (2004), *Socio-economic geography of Belarus*, BSU, Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Mazelis, L. S. and Morozov, V. O. (2014), “Methodology for Swot-analysis of regional risks in the context of the main macroeconomic indicators of socio-economic development (on the example of the Kamchatka territory)”, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (6), 545-552. *(In Russian)*

Makarov, P. U. and Abdryashitova, A. I. (2017), “Branding as an instrument of regional economic policy: management problems”, *Regional'nye issledovaniya*, (1), 91-100. *(In Russian)*

Mogilev Regional Association of Local Councils of Deputies. In the Mogilev region, a system of stable and effective relations between local government and self-government bodies has been established (2021), [Online], available at: http://as-deputatov.by/ (Accessed 20 September 2021). *(In Russian)*

On the results of the socio-economic development of the Mogilev region and the city of Mogilev (2020), [Online], available at: http://mstislavl.mogilev-region.by/uploads/documents/folder/2.-Ob-itogax-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Mogilevskoj-oblasti-za-9-mesjatsev-2020-g..docx (Accessed 21 September 2021). *(In Russian)*

Ozhiganov, E. N. (2006), *Strategic Policy Analysis: Theoretical Foundations and Methods*, Aspekt Press, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Pankova, T. N. and Bal'chevskaya, O. V. (2019), “Assessment of sustainable development of the Mogilev region”, *Sbornik nauchnyh trudov «Sovremennye problemy ekonomiki»*, (1), 209-220. *(In Russian)*

Piven', I. G. (2014) “Strategic management of the development of the region in modern condi-

tions", *Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novy vzglyad*, (28), 67-72. *(In Russian)*

Pridvorova, E. S. (2013), "Comparative analysis of methods for forecasting the socio-economic development of the region (on the example of the Belgorod region)", *Nauchnye vedomosti*, (1), 5-14. *(In Russian)*

Recommendations for the development of regional strategies for sustainable development in the Republic of Belarus (2015), [Online], available at: http://www.economy.gov.by/uploads/files/002835_209254_6.pdf (Accessed 10 September 2021). *(In Russian)*

Solov'ev, P. V. (2017), "Public discussion of draft regulatory legal acts as a means of reducing corruption risks", [Online], available at: http://elib.bsu.by/handle/123456789/172618 (Accessed 5 September 2021). *(In Russian)*

Statistical collection. Natural movement of the population in the Republic of Belarus (2020), Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Statistical collection. Regions of the Republic of Belarus (2020), Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Statistical collection. Labor and employment in the Republic of Belarus (2020), Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Strategy for sustainable development of the Mogilev region for the period up to 2035 (2020), [Online], available at: http://apr.gov.by/data/_quarantine/doc-bobr-by43.pdf (Accessed 10 September 2021). *(In Russian)*

Fateev, V. S. (2004), *Regional policy: theory and practice*, EGU, Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Fomicheva, L. M. and Sopina, V. I. (2016), "Cooperation between Russia and Belarus in the implementation of youth policy", *Politika, ekonomika i innovatsii*, (6), 5-10. *(In Russian)*

Frolov, S. V. (2019), "Benchmarking in public strategic management", *Innovatsii i investitsii*, (12), 126-128. *(In Russian)*

Shekhovtseva, L. S. (2006), "Conceptual framework for strategic management of the development of the region", *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (4), 690-693. *(In Russian)*

Esmantovich, E. I. (2018) "The interaction of local government and self-government as a principle of organizing local government", *Yuridichesky vestnik Samarskogo universiteta*, 4 (1), 129-134. *(In Russian)*

Chandler, A. D. (1962), *Strategy and Structure: a chapter in the history of industrial enterprises*, Mass, MIT. Press, Cambridge.

Glenn, J. C. and Gordon, T. J. (2009), *Futures Research Methodology Version 3.0*. The Millennium Project.

Goldman, E. (2007), "Strategic thinking at the top", *MIT Sloan Management Review*, (48), 75-81.

Prahalad, C. K. and Hamel, G. (1990), "The Core Competence of the Corporation", *Harvard Business Review*, May-June, 79-91.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2021 г. Поступила после доработки 20 ноября 2021 г. Принята к печати 01 декабря 2021 г.

Received 10 September 2021. Revised 20 November 2021. Accepted 01 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Резанова Екатерина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Ekaterina V. Rezanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

(cc) BY

Исследовательская статья

УДК 316.4.063

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-7

Зорина А. Е.

Собственное дело в условиях неопределённости: предпринимательские способности как адаптационный ресурс

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
annacur@yandex.ru

Аннотация. Развитие предпринимательства в России представляет собой одно из важнейших условий социально-экономического развития страны. Этим обусловлена актуальность исследований факторов, способствующих успешной предпринимательской деятельности. Для определения исследовательской проблемы автором статьи реализован информационно-аналитический анализ документов по соответствующим национальным проектам, а также вторичный анализ данных социологических исследований ВЦИОМ, ФОМ, РАНХиГС, НАФИ по проблематике предпринимательства. Анализ показал, что, несмотря на трудности в период пандемии коронавируса и негативные оценки перспектив развития бизнеса со стороны предпринимателей, эта деятельность не утратила своей привлекательности в обществе. Проблема состоит в недостаточности эмпирического социологического знания относительно личностных качеств успешных предпринимателей в сравнении с иными категориями населения. Эмпирическую базу исследования представляют собой данные 27-ой «волны» (2018 год) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)». Методика анализа данных направлена на выявление специфических качеств, которые способствуют реализации предпринимательской инициативы и «удержанию» созданного бизнеса в условиях неопределённости, то есть на выявление адаптационных ресурсов, способствующих поддержанию предпринимательской инициативы. Результаты исследования убедительно показывают, что имеется целый ряд личностных особенностей, определяющих успех рискованной деятельности создателей своего дела, которые можно считать составными частями предпринимательской инициативы.

Ключевые слова: предприниматель; предпринимательские способности; риск; адаптация к риску

Информация для цитирования: Зорина А. Е. Собственное дело в условиях неопределённости: предпринимательские способности как адаптационный ресурс // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 108-122. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-7.

Research article

Anna Ev. Zorina

Owning your own business in the face of uncertainty: entrepreneurial ability as an adaptive resource

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 24/35, 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
annacur@yandex.ru

Abstract: The development of entrepreneurship in Russia is one of the most important conditions for the socio-economic development of the country. This is due to the relevance of research on factors contributing to successful entrepreneurial activity. The author implemented information and analytical analysis of documents and the secondary analysis of data from sociological studies of WTsIOM, FOM, RANEPA, NAFI on entrepreneurship. The analysis showed that this activity has not lost attractiveness in society. The problem is the lack of empirical sociological knowledge regarding the personal qualities of successful entrepreneurs in comparison with other categories. The empirical base of the study is the data of the 27th "wave" (2018) of the "Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the HSE (RLMS-HSE)". The data analysis methodology is aimed at identifying specific qualities that contribute to the implementation of entrepreneurial initiative and the "retention" of the created business in conditions of uncertainty, to the identification of adaptation resources that contribute to the maintenance of entrepreneurial initiative. The results show that there is a number of personal characteristics that determine the success of the risk activities of the creators of their business, which can be considered integral parts of entrepreneurial initiative.

Keywords: entrepreneur; entrepreneurial abilities; risk; risk adaptation
Information for citation: Zorina A. Ev. (2021), "Owning your own business in the face of uncertainty: entrepreneurial ability as an adaptive resource", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 108-122. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-7.

Введение (Introduction). В 2018 году Указом Президента РФ были определены приоритетные направления стратегического развития страны (Указ, 2020). В дальнейшем они получили название «Национальных проектов». Интересующий нас в рамках данной статьи проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» является продолжением одноименного проекта, который разрабатывался с 2016 года. На сайте «национальныепроекты.рф» цель данного проекта определена как поддержка бизнеса на всех этапах его развития: от стартовой идеи до расширения и выхода на экспорт; устранение административных барьеров и популяризация образа предпринимателя[1]. Как раз в целях развития этого вида деятельности, активного привлечения населения и популяризации образа предпринимателя 2020 год был анонсирован как «Год предпринимательства». Соответствующий проект Указа «О проведении в Российской Федерации Года предпринимательства» был подготовлен Минэкономразвития РФ 6 мая 2019 года[2].

[1] Подробнее со всеми нацпроектами можно ознакомиться на сайте «Национальные проекты России» URL: https://национальныепроекты.рф/projects (дата обращения: 05.05.2021).
[2] Проект Указа Президента Российской Федерации

Но в 2020 году из-за изменившихся мировых обстоятельств программа нацпроектов была пересмотрена и скорректирована с учётом повысившейся роли здравоохранения. В дальнейшем были анонсированы меры поддержки, направленные также на социальную политику и помощь бизнесу в результате последствий пандемии.

В качестве популярных мер поддержки малого бизнеса в сезон пандемии COVID-19 можно выделить следующие:

- предоставление отсрочек бизнесу на уплату налогов, социальных платежей, сдачу налоговых деклараций;
- предоставление налоговых льгот бизнесу по взносам на социальное обеспечение, налогам на заработную плату или налогам на имущество;
- помощь бизнесу в сохранении рабочих мест (субсидии на выплату заработных плат)[1].

Во время выступления с Посланием Федеральному Собранию 21.04.2021 Президент РФ заметил, что цели всех национальных проектов были подвержены корректировке из-за пандемии, но акцент был сделан на демографии, поддержке семьи, борьбе с бедностью, повышении доходов граждан и, в том числе, улучшении предпринимательской среды. Президент отметил высокую ответственность бизнеса в условиях пандемии; роль предпринимателей в стремлении менять жизнь к лучшему; их инициативы по сохранению и созданию рабочих мест. Заверил, что предприниматели получат поддержку от государства, и в дальнейшем предпринимательская инициатива будет поощряться (Послание, 2021).

В целом предпринимательское сообщество и Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России» согласны с тем фактом, что необходимо формирование положительного образа предпринимателя в общественном сознании. Но при работе важно не «романтизировать» образ данной деятельности, а доносить, что предпринимательство – ответственная и тяжёлая работа (ТАСС, 2019). И СМИ должны не только призывать заниматься предпринимательством, но и подробно освещать истории тех людей, у которых все получилось[2].

С помощью социологических исследований можно определить интерес граждан к осуществлению предпринимательской деятельности; выявить факторы и компетентности, способствующие началу предпринимательской деятельности, уровни осведомлённости о мерах государственной поддержки. А по результатам проведённых исследований предоставить рекомендации всем заинтересованным лицам.

Методология и методы (Methodology and methods). Результаты многолетних исследований семейного предпринимательства, фермерского движения нашли отражение в работах О. Б. Божкова (Божков, 2019 а, б). Профиль деятельности женщины-предпринимателя и возрастные особенности женской предпринимательской активности исследовались М. Э. Елютиной вместе с коллегами на основе анализа материалов количественного и качественного исследований (Елютина, Ситникова, Семенова, 2020). В результате исследования предпринимателей с разным

«О проведении в Российской Федерации Года предпринимательства» // Правовой портал «Гарант». 22.05.2019. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56692625/#review (дата обращения: 05.05.2021).

[1] Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы // «Рейтинговое агентство «Эксперт РА» – рейтинги, исследования, обзоры, конференции». 28.07.2020. URL: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/ (дата обращения: 05.05.2021).

[2] Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию: главные тезисы и комментарии «ОПОРЫ РОССИИ» // Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». 21.04.2021. URL: https://opora.ru/news/poslanie-prezidenta-rf-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-glavnye-tezisy-i-kommentarii-opory-ros.html (дата обращения: 06.05.2021).

стажем деятельности были выявлены предполагаемые различия в их личностных качествах (Михайлова, Глазунова, 2020). В ходе пилотажного исследования Т. А. Тереховой и Е. Л. Трофимовой среди предпринимателей малого бизнеса были выделены и описаны двенадцать субсистем экономического самоопределения предпринимателя (Терехова, Трофимова, 2019).

Как «расшифровать» в социологическом представлении предпринимательские способности, деловую инициативу?

Социологи выделяют как отличительные черты предпринимателя инициативу, стремление к свободному целеполаганию и планированию, готовность к рискованным решениям и ответственность за подобные решения (Голенкова, Игитханян, 2006; Заславская, 1995).

Предприниматель создаёт своё дело, но может потерпеть неудачу и «сломаться». Какие стержневые качества личности удерживают предпринимательскую инициативу в постоянно меняющейся институциональной среде, обеспечивают оперативную адаптацию в неопределённости социальных изменений?

Интересной исследовательской задачей, на наш взгляд, представляется сравнительный анализ представителей предпринимательского сообщества и категории людей, никогда не интересовавшихся такой деятельностью, на предмет наличия качеств и свойств, которые обобщённо можно назвать «предпринимательскими способностями». Под «предпринимательскими способностями» мы будем понимать индивидуальные особенности личности, способствующие продуктивной деятельности, в результате которой индивид использует нужное сочетание ресурсов, принимает последовательные решения, создаёт новый продукт и идёт на риск.

В статье анализируются наличие и особенности тех личностных качеств предпринимателей, исследование которых возможно, исходя из данных, полученных в ходе опроса по конкретному инструментарию комплексного мониторингового исследования.

Эмпирическую базу для осуществления заявленной выше задачи составляют данные репрезентативного социологического опроса населения России, проведённого в 2018 году в рамках многолетнего исследовательского проекта мониторингового типа[1].

Из общего массива опрошенных (18234 человека) на основе двух вопросов анкеты[2] *(«Как Вы считаете, на этой работе Вы занимаетесь предпринимательской деятельностью?»* и *«Скажите, пожалуйста, Вы когда-нибудь пытались организовать своё собственное предприятие, начать своё собственное дело?»*) была образована целевая совокупность респондентов (7133 человека), внутри которой под цели анализа формировались 5 категорий респондентов.

В первую группу включены те респонденты, кто никогда не пытался организовать своё дело, но, по их мнению, они на работе занимаются предпринимательской деятельностью; и те, кто предприняли неудачную организаторскую попытку, но по работе занимаются предпринимательской деятельностью. Их численность 2,6% всей совокупности и специфика этой группы состоит в том, что они не создавали собственного дела, но, тем не менее, занимаются предпринимательской деятельностью. Условно назовём их *предпринима-*

[1] Использована база 27-ой «волны» (2018 год) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: (Сайты обследования RLMS-HSE: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms) (дата обращения: 27.05.2021).

[2] Выбор этих вопросов как индикаторов обусловлен исследовательской задачей, которая заключалась в сравнительном анализе представителей предпринимательского сообщества и категории людей, не интересовавшихся такой деятельностью.

телями без опыта создания своего дела.

Респонденты второй группы – никогда не пытались организовать своё дело и не занимаются предпринимательством на своей работе. Группа составляет 6323 человека (88,6% целевой совокупности), их условно можно назвать *избегающими предпринимательства*.

В третью группу включены те, кто предприняли попытку организовать своё дело, но потерпели неудачу, и на своей работе предпринимательством не занимаются (329 человек, что составляет 4,7% совокупности) – *несостоявшиеся предприниматели.*

У респондентов из четвертой группы все сложилось удачно: у них организация своего дела и реализация этого проекта успешны. Их численность – 162 человека (2,3% совокупности), назовём их *успешными создателями своего дела*.

Последнюю группу составили те респонденты (131 человек или 1,8% целевой совокупности), у которых состоялась удачная организация своего дела, от участия в ведении которого они отказались. Назовём их *создателями, отказавшимися от своего дела*.

Цель формирования целевых групп – сравнительный анализ для выявления ряда личностных особенностей, которые определяют «предпринимательскую жилку».

Таким образом, количество респондентов, которые тем или иным способом осуществляют предпринимательскую деятельность, составляет 4,9% от общего объёма целевой совокупности, что совпадает с данными предпринимательского сообщества. Сами предприниматели заявляют о 5%, например, член совета московского отделения бизнес-объединения «Деловая Россия» Евгений Нифантьев подчёркивает, что каждый и не может быть предпринимателем[1].

А по данным предыдущих исследований RLMS-HSE (2012 г.), из всех респондентов, кто когда-нибудь пытался организовать собственное предприятие, но в итоге сумели преодолеть все трудности и осуществить задуманное только 4,7% опрошенных, т.е. около половины тех, кто пытался заняться предпринимательской деятельностью (Козырева, 2015: 48).

Согласно сведениям «Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства» на 10.05.2021 количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей составляло 5 830 343, из них индивидуальных – 3 410 779, а это 4,5% от работоспособного населения Российской Федерации[2].

Методика анализа данных направлена на выявление специфических качеств, которые способствуют реализации предпринимательской инициативы и «удержанию» созданного бизнеса в условиях неопределённости, то есть на выявление адаптационных ресурсов, способствующих поддержанию предпринимательской инициативы. В частности, рассматриваются такие ресурсы как: наличие и степень осуществления жизненных планов как показатель целеполагания; установки респондентов относительно субъектов ответственности за рискованные решения и готовность к риску; стратегия решения проблем; ценностные ориентации; адаптивные способности. Для того чтобы выделить сущностные качества успешного предпринимателя произведём сравнительный анализ в двух вариантах: а) сначала по перечисленным параметрам сравним две группы: тех, кто не является предпринимателями, и успешных создателей собственного дела; затем –

[1] Эксперты заявили о важности реальных примеров поддержки для популяризации малого бизнеса // ТАСС. 03.12.2019. URL: https://tass.ru/msp/7249865 (дата обращения: 06.05.2021).

[2] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба // Статистика. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.05.2021&level=2&fo=&ssrf=&t=1623408186086&t=1623408186086 (дата обращения: 10.05.2021); Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2021 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/38.htm (дата обращения: 21.06.2021).

б) успешных предпринимателей, которые и создали своё дело и продолжают вести его, с теми, кто не создавал, но занимается предпринимательством, с теми, кто имеет предпринимательскую «жилку» и пытался создать своё дело, но либо не вышло, либо вышло, но отказались от дальнейшего ведения бизнеса.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). В сформированных целевых группах доля мужчин преобладает над долей женщин почти в два раза в группах, куда вошли респонденты, попытавшиеся с разным исходом создать своё дело; в группе предпринимателей без опыта создания своего дела эти доли равны, а вот в группе, где респонденты не пытались и не занимаются предпринимательством, доля женщин незначительно выше.

Что же касается возрастного распределения, то, практически во всех группах, преобладают респонденты 35-44 лет, их доля составляет около одной трети. И только среди тех, кто не пытался и не занимается предпринимательством, можно выделить две возрастные категории: 25-34 года и 35-44 лет, обе по 28-29%.

В группах предпринимателей без опыта создания своего дела, избегающих предпринимательства, несостоявшихся предпринимателей –больше всего респондентов с законченным средним и средним специальным образованием, а доля людей с законченным высшим в среднем 36%. Среди успешно организовавших своё дело, ведущих его и отказавшихся от его ведения, высшее образование имеют более 50% респондентов.

Тезис наших коллег о том, что важным фактором для успеха предпринимательской деятельности является образование, подтверждается и нашими изысканиями (Козырева, 2015: 48).

Таблицы 1 и 2 дают представление о наличии и степени осуществления жизненных целей респондентов и практике планирования своей деятельности на различных временных дистанциях. Задача анализа состоит в оценке того, насколько целеполагание и практика планирования жизни характерны для представителей анализируемых групп. От степени достижения жизненно важных целей, от решения текущих задач зависит разнообразие поведенческих стратегий субъекта.

Таблица 1

Наличие и степень осуществления жизненных целей
(доля в % от количества респондентов в каждой группе)

Table 1

Existence and rate of achievement of life goals (% of the number of respondents in each group)

Целевые аналитические группы / Target analytical groups				
Предприниматели без опыта создания своего дела / Entrepreneurs without experience in creating their own business	Не пытались и не занимаются предпринимательством / Have not tried and are not engaged in entrepreneurship	Несостоявшиеся предприниматели (пытались – не получилось) / Failed entrepreneurs (tried – failed)	Создатели собственного успешного дела / Creators of their own successful business	Создатели успешного дела, отказавшиеся от его ведения / Creators of a successful business who refused to conduct it
Осуществились полностью / Completely fulfilled				
5,9	8	5,3	**11,9**	3,1
Какие-то да, другие нет, и нет намерения их добиваться / Some – yes, others – no, and there is no intention to achieve them				
19,9	19,5	18,4	20,6	16,1
Не все получилось, но есть уверенность, что добьются / Not everything worked out, but there is confidence that they will succeed				
56,5	53,1	59,1	59,4	**68,5**

Не всё получилось и нет веры в осуществление / Not everything worked out and there is no faith in the implementation				
14	14,4	13,1	**5**	10,8
Ни одна из намеченных целей не осуществилась, но есть намерение добиваться / None of the set goals were realized, but there is an intention to achieve				
2,7	3,2	2,5	2,5	1,5
Ни одна из намеченных целей не осуществилась и нет намерения их добиваться / None of the set goals were realized and there is no intention to achieve them				
1	1,8	1,6	0,6	0

Большинство респондентов во всех целевых аналитических группах добились осуществления задуманных целей в той или иной мере. Среди тех, у кого жизненные цели осуществились полностью больше всего создателей собственного успешного дела. Более того, среди них меньше всего доля респондентов, у которых нет «веры» в осуществление своих целей. Доля таковых в группе, избегающих предпринимательства, в три раза выше. Среди респондентов, предпринимавших попытки по созданию собственного дела, в большей степени преобладает уверенность, что они добьются своих целей, чем среди не пытавшихся создать своё дело.

Около 90% респондентов во всех группах планируют свою деятельность в течение дня. Фиксируется тенденция на снижение доли респондентов, планирующих деятельность на более длительный период, во всех группах. Но большая доля планирующих фиксируется в группе «создателей собственного успешного дела» в течение всего временного периода. Среди тех, кто не пытался организовать собственное дело, выявлены низкие доли планирующих. У предпринимателей без опыта создания своего дела самые низкие доли планирующих на долгосрочный период.

Таблица 2

Планирование деятельности респондентами
(доля в % от количества респондентов в каждой группе)

Table 2

Planning of activities by respondents (% of the number of respondents in each group)

Целевые аналитические группы / Target analytical groups				
Предприниматели без опыта создания своего дела / Entrepreneurs without experience in creating their own business	Не пытались и не занимаются предпринимательством / Have not tried and are not engaged in entrepreneurship	Несостоявшиеся предприниматели (пытались – не получилось) / Failed entrepreneurs (tried – failed)	Создатели собственного успешного дела / Creators of their own successful business	Создатели успешного дела, отказавшиеся от его ведения / Creators of a successful business who refused to conduct it
на день / for a day				
90,9	88,3	90,6	**93,2**	88,5
на неделю / for a week				
70,1	**68,1**	73,9	**84,5**	73,3
на месяц / for a month				
34,4	**36**	41	**61,9**	47,3
на год / for a year				
15,9	21,5	26,6	**35,4**	33,6

При решении проблем большинство респондентов во всех группах пытаются сделать это самостоятельно. Однако среди избегающих предпринимательской деятельности доля решительных и самостоятельных составляет 69,2%; у не имеющих опыта создания своего дела – 74,3%; у успешных предпринимателей – 83%; у пытавшихся создать своё дело, но потерпевших неудачу – 79%; среди достигших успеха и отказавшихся – 78,6. Иными словами, среди тех, кто имеет предпринимательскую «жилку», доли склонных к самостоятельности и ответственности за свои решения в проблемных ситуациях выше.

Риск присутствует в жизни постоянно, повседневно, и далеко не всегда он бывает добровольным, а зачастую даже вынужденным и навязанным. В табл. 3 сведены данные о поведенческих установках респондентов по «отношению к риску», полученные в результате анализа и обобщения нескольких вопросов. Эти данные характеризуют позицию респондентов относительно субъектов рисковых решений и субъектов ответственности за такие решения.

Таблица 3

Отношение к риску (доля в % от количества респондентов в каждой группе, ответивших «Да»)

Table 3

Attitude to risk (% of the number of respondents in each group, who chose the answer “yes”)

Целевые аналитические группы / Target analytical groups				
Предприниматели без опыта создания своего дела / Entrepreneurs without experience in creating their own business	Не пытались и не занимаются предпринимательством/ Have not tried and are not engaged in entrepreneurship	Несостоявшиеся предприниматели (пытались – не получилось) / Failed entrepreneurs (tried – failed)	Создатели собственного успешного дела / Creators of their own successful business	Создатели успешного дела, отказавшиеся от его ведения / Creators of a successful business who refused to conduct it
Рискуют, чтобы улучшить ситуацию, выиграть / Risk to improve the situation, win				
39,6	37,2	50,2	68,6	54
Риск возникает вследствие собственных решений / Risk arises from your own decisions				
50,3	40,4	47,1	57,3	54,5
В проблемных ситуациях ответственность за возможный риск для других респондент берет на себя / In problem situations, the respondent assumes responsibility for possible risk to others				
56,6	53	65,5	71,9	67,5
Люди сами должны влиять на решения, которые могут нанести вред их здоровью / People themselves must influence decisions that may harm their health				
54	53,9	57,3	70,3	71,8
Индекс готовности к риску* / Risk Readiness Index				
1,5	0,99	1,22	2,27	1,75

* Примечание: индекс конструировался как соотношение высокой и низкой степени готовности (процент высоких оценок делится на процент низких). Если индекс принимает значения меньше единицы, это свидетельствует о неготовности субъекта к риску в целом, или конкретной рисковой ситуации.

Респонденты из групп, предпринимавших попытки организации собственного дела, более склонны рисковать для улучшения ситуации. Среди них большинство – создатели собственного успешного дела (68,6%).

У большинства респондентов, предпринявших удачные попытки организации собственного дела, риски возникают как результат самостоятельно принятых решений. Об этом заявляют 57,3% создателей собственного успешного дела и 54,5% создателей успешного дела, отказавшихся от его ведения. А 59,6% тех, кто не пытался и не занимается предпринимательством, подчёркивают, что риски возникают в основном из-за чужих решений.

Большая ответственность отмечается в группах, предпринявших попытки организации собственного дела, в отличие от групп, где такие попытки не были предприняты. Среди успешных предпринимателей фиксируется высокая осознанность влияния на решения, несущие гипотетический вред здоровью человека и окружающей среды. Самые высокие доли среди позиций респондентов относительно субъектов рисковых решений и субъектов ответственности за такие решения принадлежат тем, кто предпринял удачные попытки организации своего дела.

Анализ самооценок способностей к приспособлению к меняющимся жизненным условиям показывает, что выше оценивают свои способности успешные предприниматели (табл. 4).

Таблица 4

Самооценки способностей адаптации к изменениям в жизни
(доля в % от количества респондентов в каждой группе)**

Table 4

Self-assessment of the ability to adapt to changes in life
(% of the number of respondents in each group)

Целевые аналитические группы / Target analytical groups				
Предприниматели без опыта создания своего дела / Entrepreneurs without experience in creating their own business	Не пытались и не занимаются предпринимательством / Have not tried and are not engaged in entrepreneurship	Несостоявшиеся предприниматели (пытались – не получилось) / Failed entrepreneurs (tried – failed)	Создатели собственного успешного дела / Creators of their own successful business	Создатели успешного дела, отказавшиеся от его ведения / Creators of a successful business who refused to conduct it
Совсем не могут приспособиться / They can't adapt at all				
2,3	1,3	2	0,6	0,8
Плохо приспосабливаются / They do not adapt well				
10,2	9,3	7	2,5	5,5
Средние оценки способности приспосабливаться / Average adaptability estimates				
55,1	50	48,1	38,4	46,5
Хорошо приспосабливаются / They adapt well				
25,6	29,8	35,9	46,5	33,1
Легко приспосабливаются / They are easy to adapt				
6,8	9,6	7	12	14,1

** Примечание: в таблицу были сведены обобщённые данные из распределения респондентов по шкале приспособления к меняющимся жизненным условиям.

Анализ ценностных предпочтений замерялся через вопрос о том, чем респондент готов рискнуть ради важной жизненной цели. На графике (см. рис.) представлены те ценности, по которым наблюдаются существенные статистически значимые различия между анализируемыми группами. Данные показывают, что материальные ценности и статус для людей, имеющих предпринимательскую жилку, обладают меньшей значимостью по сравнению с другими группами. А свобода в поступках и суждениях – большей, хотя и для тех, кто своего дела не создавал, а предпринимательством занимается, свобода тоже представляет значимую ценность.

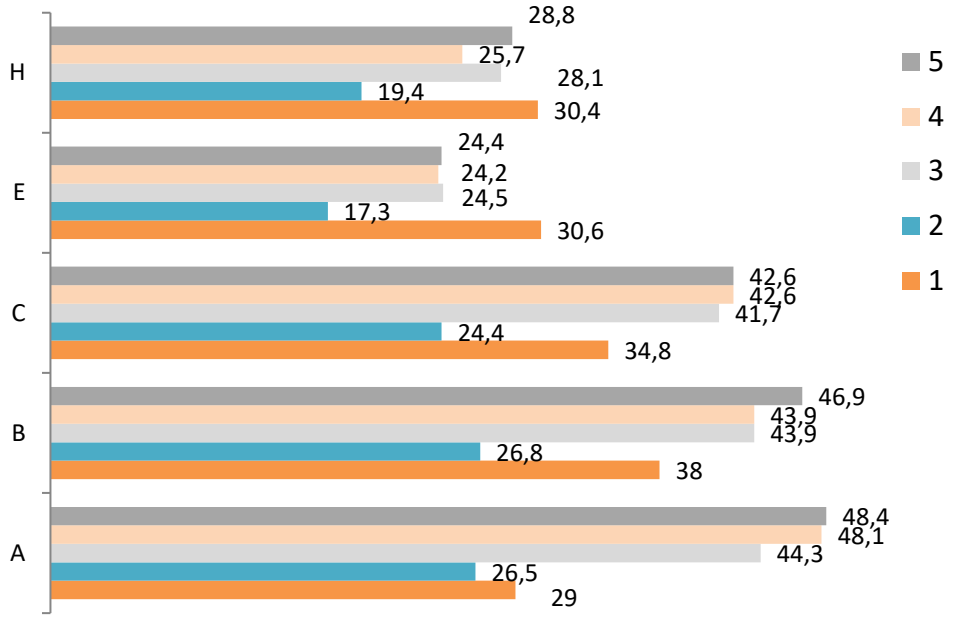

Рис. Риск ради важной цели (доля в % от количества респондентов в каждой группе, ответивших «Да» на данный вопрос)[1]
Fig. Taking risks for an important goal (% of the number of respondents in each group, who chose the answer “yes”)

Заключение (Conclusions). Выводы сформулируем по результатам двух вариантов сравнительного анализа: а) успешные создатели собственного дела и те, кто не является предпринимателями; б) успешные предприниматели, которые и создали своё дело и продолжают вести его; те, кто не создавал, но занимается предпринимательством; и те, кто имеет предпринимательскую «жилку» и пытался создать своё дело, но либо не вышло, либо вышло, но отказались от дальнейшего ведения бизнеса.

Предпринятый анализ данных эмпирического исследования по описанной выше методике и по тем личностным

[1] Пояснения к рисунку, где 1 – Предприниматели без опыта создания своего дела / Entrepreneurs without experience in creating their own business; 2 – Не пытались и не занимаются предпринимательством/ Have not tried and are not engaged in entrepreneurship; 3 – Несостоявшиеся предприниматели (пытались – не получилось) / Failed entrepreneurs (tried – failed); 4 – Создатели собственного успешного дела / Creators of their own successful business; 5 – Создатели успешного дела, отказавшиеся от его ведения / Creators of a successful business who refused to conduct it; A – Деньги, имущество / Money, property; B – Служебное положение, рабочее место / Official position, workplace; C – Интересная работа / Interesting job; E – Независимость в поступках и действиях / Independence in acts and actions; H – Независимость в суждениях и оценках / Independence in judgments and assessments.

особенностям, измерение которых доступно в инструментарии опроса, позволяет выявить критерии, отличающие создателей собственного успешного дела:

–высокая степень осуществления жизненных планов и планирование своей деятельности, как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах;

–наличие развитых способностей к оперативной адаптации к меняющимся жизненным условиям (по самооценкам);

–осознанность влияния на решения, несущие гипотетический вред здоровью человека и окружающей среде;

–высокий уровень ответственности за рискованные решения;

–стремление к самостоятельности и независимости в принятии решений в проблемных ситуациях;

–такие ценности, как свобода в поступках и суждениях, обладают для них большей значимостью, чем статус и материальное благополучие.

Перечисленные выше критерии, или специфические качества, или личностные особенности, отличающие «создателей собственного успешного дела» являются мощным ресурсом адаптации к постоянно меняющейся для предпринимательского сообщества институциональной среде.

Полагаем, планирующим начать своё дело и тем, кто готов им оказывать поддержку, интересно было бы соотнести свои личные способности с обнаруженными в ходе исследования личностными качествами успешных предпринимателей, определяющими деловую «жилку» как успех рискованной деятельности.

Список литературы

Алексашкина С. Р. Мотивация предпринимателя к достижению стратегических целей // Научный аспект. 2020. Т. 2, № 4. С. 256-263.

Ариф Э. М., Кузьминова Т. А. Некоммерческая активность молодых предпринимателей Санкт-Петербурга в крафтовой сфере // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 55-68. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-55-68.

Атанасова А. А. Трансформация ценностей социального предпринимателя в природоохранной деятельности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 1. С. 12-24. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-2.

Байдаков А. Н., Запорожец Д. В., Кенина Д. С. О личностном факторе в предпринимательстве // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2, № 3. С. 86-91.

Башлаева М. С. Формирование ценностных ориентаций студентов управленческих направлений подготовки в процессе профессионального обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-2. С. 49-51.

Бийжанова Э. К. Проблемы и возможности развития частного предпринимательства в малом городе российского приграничья // Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития. Материалы Всероссийской науч.-практич. конференции с межд. участием (Кызыл, 15-18 сентября 2020 г.); отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 61-69.

Божков О. Б. Семейное предпринимательство и развитие сельских территорий // Островские чтения. 2019. № 1. С. 282-288. (а)

Божков О. Б. Семейное предпринимательство на селе: штрихи к портрету // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 4. С. 787-799. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-787-799. (б)

Бочкарев Д. А., Гуськова И. В., Серебровская Н.Е. Современное российское предпринимательство: актуальные характеристики и тренды // Казанский экономический вестник. 2020. № 2(46). С. 13-19.

Гнездилов Г. В., Густова Е. А., Твердовская А. В. Психология риска в профессиональной деятельности современного предпринимателя // Человеческий капитал. 2020. № S4(136). С. 127-136.

Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Горина Т. И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 821-836. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836.

Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 29-37.

Горина Т. И. Вызовы времени: тернистый путь российского малого бизнеса // Со-

циальные и экономические системы. 2020. № 2. С. 123-147.

Григорьева И. А., Парфенова О. А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19(1). С. 7-22. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22.

Елютина М. Э., Ситникова С. В., Семенова Ю. А. Возрастные особенности женской предпринимательской активности (на примере женщин-предпринимателей Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: социология. Политология. 2020. Т. 20, № 4. С. 399-406.

Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 17-32.

Козырева П. М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1(37). С. 43-58.

Левашов В. К., Шушпанова И. С., Анищенко А. В. Государственные меры и резервы поддержки российского предпринимательства в условиях COVID-кризиса // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 92-102. DOI: 10.20339/AM.11-20.092.

Михайлова О. Б., Глазунова В. Е. Личностные особенности индивидуальных предпринимателей с различным стажем экономической деятельности // Человеческий капитал. 2020. № 8(140). С. 219-231. DOI: 10.25629/HC.2020.08.21

Мурзина Ю. С., Поздняков В. П. Ценностные ориентации предпринимателей в сфере семьи и бизнеса // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 212-224.

Образцова О. И., Чепуренко А. Ю. Предпринимательская активность в России и её межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 14, № 2. С. 198-210. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-12.

Окладникова Е. А., Воронцов А. В. Образы будущего села: мнение сельских предпринимателей Нечерноземья // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, № 3. С. 292-314.

Пациорковский В. В. Адаптационные стратегии различных групп населения к негативным социально-экономическим условиям // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. В 2-х частях; ФГБУН ВолНЦ РАН. Вологда, 2020. С. 88-94.

Пешкова В. М. Трудовая миграция и предпринимательство в России: анализ бизнес-платформы «Табарман» // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 1. С. 99-112. DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6272.

Пилясов А. Н., Кибенко В. А. Оленеводы-предприниматели: трудный путь к обретению экономической самостоятельности // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 1(106). С. 20-46. DOI: 10.26110/ARCTIC.2020.106.1.003.

Поздняков В. П., Поздняков П. В. Ценностные и смысложизненные ориентации предпринимателей как факторы их экономического самоопределения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 4(16). С. 161-180.

Помазкова Е. В. Сущность и структура предпринимательской культуры // Вестник донского государственного аграрного университета. 2020. № 3-2(37). С. 28-33.

Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Козинская К. М. Финансовые инструменты развития социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 91-108.

Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 21.04.2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418 (дата обращения: 06.05.2021).

Потенциальные установки на предпринимательскую деятельность: кто хочет стать предпринимателем? / В. А. Иншаков, Н. В. Ивашкина, Л. Ю. Максимова, Л. А. Автайкина // Управленческий учёт. 2021. № 3-2. С. 440-445.

Ротманова Н. В. Образ предпринимателя и его влияние на эффективность предпринимательской деятельности // Научный альманах. 2019. № 5-3(55). С. 139-142.

Соболева И. В. Социальное самочувствие предпринимателей и наёмных работников в малом бизнесе // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57-69. DOI:

10.31857/S013216250004586-7.

Солнцева Г. Н. Предпринимательство: социальные функции, особенности деятельности и психологические детерминанты успешности // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2019. Т. 16, № 4. С. 637-653.

Темницкий А. Л. Формирование индивидуальной субъектности наёмных работников в условиях внеорганизационой занятости // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов [Электронный ресурс]: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса; отв. ред. В. А. Мансуров. М., 2020. С. 4142-4150. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM).

Терехова Т. А., Трофимова Е. Л. Экономическое самоопределение предпринимателя в контексте метасистемного подхода // Известия Иркутского государственного университета. Серия: психология. 2019. Т. 30. С. 68-82.

Халикова С. С. Формирование положительного образа предпринимателя в Российской Федерации // Власть и управление на востоке России. 2021. № 1(94). С. 148-156.

Шапсугова М. Д. Крестьянское (фермерское) хозяйство как форма ведения индивидуальной предпринимательской деятельности в сфере сельского хозяйства // Аграрное и земельное право. 2019. № 5(173). С. 74-77.

Якимец В. Н., Никовская Л. И. Поддержка социального предпринимательства: оценка механизмов и рейтинг регионов России // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 99-109. DOI: 10.31857/S013216250004962-1.

References

Aleksashkina, S. R. (2020), “Entrepreneur motivation to achieve strategic goals”, *Nauchny aspect*, 2 (4), 256-263. *(In Russian)*

Arif, E. M. and Kuz'minova, T. A. (2021), “Non-profit activity of young entrepreneurs of St. Petersburg in the craft sphere”, *The Journal of Social Policy Studies*, 19 (1), 55-68. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-55-68 *(In Russian)*

Atanasova, A. A. (2019), “Value transformation of the social entrepreneur in environmental activity”, *Research Result. Sociology and management*, 5 (1), 12-24, DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-2 *(In Russian)*

Baydakov, A. N., Zaporozhets, D. V. and Kenina, D. S. (2019), “On the personality factor in entrepreneurship”, *Economics and Management: problems, solutions*, 2 (3), 86-91. *(In Russian)*

Bashlaeva, M. S. (2019), “Formation of value orientation of students of management training directions in the process of vocational training”, *Problems of Modern Education*, (65-2), 49-51. *(In Russian)*

Biyzhanova, E. K. (2020), “Problems and opportunities for developing private entrepreneurship in a small town on the Russian border”, in Golenkova, Z.T. (ed), *Human potential of the Central Asian region: development prospects*, FNISTC RAS, Moscow, Russia, 61-69. *(In Russian)*

Bozhkov, O. B. (2019), “Family entrepreneurship and rural development”, *Ostrovsky readings*, (1), 282-288. *(In Russian)*

Bozhkov, O. B. (2019), “Family entrepreneurship in the countryside: Some details of the portrait”, *RUDN Journal of Sociology*, 19 (4), 787-799. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-787-799 *(In Russian)*

Bochkarev, D. A., Gus’kova, I. V. and Serebrovskaya, N. E. (2020), “Modern Russian entrepreneurship: current characteristics and trends”, *Kazan Economic Vestnik*, (2), 13-19. *(In Russian)*

Gnezdilov, G. V., Gustova, E. A. and Tverdovskaya, A. V. (2020), “Psychology of risk in the professional activity of the modern entrepreneur”, *Human capital*, (S4), 127-136. *(In Russian)*

Golenkova, Z. T., Goliusova, Yu. V. and Gorina, T. I. (2020), “Contemporary Society: The Urgent Issues and Prospects for Development”, *RUDN Journal of Sociology*, 20 (4), 821-836. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-821-836. *(In Russian)*

Golenkova, Z. T. and Ighitkhanian, E. D. (2006), “Russian entrepreneurs: some aspects of current existence”, *Sociological Research*, (11), 29-37. *(In Russian)*

Gorina, T. I. (2020), “Challenges of time: thorny path of Russian small business”, *Social and economic systems*, 2020, (2), 123-147. *(In Russian)*

Grigoryeva, I. A. and Parfenova, O. A. (2021), “Socially-oriented NPOS and social enterprises as drivers of denationalization in social services: barriers and opportunities”, *The Journal of Social Policy Studies*, (19), 7-22. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22 *(In Russian)*

Elutina, M. E., Sitnikova, S. V. and Semenova, Ju. A. (2020), “The age-specific features of women’s entrepreneurial activity (on the example of women entrepreneurs in Saratov region)”, *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 20 (4), 399-406. *(In Russian)*

Zaslavskaya, T. I. (1995), “The business

layer of Russian society: essence, structure, status" *Social Sciences and contemporary world*, (1), 17-32. *(In Russian)*

Kozyreva, P. M. (2015), "Small business in Russia: everyday issues and development constraints", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, (1), 43-58. *(In Russian)*

Levashov, V. K., Shushpanova, I. S. and Anishchenko, A. V. (2020), "State measures and reserves to support Russian entrepreneurship in the context of COVID-crisis", *Alma mater*, (11), 92-102. DOI: 10.20339/AM.11-20.092 *(In Russian)*

Mikhailova, O. V. and Glazunova, V. E. (2020), "Personal features of individual entrepreneurs with various experience of economic activity", *Human capital*, (8), 219-231. *(In Russian)*

Murzina, Yu. S. and Pozdnyakov, V. P. (2019), "Values of entrepreneurs in the field of family and business", *Knowledge. Understanding. Skill*, (4), 212-224. *(In Russian)*

Obraztsova, O. I. and Chepurenko, A. Yu. (2020), "Entrepreneurial activity in Russia and its cross-regional differences", *The Journal of the New Economic Association*, 14 (2), 198-210. *(In Russian)*

Okladnikova, E. A. and Voronzov, A. V. (2020), "Images of the future village: the opinion of rural farmers of the Non-Black Earth Region", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, 13 (3), 292-314. *(In Russian)*

Patsiorkovsky, V. V. (2020), "Adaptation strategies of various population groups to negative socio-economic conditions", in *Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: materials of the V int. scientific-practical internet conference*, Vologda, Russia, 88-94. *(In Russian)*

Peshkova, V. M. (2019), "Labor migration and business activity in Russia: analysis of the Tabarman business platform", *Sotsiologicheskaja Nauka i Sotsial'naja Praktika*, 7 (1), 99-112. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6272 *(In Russian)*

Pilyasov, A. N. and Kibenko, V. A. (2020), "Reindeer breeders-entrepreneurs: a difficult path to economic independence", *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug*, (1), 20-46. DOI: 10.26110 / ARCTIC.2020.106.1.003 *(In Russian)*

Pozdnyakov, V. P. and Pozdnyakov, P. V. (2019), "Value and meaning-life orientations of entrepreneurs as factors of their economic self-determination", *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 4 (4), 161-180. *(In Russian)*

Pomazkova, E. V. (2020), "Essence and structure of entrepreneurial culture", *Bulletin of Don State Agrarian University*, (3-2), 28-33. *(In Russian)*

Popov, E. V., Veretennikova, A. Yu. and Kozinskaya, K. M. (2019), "Financial tools to develop social entrepreneurship", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12 (5), 91-108. *(In Russian)*

President's Message to the Federal Assembly (2021), [Online], available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418 (Accessed 06 May 2021). *(In Russian)*

Inshakov, V. A., Ivashkina, N. V., Maksimova, L. Y. and Avtaikina, L. A. (2021), "Potential attitudes towards entrepreneurial activity: who wants to become an entrepreneur?", *Upravlencheskij uchet*, (3-2), 440-445. *(In Russian)*

Rotmanova, N. V. (2019), "The image of the entrepreneur and its impact on the effectiveness of business activities", *Science Almanac*, (5-3), 139-142. *(In Russian)*

Soboleva, I. V. (2019), "Social well-being of entrepreneurs and employees in small business", *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (4), 57-69. DOI: 10.31857/S013216250004586-7 *(In Russian)*

Solntseva, G. N. (2019), "Entrepreneurship: social functions, business features and psychological determinants of success", *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16 (4), 637-653. *(In Russian)*

Temnickiy, A. L. (2020), "Formation of individual subjectivity of employees in conditions of non-organizational employment", in Mansurov, V. A. (ed.), *Sociology and society: Traditions and innovations in the social development of regions. Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress* [Electronic], Moscow, Russia, 4142-4150. (CD-ROM). *(In Russian)*

Terekhova, T. A. and Trofimova, E. L. (2019), "Economic identity of an entrepreneur in keeping with a meta-system approach", *"Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta". Seriya "Psikhologiya" / "The bulletin of Irkutsk State University". Series "Psychology"*, 30, 68-82. *(In Russian)*

Khalikova, S. S. (2021), "Creating a positive image of the entrepreneur in the Russian Federation", *Scientific journal "Power and Administration in the East of Russia"*, (1), 148-156. *(In Russian)*

Shapsugova, M. D. (2019), "Peasant (Farm)

economy as a form of individual business activity in the agriculture", *Law and State: The Theory and Practice*, (5), 74-77. *(In Russian)*

Yakimets, V. N. and Nikovskaya, L. I. (2019), "Support of Social Entrepreneurship: Evaluation of Mechanisms and Rating of Russian Regions", *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (5), 99-109. DOI: 10.31857/S013216250004962-1 *(In Russian)*

Статья поступила в редакцию 02 июля 2021 г. Поступила после доработки 28 ноября 2021 г. Принята к печати 07 декабря 2021 г.

Received 02 July 2021. Revised 28 November 2021. Accepted 07 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Зорина Анна Евгеньевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора проблем риска и катастроф Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Anna Ev. Zorina, Candidate of Sociology, Research Associate, Sector of Risk Problems and Accidents, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

(cc) BY

Исследовательская статья

УДК 316.422

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-8

Лебедева Е. В.

Городские сообщества как субъекты местного самоуправления: социологический анализ

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, д. 4, Минск, 220030, Республика Беларусь
Elena_lebedeva_bsu@tut.by

Аннотация. Горожане как конечные «потребители» городской среды обладают значительным потенциалом для эффективного контроля её качества. По этой причине развитие и укрепление городских сообществ является разумной альтернативой разрастанию государственного муниципального аппарата и реальной возможностью для горожан реализовать своё право на местное самоуправление. Однако именно городские сообщества часто демонстрируют наименьшую активность в решении вопросов, связанных с качеством городской среды, что ведёт к искажению всей стратегии развития города. Наиболее действенным механизмом активизации локальных сообществ, их интеграции в жизнь города, является вовлечение горожан в практики по «созданию мест» (благоустройству городской среды), что позволяет горожанам осознавать общие цели и задачи, формулировать взаимовыгодные решения, снижает вероятность конфликтов и разногласий. Результаты исследования (телефонный опрос, проведённый в г. Минске (Республика Беларусь), показали, что около трети жителей постсоветских городов по-прежнему находятся вне зоны активности, фактически исключаясь из числа субъектов, участвующих в создании городской среды. Наиболее значимыми мотивами, побуждающими горожан участвовать в общественной жизни, являются мотивы эффективности (возможность видеть конкретные результаты своей активности) и мотивы спроса (ощущение значимости собственных действий, их необходимости для общего блага). При этом, среди всей совокупности факторов, влияющих на участие горожан в благоустройстве (особенности коммуникации с соседями; тип жилой застройки и форма обслуживающей организации; социально-демографические характеристики горожан), наиболее значимое влияние оказывают именно коммуникативные. Преодоление коммуникативных барьеров между соседями, улучшение их взаимодействия, способно значительно повысить уровень активности горожан. Обобщив анализ факторов, оказывающих влияние на готовность городского населения к местному самоуправлению, можно выделить три различные группы горожан: сторонники патерналистского подхода (полное доверие к государству), сторонники рыночного подхода (готовность к юридически оформленному участию в местном самоуправлении) и сторонники общинного подхода

(равное недоверие и к рынку, и к государству, готовность во всем полагаться на собственные силы и свои социальные связи).

Ключевые слова: городская среда; городское участие; благоустройство; местное самоуправление; соседские сообщества; коммуникация

Информация для цитирования: Лебедева Е. В. Городские сообщества как субъекты местного самоуправления: социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 123-139. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-8.

Research article

Elena V. Lebedeva

Urban communities as local government subjects: a sociological analysis

Belarusian State University
4 Nezavisimosty Ave., Minsk, 220030, Belarus
Elena_lebedeva_bsu@tut.by

Abstract. Citizens as finite “consumers” of the urban environment have significant potential for effective control of its quality. For this reason, the development and strengthening of urban communities is a reasonable alternative to the growth of the state municipal apparatus and a real opportunity for citizens to exercise their right to local self-government. However, it is urban communities that often show the least activity in addressing issues related to the quality of the urban environment, which leads to a distortion of the entire city development strategy. The most effective mechanism for activating local communities, their integration into the life of the city is the involvement of citizens in the practice of "creating places" (improvement of the urban environment), which allows citizens to realize common goals and objectives, formulate mutually beneficial solutions, reduces the likelihood of conflicts and disagreements. The results of the study (a telephone survey conducted in Minsk (Republic of Belarus) showed that about a third of the residents of post-Soviet cities are still outside the zone of activity, in fact, they are excluded from the number of subjects participating in the creation of the urban environment. The most significant motives that motivate citizens to participate in public life are efficiency motives (the opportunity to see concrete results of their activity) and demand motives (feeling the significance of their own actions, their necessity for the common good). At the same time, among the entire set of factors influencing the participation of city dwellers in the improvement (features of communication with neighbors; type of housing development and form of service organization; socio-demographic characteristics of city dwellers), the most significant influence is exerted by communicative ones. Overcoming communication barriers between neighbors, improving their interaction can significantly increase the level of activity of citizens. Summarizing the analysis of the factors influencing the readiness of the urban population for local self-government, we can distinguish three different groups of citizens: patternists (full trust in the state), supporters of the market approach (willingness to legally formalized participation in local self-government) and community supporters (equal distrust of both the market and the state, willingness to rely on one's own strengths and social ties in everything).

Keywords: urban environment; urban participation; improvement; local government; neighborhood communities; communication
Information for citation: Lebedeva, E. V. (2021), "Urban communities as local government subjects: a sociological analysis", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 123-139. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-8.

Введение (Introduction). В последнее время тенденции по привлечению местного населения к активному участию в благоустройстве и развитии городских территорий прослеживаются не только в западных городах, но и постсоветских. Будучи конечными потребителями услуг в границах локальной территории, «рядовые» горожане являются лучшими (по сравнению с районной администрацией) «инспекторами» и «контролерами» качества и эффективности решения местных вопросов (Ларичев, 2019). В этом смысле развитие и укрепление городских сообществ будет способствовать не только повышению качества городской среды с меньшими временными и ресурсными затратами, но и может стать альтернативой разрастанию аппарата муниципальной бюрократии, обеспечить реальную возможность реализации права граждан на местное самоуправление непосредственно на территориях их проживания. Однако, на практике часто складывается ситуация, когда городские сообщества наименее активны в реализации собственных притязаний на качественную городскую среду, что, в конечном итоге, ведет к искажению принципов и целей долговременного развития всего города (Богданова, Смирнов, 2018). Фактически, горожане «становятся буфером между интересами государства и бизнеса, не имея достаточных сил для того, чтобы повлиять ни на то, ни на другое» (Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка, 2020: 57). Такое положение дел обусловлено целым рядом факторов (экономических, политических, культурных), которые в совокупности привели к достаточно низкому уровню самоорганизации и структурированности локальных сообществ, их неспособности артикулировать собственные интересы (Алексеевский, 2017). Вместе с тем, «муниципальная власть, выступая от имени города, должна понимать, что выступает не от имени зданий, улиц, дворов, автодорог и прочего, а от имени общности жителей (горожан), обладающих всей полнотой власти в городе» (Ларичев, 2019: 103).

Институт местного самоуправления имеет достаточно давнюю историю и представляет собой наиболее действенный инструмент для интеграции локальных сообществ в городскую среду (Антипьев, Лазукова, Разинский, 2017). При этом классическим механизмом активизации локальных сообществ является их участие в различных практиках «создания мест» (Грибер, Литвинова, 2015). Совместная деятельность по «созданию мест» (благоустройству городской среды) позволяет горожанам осознавать общие цели и задачи, формулировать взаимовыгодные решения, снижает вероятность конфликтов и разногласий (Кольба, Кольба, 2019). Участвуя доступными способами в преобразовании городской среды, горожане ощущают собственную значимость, причастность к городской жизни, формируют ответственное отношение к городу (учатся не ждать инициативы «сверху», а действовать «здесь и сейчас») (Лайдон, Гарсия, 2019: 11). При таком подходе публичные места «вырастают» из уже существующего обжитого пространства, не разрушая его, а, напротив, ориентируясь на потребности живущих по соседству людей, превращаясь в инструмент формирования сильного местного сообщества, обретая выраженный социальный и культурный смыслы (Лебедева 2017: 87). В ходе совместного решения возникающих прикладных задач происходит структурирование соседских

сообществ, осуществляется поиск ресурсов и сторонников, выявляются местные лидеры. При этом возникшие групповые структуры и отношения часто достаточно стабильны и сохраняются после завершения коллективной деятельности по благоустройству, позволяя поддерживать высокое качество городской среды (Ледяев, 2012).

Однако в Беларуси практика активного участия горожан в благоустройстве и преобразовании городских территорий всё ещё сталкивается с большим количеством трудностей и барьеров, как организационного, так и социокультурного характера. Проведённые ранее исследования обнаружили ряд проблем, связанных с местным самоуправлением, в том числе и коммуникативных (Лебедева, 2021). Для того, чтобы повысить уровень гражданской вовлечённости, необходимо иметь представление о перечне приоритетных, с точки зрения горожан, направлений благоустройства городских территорий, наиболее удобных формах участия в благоустройстве, приемлемых путях его финансирования, а также понимать факторы, которые оказывают наиболее сильное влияние на активность локальных сообществ в целом. Исходя из этого ключевым исследовательским вопросом данной статьи стал следующий – какое влияние оказывает участие горожан в благоустройстве городской среды на развитие их потенциала как субъектов самоуправления? Способно ли в условиях постсоветского города регулярное участие горожан в практиках благоустройства «вырасти» в полноценный механизм местного самоуправления, защищающий право горожан на «свой» город? Для ответа на данный вопрос в статье были поставлены следующие задачи: определить степень активности горожан в отношении личного участия в благоустройстве городских территорий, описать причины, затрудняющие такое участие; выявить наиболее приемлемые формы участия в благоустройстве городских территорий, а также желаемые способы его финансирования, а также выделить факторы, оказывающие влияние на общий уровень гражданской вовлечённости горожан.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Анализ активности соседских сообществ осуществлялся в русле неомарксистской интерпретации критической теории (Lefebvre, Kofman, Lebas, 2010), (Harvey, 2003), (Харви, 2019). Ключевой идеей, вокруг которой выстраивался дизайн исследования, стала концепция «право на город», впервые озвученная Анри Лефевром (Lefebvre, Kofman, Lebas, 2010), и за достаточно короткий период привлёкшая внимание множества городских исследователей. С точки зрения неомарксизма городское публичное пространство (в данном случае жилой двор) рассматривается как площадка для репрезентации борьбы, конфликтов, или же острых социальных противоречий. Важной категорией исследования стало также понятие «дворовое сообщество», которое рассматривалось преимущественно в духе экологической традиции, как некий социальный субъект, обладающий относительно высокой степенью социального единства (Добрякова, 1999), (Ледяев, 2012) и имеющий определённый «ареал обитания» (от состояния которого в значительной степени зависит качество жизни членов сообщества). В этом смысле «сообщество – это «группа домохозяйств, расположенных в одном месте и связанных друг с другом функциональной взаимозависимостью, более тесной, чем аналогичная взаимозависимость с другими группами людей в рамках социального поля, к которому принадлежит сообщество» (Elias, 1974: ix). При определении объекта исследования принимались во внимание две характеристики дворовых сообществ – *локальность* (принадлежность к определённой территории), а также *социальная плотность* (интенсивность взаимосвязей внутри сообщества выше, чем между отдельными членами сообщества и внешней средой). Близким термином здесь является термин «соседство»

(neighborhood) – сообщество, которое возникает в результате естественного разделения города на сегменты (жилые дворы) (Чернышева, 2020). Эмпирической основой исследования выступили результаты исследования об отношении горожан к существующим возможностям местного самоуправления, проведённого в сентябре-октябре 2021 года в г. Минске (Республика Беларусь) методом автоматизированного телефонного интервью (CATI). Всего было опрошено 415 минчан в возрасте от 15 лет и старше. Номера для звонков выбирались из общей базы мобильных номеров по Минску методом случайных чисел. Выборка контролировалась по полу, возрасту и уровню образования. Расчётная величина ошибки выборки не превысила 4,8%. Чуть менее половины опрошенных (46,9%) на момент опроса проживали в домах 1971-1999 годов постройки. Около 19% респондентов – в домах старше 1970 года постройки и примерно столько же в домах, построенных ранее 2000 года. Всего 13,9% участников исследования жили в новостройках (от 2011 года и позже). В подавляющем большинстве случаев (85%) организацией, обслуживающей дом, был ЖЭС, только 15% респондентов отметили свою принадлежность к товариществу собственников.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Под благоустройством, как правило, понимается созданию наиболее благоприятной жизненной среды с обеспечением комфортных условий для населения. При этом благоустройство жилого двора − это одна из наиболее актуальных проблем современного градостроительства. При должном выполнении всего комплекса мероприятий по благоустройству жилых дворов, возможно значительно улучшить экологическое состояние и внешний облик городов, создать более комфортные микроклиматические, санитарно-гигиенические и эстетические условия жизни (Федотов, 2013). Жилище человека не может в полной мере считаться комфортным, если окружение не благоустроено. Существует зависимость между расходами на благоустройство и уровнем социальной стабильности общества – их уменьшение крайне негативно влияет на социально самочувствие горожан, их оценку собственного благополучия, а также общую оценку проводимой государством политики (Иванова, 2016). Ключевая сложность благоустройства двора заключается в том, что оно часто должно обеспечить несовместимые интересы пользователей жилой территории. Особенно остро проявляет себя конфликт между человеком и автомобилем. Это подтверждает и анализ ответов участников интервью – наиболее актуальной проблемой благоустройства минчане считают сложности, связанные с нахождением на придомовых территориях личных автомобилей – нехватка парковочных мест, затруднённый проезд через жилой двор, а также потенциальные опасности, которые при этом возникают – 70,5%. На втором месте со значительным отрывом находятся плохие детские площадки (однообразное, устаревшее игровое оборудование, его нехватка, неудачное расположение детских площадок) – 39,2%. Замыкает тройку актуальных проблем благоустройства нехватка мест для выгула собак (и, как следствие, нарушение жильцами правил выгула собак) – 23,5%. Ещё около 15-17% горожан пожаловались на нехватку велодорожек и велопарковок, нехватку лавочек и зон для отдыха во дворах, а также плохое состояние зелёных зон. Половина всех опрошенных, при возникновении каких-либо проблем благоустройства, обращается в ЖЭС (52,8%), чуть больше трети (35,7%) – оставляют заявку на едином портале коммунальных услуг (115.бел). Примечательно, что 11,5% респондентов предпочитают никуда не обращаться и решать возникающие проблемы самостоятельно.

Как было отмечено выше, наиболее эффективно контролировать решение проблем, связанных с качеством городской среды, могут её непосредственные «пользователи» – горожане, проживающие на

той, или иной территории. Однако для того, чтобы такой механизм контроля заработал, необходимо соблюдение важного условия – жители должны быть вовлечены в поддержание внешнего вида собственного двора, они должны ощущать свою ответственность за его состояние (а не «перешагивать» через существующие проблемы, торопясь поскорее скрыться в собственной квартире). По этой причине одной из центральных задач исследования стало изучение уровня активности горожан в вопросах благоустройства и преобразования городской территории.

Участие горожан в благоустройстве: мотивы и препятствия. Участие минчан в благоустройстве нельзя назвать массовой практикой – всего 11,3% опрошенных занимаются этим регулярно. Ещё 35,8% горожан отметили свой эпизодический опыт поддержания достойного внешнего вида дворовых территорий (1-2 раз в год). Наиболее популярная форма активности минчан – это традиционные «субботники» (уборка территории, посадка цветов, деревьев) – 45,8%. Креативные (преобразующие) практики встречаются достаточно редко – всего 8,3% когда-либо занимались установкой новых элементов дворовой инфраструктуры (либо ремонтом существующих), только 2,2% опрошенных организовывали дворовые праздники. Потенциально заинтересованы участвовать в благоустройстве городской среды около четверти минчан (28,4%). Но примерно такое же количество (28,1%) при прочих неизменных условиях не планируют тратить время и силы на благоустройство собственного двора (см. рисунок 1). Можно предположить, что при отсутствии каких-либо внешних усилий в этой сфере чуть менее трети минчан по-прежнему будут оставаться вне зоны активности, фактически исключаясь из числа субъектов, участвующих в создании городской среды.

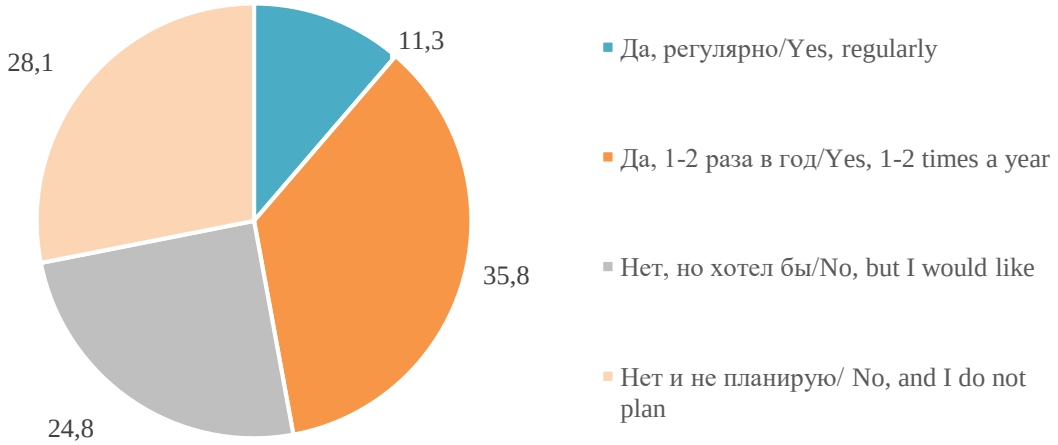

Рис. 1. Участие горожан благоустройстве своего двора
Fig. 1. Participation of citizens in the improvement of their courtyard

Опасность подобной ситуации заключается в том, что при нарушении баланса активности в триаде «Государство» – «Бизнес» – «Локальные сообщества», город начинает трансформироваться под влиянием сильнейших (чаще всего государства и бизнеса), тогда как горожане оказываются не в состоянии защитить собственные интересы и оттесняются на периферийные территории (квартира, дача и пр.). Отчасти это уже происходит. Отвечая на вопрос *«Почему Вы не участвуете в благоустройстве?»* часть опрошенных отмечали наличие у них загородного участка (дачи), на котором они и реализуют собственный креативный потенциал.

Однако положительным моментом является тот факт, что из 28,1% горожан,

которые в ближайшее время не планируют участвовать в благоустройстве, только 12,0% категорически исключают такую возможность (не станут участвовать ни при каких обстоятельствах). Следовательно, данная ситуация может измениться.

Для того, чтобы ослабить существующие негативные тенденции, необходимо понимать причины пассивной позиции горожан, видеть барьеры, затрудняющие их участие в жизни города. Какие обстоятельства способны повлиять на горожан, мотивировать их принимать активное участие в жизни города, реализовать существующие возможности самоуправления?

Проводимые ранее в этой сфере исследования (Кобаса, 2020: 10-12) позволили выделить шесть универсальных мотивов, побуждающих горожан принимать участие в общественной жизни:

1. Чувство долга *(«Я обязан»)* – гражданская вовлечённость в данном случае тесно связана с коллективизмом, внешними нормами и социальным контролем *(«все участвуют, и мне нужно», «что подумают другие», «нельзя не участвовать» и пр.*) и воспринимается индивидом скорее не как «право на город», но как обязанность.

2. Внутренняя потребность *(«Мне надо»)* – в отличие от первого мотива на передний план выходит личное желание быть активным, участвовать в жизни своего города, ощущать себя его частью (*«хочу внести свой вклад», «не хочу быть в стороне», «хочу что-то сделать»*).

3. Способность *(«Я могу»)* – активная роль индивида связана с его уверенностью в собственных ресурсах *(«мой вклад в общее дело может что-то изменить»*), а также в способности быть услышанным коллективом *(«мои идеи будут поддержаны другими людьми»*).

4. Спрос *(«Я нужен»)* – определяющим является эффект значимости и приглашения к действию *(«я нужен своему городу», «кто, если не я», «моему участию будут рады»).*

5. Эффективность *(«Это работает»)* – такой мотив формируется в результате предыдущего положительного опыта участия в общественной жизни *(«мы смогли решить существующие проблемы», «мы справились с этой задачей»).*

6. Значимость *(«Это что-то даёт»)* – мотивация данного типа позволяет индивиду видеть результат, обусловленный затраченными ресурсами (в качестве результата может выступать не только конкретное решение проблемы, связанной с благоустройством, но и «побочные» результаты активности – приятное времяпрепровождение с соседями, удовлетворение от исполнения роли неформального лидера локального сообщества, чувство единения и взаимопомощи, чувство принадлежности к чему-то значимому, масштабным переменам). При доминировании мотива значимости происходит гражданская самоидентификация человека *(«Я делаю это, потому что это часть моего стиля жизни»).*

Указанные выше группы мотивов могут влиять на поведение индивидов комплексно (например, мотивы спроса и эффективности, мотивы способности и внутренней потребности). Опрос, поведённый среди минчан показал преобладание следующих мотивов (условий участия в благоустройстве):

- Мотивы эффективности (39,0%) – горожане готовы вовлекаться в общественную жизнь, если будут видеть конкретные результаты своей активности *(«это поможет сделать двор лучше»);*

- Мотивы спроса (35,0%), когда важно наличие хорошо организованного «приглашения к действию» (когда индивид чувствует значимость собственных действий, их необходимость для общего блага).

В то же время, мотивы способности *(«я свободен в своих действиях»)* и значимости (важность быть частью сообщества) влияют значительно меньше (10% и 4% соответственно) (см. рисунок 2).

Иными словами, *общественная активность горожан в большей степени определяется внешними стимулами* – наличие актуальных проблем, которые могут быть решены общими усилиями, а также должного уровня организации таких усилий.

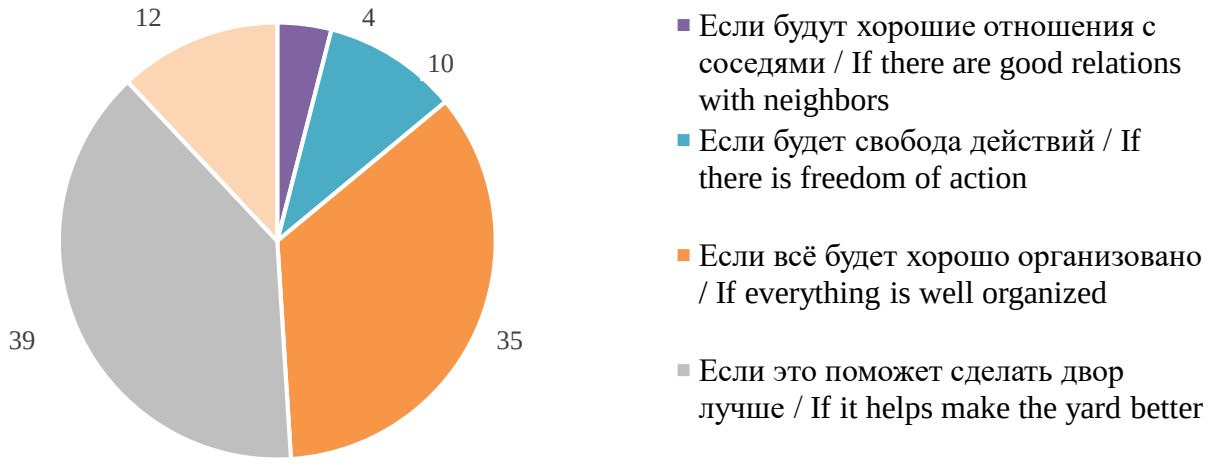

Рис. 2. Условия участие горожан благоустройстве своего двора
Fig. 2. Conditions for the participation of citizens in the improvement of their courtyard

Что касается причин отказа от участия в благоустройстве, то наиболее частой из них является отсутствие свободного времени (43,6%), что можно понять, учитывая городской ритм жизни. Однако на втором месте среди причин низкой активности горожан находится *фактор, на который можно повлиять*. Около четверти всех опрошенных (25,9%) не участвуют в благоустройстве собственного двора, поскольку не знакомы с соседями, не знают с чего начать, к кому обратиться и пр. (по словам одного из участников интервью – *«никто не звал»*). Напомним, что 35,0% горожан готовы проявлять активность при условии наличия хорошей организации. Следовательно, преодоление коммуникативных барьеров между соседями, улучшение их взаимодействия способно повысить уровень активности горожан не менее, чем на 30%.

Местное самоуправление. Общественная активность горожан, их непосредственный вклад в преобразование городской среды тесно связаны с таким феноменом, как местное самоуправление. Для того, чтобы изучить готовность горожан включаться в местное самоуправление, участникам интервью задавался вопрос о наиболее удобной форме участия в благоустройстве собственного двора. Местное самоуправление представляет собой организационно-правовые основы жизнедеятельности городского сообщества, кроме того муниципальное управление является специфической формой выражения интересов различных локальных сообществ на определенном уровне городского, местного управления. Результаты опроса продемонстрировали достаточно интересный факт. 50% всех участников исследования отметили, что наиболее удобной формой участия в благоустройстве для них является неформальная активность – то есть заниматься благоустройством самостоятельно (в одиночку, либо вместе с соседями), без кооперации с кем-либо (будь то коммунальные службы, либо другие официальные структуры). Участвовать в благоустройстве двора при содействии местного ЖЭСа готовы значительно меньше горожан – 33,0%. Создавать органы местного самоуправления и через них заниматься преобразованием го-

родской среды выразили желание ещё меньшее число опрошенных – только 17%. Однако в данном случае низкий процент может быть обусловлен *недостаточной осведомлённостью о существующих возможностях территориального самоуправления*. Такие данные позволяют предположить, что возможные перспективы местного самоуправления в постсоветском городе (на примере Минска) заключаются в самоорганизации низовых структур, образованных на основе соседских сообществ *(так называемый grassroots activism)*. Отчасти данный вывод коррелирует с наиболее удобной, по мнению минчан, формой финансирования благоустройства дворовой территории. Платить коммунальные отчисления государству для поддержания благоустройства двора готовы меньше половины опрошенных (47,0%), тогда как оставшиеся 53% хотели бы иметь возможность самостоятельно управлять предназначенными для благоустройства финансами – либо «вскладчину» с соседями (в том числе через товарищество собственников) – 34,0%, либо обращаясь в частные обслуживающие компании (19,0%).

Вероятно, речь в данном случае идёт о появлении так называемых «городских совместностей» (Parker, Johansson, 2012) – то есть ситуации, когда горожане стремятся взять управление близлежащими территориями под свой фактический контроль *(«за пределами государства и бизнеса»)* – самостоятельно убирать дворовые территории, заниматься их озеленением, совместными усилиями устанавливать на детских площадках новое игровое оборудование, восстанавливать зоны отдыха и пр. Среди доступных на данный момент механизмов самоорганизации горожан наиболее близко к данной схеме товарищество собственников жилья, как структура, которая позволяет наиболее целесообразно распоряжаться средствами, предназначенными для благоустройства.

При этом, первоочередными задачами, на которые горожане готовы тратить собственные деньги являются:

- организация парковочных мест (49,3%);
- озеленение (47,6%);
- установка нового игрового оборудования на детских площадках (45,0%).

Около трети респондентов готовы финансировать установку контейнеров для раздельного сбора мусора (31,7%), примерно такое же количество опрошенных (31,5%) хотели бы, чтобы их средства тратились на организацию зон отдыха во дворе. 29,6% участников интервью в качестве первоочередных расходов отметили обустройство специализированных мест для выгула собак. Примечательно, что более четверти минчан (27,2%) выразили готовность направлять собственные финансовые ресурсы для организации районных и дворовых праздников (что говорит о растущем запросе на взаимодействие с соседями, формировании внутренней потребности создавать локальные сообщества и активно участвовать в их жизни). Полностью отказались бы от финансового участия в благоустройстве дворовой территории только 8,7% респондентов. Объединив данный показатель с тем, что 12,0% горожан ни при каких обстоятельствах не станут участвовать в благоустройстве дворовых территорий, можно предположить, что *в текущей ситуации лишь около 10% минчан сознательно отказываются от активной роли в развитии городской среды, в то время как большинство жителей города при определённых условиях готовы выступать в качестве субъекта преобразования*.

Какие факторы влияют на активность горожан? Кто в ближайшем будущем может выступить в качестве наиболее активной преобразующей силы? Ответы на эти вопросы также были получены в ходе исследования. Вся совокупность факторов, влияющих на активность локальных сообществ была условно разбита на три группы:

1) особенности коммуникации с соседями;

2) тип жилой застройки и форма обслуживающей организации;

3) социально-демографические характеристики горожан.

Коммуникация с соседями как фактор участия в благоустройстве городской среды. Ранее отмечалось, что одной из причин отказа от участия в благоустройстве является отсутствие знакомства с соседями, низкая интенсивность контактов с ними, отсутствие коллективной инициативы. В связи с этим особенности взаимоотношения с соседями могут выступать одним из наиболее сильных факторов, влияющих на активность локальных сообществ. По данным опроса 71,2% горожан охарактеризовали отношения со своими соседями как хорошие (при этом 14,2% опрошенных отметили, что последний год отношения с соседями стали лучше). Для сравнения, только 29,6% опрошенных охарактеризовали свои отношения с представителями ЖЭС или ТС как хорошие. Хорошими свои отношения с районной администрацией считают всего 15,4%. Положительная динамика в отношениях горожан с формальными структурами также минимальная – всего 6,7% горожан считают, что их отношения с представителями коммунальных служб за последний годи стали лучше и 2,4% улучшили свои отношения с районной администрацией. Общий анализ взаимодействия минчан с соседями, представителями коммунальных служб и районной администрацией говорит о том, что горизонтальные связи (с соседями) на данный момент значительно сильнее (и продолжают укрепляться), чем связи вертикальные (с коммунальными службами, районной администрацией) (см. рисунок 3).

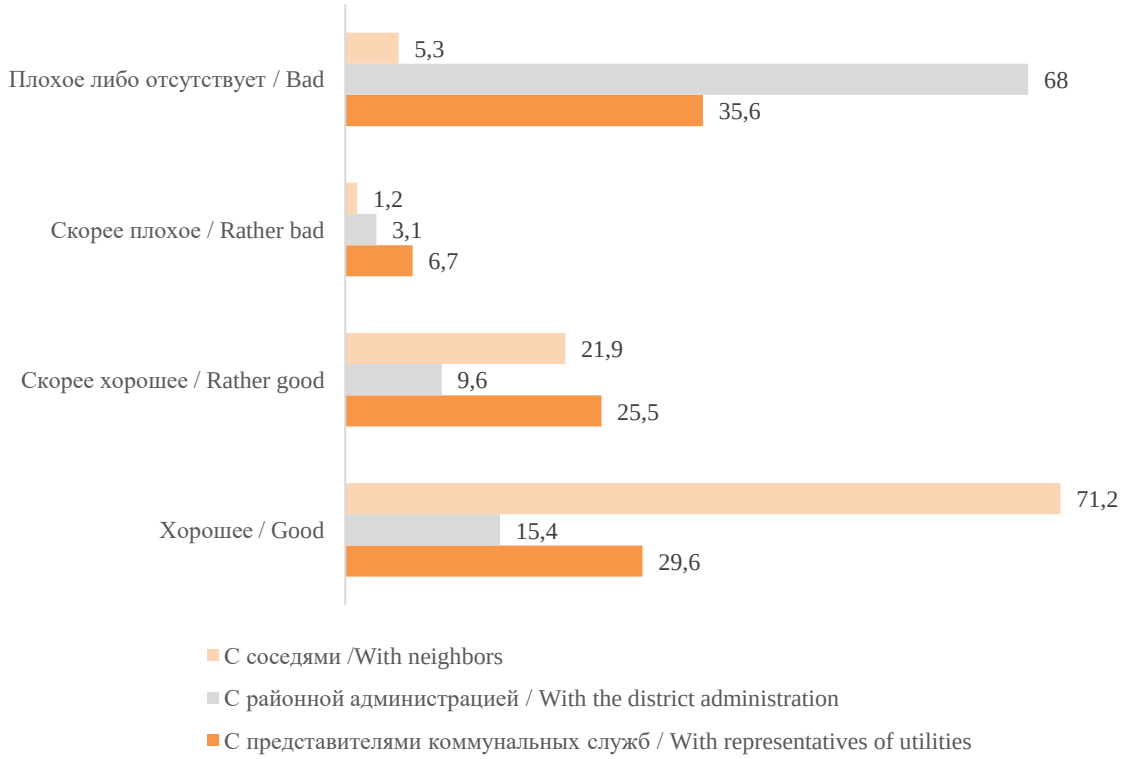

Рис. 3. Отношения с соседями, представителями ЖЭС и районной администрацией
Fig. 3. Relations with neighbors, representatives of housing and communal services and the district administration

Неудивительно, что наиболее удобной формой участия в благоустройстве (в том числе и финансового) для горожан является неформальная соседская кооперация.

28,6% респондентов состоят в «соседских чатах» (что является одним из признаков сформированного устойчивого соседского сообщества). При этом горожане, состоящие в товариществе собственников, значительно чаще взаимодействуют со своими соседями в соседских чатах (60,7%). Чем новее дом, тем активнее жильцы взаимодействуют друг с другом, тогда как наименее интенсивные коммуникации фиксируются среди соседей, проживающих в домах 1971-199 гг. постройки. Данные опроса *обнаружили прямую зависимость между состоянием соседской коммуникации и готовностью горожан участвовать в благоустройстве*. Чем лучше отношения между соседями, чем чаще они общаются друг с другом (в том числе при помощи интернет-мессенджеров), тем активнее горожане вовлекаются в различные практики по благоустройству городской среды. Так, среди тех, кто охарактеризовал свои отношения с соседями как плохие, никто не уделяет время благоустройству регулярно (см. таблицу 1). При этом почти половина горожан (45,5%), не наладивших соседскую коммуникацию и вовсе не планируют участвовать в благоустройстве в ближайшем будущем (для сравнения среди горожан, имеющих хорошие отношения с соседями, таких значительно меньше – около 26%). Среди тех, кто не общается в чате со своими соседями, каждый третий не планирует участвовать в благоустройстве, а среди тех, кто общается только каждый пятый (см. таблицу 2).

Таблица 1

Взаимосвязь отношения с соседями и участия в благоустройстве (в %)

Table 1

Correlation between relations with neighbors and participation in improvement (in %)

Участие в благоустройстве / Participation in improvement	Отношения с соседями / Relations with neighbors			
	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	Плохое либо отсутствует
Да, регулярно / Yes, regularly	14,9	3,3	0	0
Да, 1-2 раза в год / Yes, 1-2 times a year	36,8	34,1	40,0	31,8
Нет, но хотел бы / No, but I would like	21,3	36,3	40,0	22,7
Нет и не планирую / No, and I do not plan	27,0	26,4	20,0	45,5

Таблица 2

Взаимосвязь отношения с соседями и участия в благоустройстве (в %)

Table 2

Correlation between relations with neighbors and participation in improvement (in %)

Участие в благоустройстве / Participation in improvement	Общение в чате / Chatting	Нет общения в чате / No chatting
Да, регулярно / Yes, regularly	17,6	8,8
Да, 1-2 раза в год / Yes, 1-2 times a year	39,5	34,3
Нет, но хотел бы / No, but I would like	23,5	25,3
Нет и не планирую / No, and I do not plan	19,3	31,6

Тип жилой застройки как фактор активности горожан. Год постройки дома также оказывает влияние на общественную активность горожан (хотя и не такое сильное). Чаще других занимаются благоустройством собственного двора либо горожане, проживающие в новостройках (от 2000 года постройки и позже), либо жители т.н. «пятиэтажек» – около 50%. Жильцы совсем новых домов (от 2010 года постройки) чаще других делают это регулярно (24%). Наименее активны горожане, проживающие в районах, застроенных в 1970-1990-х гг. – 41% в принципе когда-либо занимались благоустройством (из них только 6,2% регулярно), а 35,9% (это максимальный показатель) не имеют планов когда-либо в этом участвовать (см. рисунок 4). При этом максимальную готовность к самоуправлению продемонстрировали жители домов, в которых уже сформированы товарищества собственников – 48,2% готовы участвовать в благоустройстве дворовой территории через различные институты местного самоуправления (для сравнения заниматься благоустройством неформально самостоятельно – 39,3%).

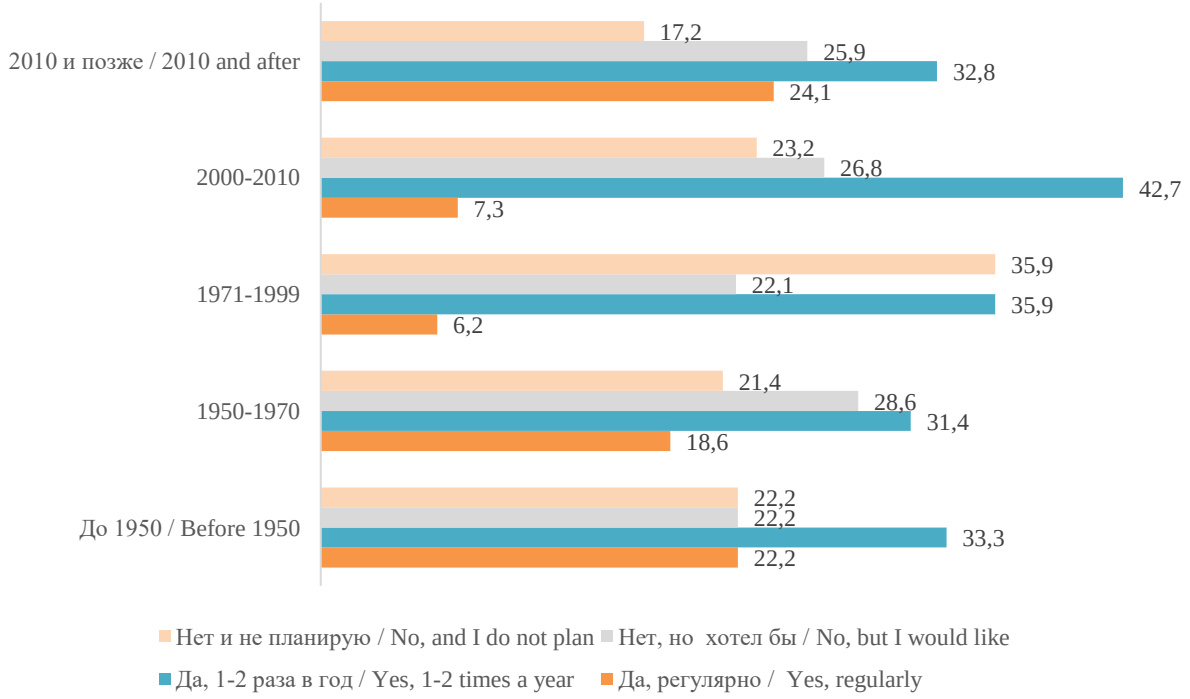

Рис. 4. Взаимосвязь типа жилой застройки и участия в благоустройстве (в %)
Fig. 4. Relationship between the type of residential development and participation in the improvement (in %)

Для респондентов, жильё которых находятся на балансе у ЖЭСа ситуация несколько другая – только 35,2% готовы участвовать в благоустройстве через сотрудничество с ЖЭСом, тогда как 51% хотели бы делать это самостоятельно, не ориентируясь на коммунальные службы. Год постройки дома также имеет значение – чем новее дом, тем чаще его жители стремятся к местному самоуправлению. Впрочем, определённую роль в данном случае могут играть и социально-демографические факторы – в новых районах чаще проживают горожане более молодого возраста, более образованные и с более высоким доходом. Члены товарищества собственников, а также жители новых районов в меньшей степени готовы финансировать благоустройство дворовых территорий через налоги и коммунальные платежи и чаще

других хотели бы обращаться к услугам частных обслуживающих компаний. Для тех, кто живёт в домах, состоящих на балансе у ЖЭС, особенно до 1990-х гг. постройки более привычной формой финансирования благоустройства являются коммунальные платежи (около 50%) (см. рисунок 5).

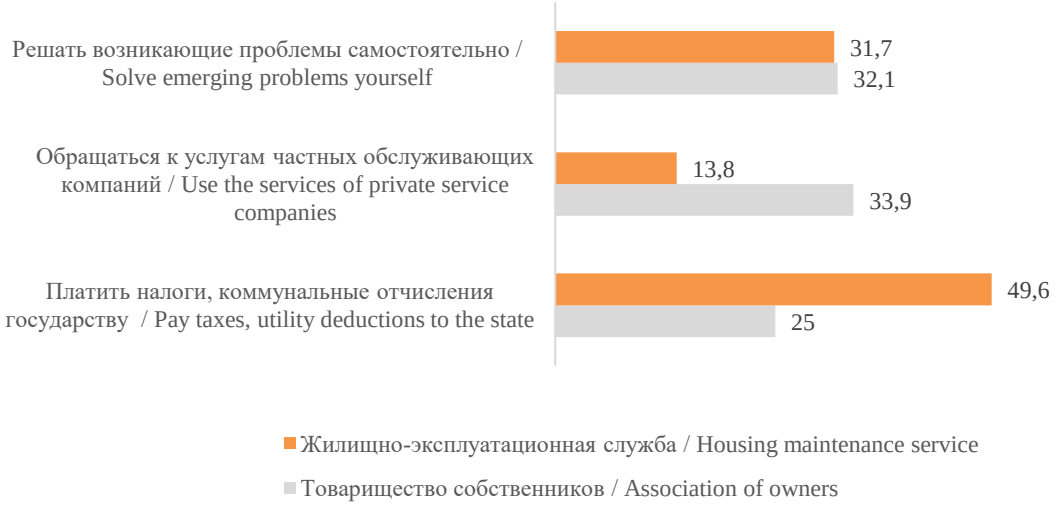

Рис. 5. Взаимосвязь типа обслуживающей организации и форм финансирования благоустройства (в %)
Fig. 5. Correlation between the type of service organization and forms of financing for improvement (in %)

Интересно, что около 30% горожан (независимо от того, где они проживают) хотели бы иметь возможность финансировать благоустройство своего двора, минуя как государственные, так и частные структуры – самостоятельно («вскладчину» с соседями). К слову, недавняя Нобелевская премия по экономике была присуждена американской экономистке Элинор Остром за обоснование значительной эффективности управления коммунальными ресурсами при помощи активного вовлечения самоуправляемых общественных структур, которые своим членам равный доступ к данным ресурсам без частной собственности или государственного контроля (Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка, 2020).

Социально-демографические характеристики горожан как фактор их локальной активности. Наиболее активные участницы благоустройства дворовых территорий – это женщины в возрасте от 36 до 45 лет, как с высшим образованием, так и без него. Наиболее активные участницы благоустройства дворовых территорий – это женщины в возрасте от 36 до 45 лет, как с высшим образованием, так и без него. В целом, прямой связи между образованием и частотой участия горожан в благоустройстве данные исследования не обнаружили. Однако предпочитаемые *формы участия* в благоустройстве своего двора меняются по мере роста общего уровня образования жителей этого двора. Участники опроса, имеющие среднее образование (общее, специальное или профессионально-техническое) предпочитают участвовать в благоустройстве традиционно – оплачивать «коммуналку» и несколько раз в год откликаться на призывы коммунальных служб прийти на субботник. Респонденты с высшим образованием, напротив, чаще склоняются в сторону формирования различных официальных структур местного самоуправления и привлечения частных обслуживающих компаний к решению проблем благоустройства. Возраст минчан также оказывает влияние на то, какая фор-

ма участия в благоустройстве городской среды покажется им наиболее удобной. Горожане более молодого возраста (максимально это характерно для возрастной группы 26-35 лет) в меньшей степени хотят оплачивать коммунальные платежи и предпочли бы возможность обращаться к услугам частных обслуживающих компаний. И наоборот – чем старше респонденты, тем более консервативный подход к решению данного вопроса они демонстрируют.

Заключение (Conclusions). Обобщив анализ факторов, оказывающих влияние на готовность городского населения к местному самоуправлению, можно выделить три различные группы горожан.

1. *Сторонники патерналистского подхода* – в вопросах благоустройства и преобразования городской среды *предпочитают полагаться на государство*. Своё участие в благоустройстве видят в том, чтобы платить налоги, оплачивать счета за коммунальные услуги, а также изредка посещать субботники, организуемые местными коммунальными службами. Как правило, это горожане старшего возраста (от 46 лет и старше), имеющие среднее образование, проживающие в районах т.н. «позднесоветской» панельной застройки (1970-1990-ее гг.), не состоящие в устойчивых соседских сообществах либо вовсе не поддерживающие отношения со своими соседями. Среди общего количества минчан их порядка 50%.

2. *Сторонники рыночного подхода* – демонстрируют максимальную готовность к официальному (юридически оформленному) участию в местном самоуправлении, активно включены в жизнь своего сообщества, поддерживают устойчивые отношения с соседями, состоят в «соседских» чатах, готовы брать на себя ответственность за благоустройство городской среды, взамен хотели бы иметь возможность свободно принимать решения, касающиеся преобразования «своей» территории, в том числе обращаясь к услугам частных обслуживающих компаний. К данному типу относится наиболее молодая (25-45 лет) и образованная часть горожан, проживающая в новых районах (построенных после 2000 года). Среди общего количества опрошенных их около 20%.

3. *Сторонники общинного подхода* – не испытывают особого доверия ни к рынку, ни к государству, в вопросах благоустройства предпочитают полагаться на себя и своих ближайших знакомых, готовы решать возникающие проблемы благоустройство своими силами («вскладчину» с соседями), не обнаруживают склонность к созданию формальных структур местного самоуправления, однако фактически готовы брать на себя ответственность, в том числе и финансовую за свой город. Интересно, что горожане данного типа не имеют каких-либо отличительных социально-демографических особенностей, среди общего числа минчан их примерно 30%.

Подводя итог проведённому анализу состояния локальных сообществ и местного самоуправления в постсоветских городах (на примере Минска), можно отметить, что горожане как конечные «потребители» городской среды обладают значительным потенциалом для эффективного контроля её качества. По этой причине развитие и укрепление городских сообществ является разумной альтернативой разрастанию государственного муниципального аппарата и реальной возможностью для горожан реализовать своё право на местное самоуправление. Однако именно городские сообщества часто демонстрируют наименьшую активность в решении вопросов, связанных с качеством городской среды, что ведёт к искажению всей стратегии развития города. Наиболее действенным механизмом активизации локальных сообществ, их интеграции в жизнь города является вовлечение горожан в практики по «созданию мест» (благоустройству городской среды), что позволяет горожанам осознавать общие цели и задачи, формулировать взаимовыгодные решения, снижает вероятность конфликтов и разногласий. Результаты исследования (телефонный

опрос, проведённый в г. Минске (Республика Беларусь), показали, что около трети жителей постсоветских городов по-прежнему находятся вне зоны активности, фактически исключаясь из числа субъектов, участвующих в создании городской среды. Наиболее значимыми мотивами, побуждающими горожан участвовать в общественной жизни, являются мотивы эффективности (возможность видеть конкретные результаты своей активности) и мотивы спроса (ощущение значимости собственных действий, их необходимости для общего блага). При этом среди всей совокупности факторов, влияющих на участие горожан в благоустройстве (особенности коммуникации с соседями; тип жилой застройки и форма обслуживающей организации; социально-демографические характеристики горожан) наиболее значимое влияние оказывают именно коммуникативные. Преодоление коммуникативных барьеров между соседями, улучшение их взаимодействия способно значительно повысить уровень активности горожан. Обобщив анализ факторов, оказывающих влияние на готовность городского населения к местному самоуправлению, можно выделить три различные группы горожан. сторонники паттерналистского подхода (полное доверие к государству), сторонники рыночного подхода (готовность к юридически оформленному участию в местном самоуправлении) и сторонники общинного подхода (равное недоверие и к рынку, и к государству, готовность во всем полагаться на собственные силы и свои социальные связи).

Список литературы

Алексеевский М. Городская антропология: От локальных «племен» к глобальным «потокам» // Горожанин: Что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 78-99.

Антипьев К. А., Лазукова Е. А., Разинский Г. В. Муниципальная власть и местные сообщества: Особенности взаимодействия (К постановке проблемы социологического исследования) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 118-129.

Богданова Л. П., Смирнов И. П. Социальная активность городских сообществ: опыт исследования на примере средних городов Тверской области // Экология урбанизированных территорий. 2018. № 1. С. 50-57.

Грибер Ю. А., Литвинова Т. Н. Тактический урбанизм как форма модернизации повседневности // Социодинамика. 2015. № 9. С. 1-19.

Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма и теории глобализации // Социология 4М. 2001. № 13. С. 27-59.

Иванова Т. Н. Благоустройство городской среды как значимый фактор повышения качества жизни г.о. Тольятти // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 38. С. 62-69.

Кобаса М. В. Участие граждан в процессе принятия решений на местном уровне в Беларуси: опыт, состояние и перспективы. Минск: Медисон, 2020. 96 с.

Кольба А. И., Кольба Н. В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. 2019. № 2. С. 160-179.

Лайдон М., Гарсия Э. Тактический урбанизм. Краткосрочные действия – долгосрочные перемены. М.: Strelka Press, 2019. 304 с.

Ларичев А. А. Локальные сообщества в городах как субъект контроля за решением вопросов местного значения // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 1. С. 100-107.

Лебедева Е. В. Коммуникация с соседями: «право на город», социальные сети и онлайн сообщества // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13-15 мая 2021 г., Белорус. гос. ун-т; В. Ф. Гигин (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 95-101.

Лебедева Е. В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX, № 1 (98). С. 74-92.

Ледяев В. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 472 с.

Федотов Е. С. Социальная роль благоустройства городской среды мегаполиса // Социальная политика и социология. 2013. Т. 1, № 2. С. 272-284.

Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 440 с.

Чернышева Л. А. Онлайн- и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 2. С. 36-66.

Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка / Под ред. М. Делленбо (и др.). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

Elias N. Foreword-Towards a Theory of Communities // The Sociology of Communities: A Selection of Readings; Colin Bell and Howard Newby (ed.). London: Frank Cass & Co. Ltd., 1974. IX-XLIII.

Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. № 27 (4). Pp. 939-941.

Lefebevr H., Kofman E., Lebas E. Writing on cities. Cambridge, Mass, USA: Blackwell Publishers, 2010. 250 p.

Parker P., Johansson M. Challenges and potential in collaborative management of urban commons. Multifaceted nature of collaboration in contemporary world. London: Vega Press, 2012. Pp. 92-113.

References

Alekseevsky, M. (2017), “Urban anthropology: From local "tribes" to global "streams"”, in *Citizen: What do we know about a resident of a big city?*, Strelka Press, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Antipyev, K. A., Lazukova, E. A. and Razinsky, G. V. (2017), “Municipal authorities and local communities: Peculiarities of interaction (On the formulation of the problem of sociological research)”, *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, (2), 118-129. *(In Russian)*

Bogdanova, L. P. and Smirnov, I. P. (2018), “Social activity of urban communities: research experience on the example of medium-sized cities of the Tver region”, *Ecology of urbanized areas*, (1), 50-57. *(In Russian)*

Griber, Y. A. and Litvinova, T. N. (2015), “Tactical urbanism as a form of modernization of everyday life”, *Sociodinamics*, (9), 1-19. *(In Russian)*

Dobryakova, M. S. (2001), “Research of local communities in the context of positivism, subjectivism and the theory of globalization”, *Sociology 4M*, (13), 27-59. *(In Russian)*

Ivanova, T. N. (2016), “Improvement of the urban environment as a significant factor in improving the quality of life in the city of Togliatti”, *Scientific-methodical electronic journal “Concept”*, 38, 62-69. *(In Russian)*

Kobasa, M. V. (2020), *Participation of Citizens in the Decision-Making Process at the Local Level in Belarus: Experience, State and Prospects*, Madison, Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Kolba, A. I. and Kolba, N. V. (2019), “Urban Conflicts as a Factor of Civil and Political Activation of Local Communities”, *Political Science*, (2), 160-179. *(In Russian)*

Laydon, M. and Garsiya, E. (2019), *Tactical Urbanism. Short term action – long term change*, Strelka Press, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Larichev, A. A. (2019), “Local communities in cities as a subject of control over the solution of issues of local importance”, *Law enforcement*, 3 (1), 100-107. *(In Russian)*

Lebedeva, E. V. (2021), “Communication with neighbors: "the right to the city", social networks and online communities”, *Communication in social and humanitarian knowledge, economics, education: materials of the V International. scientific-practical conf.*, Minsk, May 13-15, 2021, Belarus. state un-t, Gigin, V. F. (ed.), BSU, Minsk, Belarus. *(In Russian)*

Lebedeva, E. V. (2017), “Public space of the post-Soviet city: opportunities for the development of sociality and the "crisis of publicity"”, *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XX (1), 74-92. *(In Russian)*

Ledyayev, V. (2012), *Sociology of power. Theory and experience of empirical research of power in urban communities*, Izdatel'skiy dom HSE, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Fedotov, E. S. (2013), “The social role of improving the urban environment of a metropolis”, *Social policy and sociology*, 1 (2), 272-284. *(In Russian)*

Harvi, D. (2019), *Social Justice and the City*, Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Chernysheva, L. A. (2020), “Online and offline conflicts around urban commons: caring for urban space in the territory of a large housing es-

tate", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, (2), 36-66. *(In Russian)*

Urban commons. Urban communities outside the state and the market (2020), in Dellenbo, M. (ed.), Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Elias, N. (1974), "Foreword-Towards a Theory of Communities", in Colin Bell and Howard Newby (eds.) *The Sociology of Communities: A Selection of Readings*, Frank Cass & Co. Ltd., London, IX-XLIII.

Harvey, D. (2003), "The Right to the City", *International Journal of Urban and Regional Research*, (27), 939-941.

Lefebevre, H., Kofman, E. and Lebas, E. (2010), *Writing on cities*, Blackwell Publishers, Cambridge, Mass, USA.

Parker, P. and Johansson, M. (2012), *Challenges and potential in collaborative management of urban commons. Multifaceted nature of collaboration in contemporary world*, Vega Press, London, 92-113.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2021 г. Поступила после доработки 30 ноября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 25 September 2021. Revised 30 November 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Лебедева Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.

Elena V. Lebedeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

(cc) BY

УДК 316.422 **DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-9**

Кранзеева Е. А.
Головацкий Е. В.
Орлова А. В.
Нятина Н. В.
Бурмакина А. Л.

Влияние социальных инициатив населения на инновационное развитие регионов

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650000, Россия
elkranzeeva@mail.ru
xomaik@rambler.ru
anniov@bk.ru
kozeeva_n@mail.ru
anna-sidjakina@rambler.ru

Аннотация. Условия динамичного взаимодействия граждан в современном мире в сочетании с существенным образом изменившейся, ускорившейся социальной и политической коммуникацией формируют инновационные практики взаимодействия местного населения и власти. Особую актуальность это приобретает в режиме развитиях цифровых коммуникаций, когда приоритет доверительных отношений смещается в сторону виртуальных обсуждений, реальные социальные практики получают активную поддержку сетевых сообществ. Социальные инициативы или сам факт возможности формирования подобных инициатив наполняют региональные процессы социально-политического взаимодействия, а также могут содействовать инновационному развитию территории. Существенной проблемой является разность понимания содержания и значимости инициатив, предлагаемых населением и содержанием инновационных проектов, предусмотренных к реализации на территории региона. Важно определить влияние социальных инициатив на инновационное развитие регионов, что и стало целью данной статьи. Результаты исследования демонстрируют, что наиболее содержательные и разнонаправленные инициативы проявляются в наиболее ресурсообеспеченных регионах России. Социальные инициативы населения акцентируют внимание на определенных проблемах жизненного и социального пространства, являются показателем неучтенных противоречий, которые могут рассматриваться как основания для инновационного развития региона. Они доказывают готовность местных жителей включаться в решение вопросов регионального развития, а также являются важной формой диалогового взаимодействия с властью.

Ключевые слова: национальные проекты; инновации; регионы; социальные инициативы; социальное и политическое взаимодействие; цифровизация; сетевые исследования

Информация для цитирования: Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В., Нятина Н. В., Бурмакина А. Л. Влияние социальных инициатив населения на инновационное развитие регионов// Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 140-156. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-9.

Elena A. Kranzeeva
Evgeny V. Golovatsky
Anna V. Orlova
Natalya V. Nyatina
Anna L. Burmakina

The impact of social initiatives of the population on the innovative development of regions

Kemerovo State University
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia
elkranzeeva@mail.ru
xomaik@rambler.ru
anniov@bk.ru
kozeeva_n@mail.ru
anna-sidjakina@rambler.ru

Abstract. In today's world, the conditions of dynamic citizen interaction combined with substantially changed, accelerated social and political communication, are shaping innovative practices of interaction between local people and government. This is of relevance in the context of digital communications. Social initiatives or the possibility of their formation fill the regional processes of socio-political interaction and can also contribute to the innovative development of the territory. A significant problem is the difference in the content and significance of the initiatives proposed by the population and the content of innovative projects envisaged for implementation in the region. It is important to determine the impact of social initiatives on the innovative development of regions, which is the *purpose* of this article. The *results* of the study demonstrate that the most meaningful and multidirectional initiatives are manifested in the most resource-rich regions of Russia. Social initiatives of the population focus on certain problems of living and social space, are an indicator of unaccounted for contradictions, which can be considered as the basis for the innovative development of the region. They prove the willingness of residents to get involved in solving regional development issues and are also an important form of dialogue interaction with the authorities.

Keywords: national projects; innovation; regions; social initiatives; social and political interaction; digitalization; network research

Information for citation: Kranzeeva, E. A., Golovatsky, Ev. V., Orlova, A. V., Nyatina, N. V., Burmakina, A. L. (2021), "The impact of social initiatives of the population on the innovative development of regions", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 140-156. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-9.

Введение (Introduction). В современном обществе происходит обновление, а в определенных ситуациях перезагрузка практик гражданского и социального участия населения. Возможности инициативной активности населения подкрепляются обновлением условий регионального развития с учетом особенностей территории. В настоящее время, в период реализации в России национальных проектов, организуется целенаправленная деятельность субъектов государственного и некоммерческого секторов по инновационному развитию регионов. Социальная инфраструктура, экологическая безопасность, повышение комфортности социального пространства для жителей, вот далеко не полный перечень актуальных направлений территориального развития. Однако односторонний формат реализации стратегических и тактических направлений социальных преобразований неэффективен без соучастия

населения (Кранзеева, Головацкий, Бурмакина, Брандт, 2020; Кранзеева, Орлова, Нятина, Григорик, 2020). Возникновение, развитие и модификация социальных инициатив населения является важным условием развития гражданского контроля и преобразований в регионах.

Социальные и политические инновации направлены на реализацию потребностей населения, достижение социально-значимых целей. В настоящее время именно инновации являются эффективным инструментом для преобразования взаимодействий между государством и гражданским обществом (Carrozza, 2018). Разнонаправленные уровни и траектории соучастия населении влияют на новые форматы аллокаций ресурсов (Borri, Giorgio, 2021). Формирование сетей инновационных сообществ – процесс несмотря на свою динамичность продолжительный с точки зрения формирования доверия участников сообществ (Latouche, 2020).

Инновации реализуются с учетом возможностей конкретных регионов. Индикатором освоения нововведений выступают коммуникации населения и органов власти в масштабах региональных отношений, например, увеличение числа «точек» официальной коммуникации, уменьшение времени ответа на гражданские обращения и пр. В то время как неохваченными в социологических исследованиях остаются приемы гражданского обсуждения и соучастия, интроспективный анализ пользовательских оценок и обращений, предусматривающих применение цифровых маркеров инновационного взаимодействия. Исследователями уже рассматриваются сетевые формы активизма, порождающие новые формы коммуникации, быстро организуемые и поддерживающие принципы открытой коммуникации, а также особенности Интернет-сетей как площадок общественно-политических коммуникаций (Курбатов, Крупеникова, 2016; Артамонова, Володенков, 2021).

Социальные инновации представляют собой сознательную деятельность по конструированию нового и его внедрению в жизнь на основе переосмысления предыдущего опыта. Ключевой при обосновании потребности в реализации новой идеи является понимание «порога бедствия» (Луман, 1994), тех трудностей и рисков ожидания нововведений, а также последствий их реализации для населения территорий. Инновации должны отвечать требованиям практичности, соответствия социальным ожиданиям, альтернативности способов и механизмов их реализации. Они полифункциональны, многомерны, но направлены на актуальное включение субъектов власти в реализацию новых идей. Это обеспечивает вовлечение ресурсного и символического сопровождения инноваций.

Тенденции цифровизации общества и концептуальные достижения в изучении пространственно-временной перспективы инновационных процессов требуют фундаментального исследования взаимосвязи развития, инновационной политики и территориальности. Приемы и методы реализации принципа «открытого региона» также имеют широкие адаптивные возможности для решения муниципальных или иных конкретных проблем развития регионов и отдельных территорий (Schmidt, Müller, Ibert, Brinks, 2017). Исследование новых тенденций требует преобразования, гибридизации исследовательских подходов и сочетания применяемых методов (Kim, 2019; Golovatsky, Kranzeeva, Orlova, Burmakina, 2018).

Цель данной статьи – изучение влияния инициатив населения на инновационное развитие регионов. Полагаем, что регионы с высоким уровнем инновационного развития отличаются количественными и качественными показателями социальных инициатив.

Методология и методы (Methodology and methods). В настоящее время существуют различные подходы к интерпретации и содержательному объяснению социальных инноваций. В. В. Щербина замечает многообразие их методологического применения к определению поля иннова-

ций. К примеру, Т. Парсонс рассматривая процессы социальных изменений, обусловленных сознательной активностью личности, использовал понятие «харизматическая инновация». К. Левин, описывая принцип планируемых изменений, использовал представления о «роли социальных сил» которые способствуют/препятствуют внедрению социальных инноваций (Щербина, 2000).

Инновация с точки зрения отечественного социолога Н. И. Лапина представляет собой процесс создания, освоения и реализации в экономическом и социальном пространстве нового средства с целью удовлетворения общих и дифференцированных потребностей и интересов. Инновацию по мнению исследователя характеризуют такие черты как: институциональная включенность, целенаправленность, практичность, первоначальная локализация и инициативность как основание (Лапин, 2016). Н. И. Лапин отмечает, что «инновационные действия индивидов по мере их распространения (диффузии) приобретают групповое и общественное значение, становятся процессами модернизации жизнедеятельности общества, всей цивилизации». По мнению исследователя, эффективным институтом развития должна стать «давно декларированная, но не реализованная национальная инновационная система (НИС). Для успешной реализации она должна стать рефлексивно-многоуровневой, начиная с первичных региональных инновационных систем (РИС), которые обеспечат эволюционно-инновационное саморазвитие регионов, учитывающее особенности каждого региона и рефлексивно регулируемое «сверху» и «снизу» (государством и гражданским обществом)» (Лапин, 2018; Голова, Суховей, 2019).

Оценка инноваций предусматривает нелинейное сравнение реализуемых или инициируемых проектов, так как последствия обозначенных или реализуемых в регионах нововведений не позволяют диагностировать итоговые результаты для всех взаимодействующих сторон. Цифровая коммуникация взаимодействующих сторон в состоянии трансформировать поле задач и видоизменять результаты в зависимости от суммы внешних угроз и рисков, зачастую быстрые, реактивные связи сетевых сообществ способны оперативно мобилизовать участников коммуникации на различные формы взаимодействия, для чего традиционным публичным структурам понадобится больше времени и дополнительных ресурсов.

Зарубежные исследователи предлагают целую палитру подходов к содержанию понятия «инновация», а также рассматривают различные основания для исследования реализации нововведений и применяемых для этой задачи инструментов. В частности, выделяются четыре подхода рассмотрения социальных инноваций: инновации как изменение социальных отношений, акцентирующие внимание на новых способах действия, организации, познания и фрейминга (Stirling A.); системные инновационные изменения на уровне социальных подсистем, включая институты, социальные структуры (Cajaiba-Santana, 2014); изменения на уровне макроразвития, которые отражают изменения «правил игры» (Nicholls A., Murdock A.); дискурсы об изменениях и инновациях, то есть наборы идей, концепций, метафор и/или сюжетных линий об изменениях и инновациях (Avelino, Wittmayer, Pel, Weaver, Dumitru, Haxeltine, Kemp, Jorgensen, Bauler, Ruijsink, O'Riordan, 2019).

При этом современные зарубежные исследователи определяют три измерения социальных инноваций:

1) направленность на реализацию потребностей, интересов и запросов социальных групп и общностей;

2) изменения в общественных отношениях;

3) аспект расширения прав и возможностей в форме увеличения социально-политического потенциала и доступа к ресурсам (van der Have, Rubalcaba, 2016).

В настоящее время можно выделить несколько точек зрения к пониманию со-

циальных инноваций в отечественных исследовательских подходах. Е. В. Попов и др. к социальным инновациям относят в первую очередь, новые идеи о социальном пространстве, воплощенные в виде продуктов или услуг и нацеленные на решение общественных проблем (Попов, Омонов, Наумов, Веретенникова, 2018). Т. Д. Ромащенко и А. Е. Кисова социальные инновации рассматривают как совокупность качественных изменений в сферах формирования, развития и реализации человеческого и социального капитала с целью повышения уровня личного и общественного благосостояния (Ромащенко, Кисова, 2020).

Развитие социальных инноваций создает новые возможности в решении разноуровневых управленческих и координационных задач со стороны власти и населения при помощи приближенных к параметрам физической и виртуальной территории методам (Arici, Yildirim, Caliklar, Yilmaz, 2019). Взгляд со стороны местных жителей позволяет акцентировать внимание на те потребности и запросы, которые с точки зрения административных структур не всегда открыты и понятны. Кроме того, гражданская инициативность создает условия для включенности в решение проблем и помогает преодолеть позицию стороннего наблюдателя.

В научном сообществе распространенной становится парадигма «инновации в сотрудничестве», когда устанавливается зависимость между качеством новых идей, стремлением к скорости их освоения и учетом мнения «исполнителей нововведений» и поддержки заинтересованных добровольцев (Bommert, 2010). Обоснование значимости открытых социальных и политических инноваций связано с концепцией «обучаемой политики» (Hall, 1989). Открытость предоставляет возможность исследователям и наблюдателям инновационных процессов учитывать сдвиги в социальном пространстве, понимать критерии успешности гражданских инициатив.

Открытые инновации – это концепция, сочетающая бизнес, власть и академические научные структуры. Эта модель взаимодействия демонстрирует дифференцированное и активное отношение взаимодействующих сторон к инновациям, основанное на открытых, прозрачных принципах инновационных отношений, базирующихся на принципе «открытой архитектуры» мобилизации социальных, политических и иных видов ресурсов (Chesbrough, 2011). Открытые инновации становятся определяющей концепцией исследовательских и практических направлений сфер государственной деятельности и гражданского поля инициатив. Европейские исследователи подчеркивают потенциал привлечения граждан как способ применения открытых инноваций в государственном секторах (Bogers, Chesbrough, Moedas, 2018). Практическое применение взаимодействующими сторонами цифровых технологий делает инновации еще более открытыми, взаимными и глобальными в рамках открытого общества (Accessed October 17, 2017, https://ec.europa.eu/research/openvision/index.cfm).

На принятие и адаптацию населения к социальным и политическим инновациям оказывает влияние субъективное пространство политики и инварианта локальной идентичности, которая учитывает личность в качестве субъекта-носителя идентичности; содержательную составляющую (феномен локальной идентичности), параметры объекта идентификации (место жительства как значимого показателя – на данном жизненном этапе личности), практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность, систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности, механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики (Самаркина, Башмаков, 2021).

В российских исследованиях отмечается возросшая цифровая зависимость власти и населения в условиях политики мо-

дернизации, в форматах изменившихся городских взаимодействий, предлагающих новые формы мобилизации городских пользователей (Семенов, 2020). При этом исследователи подчеркивают подвижность самих инноваций и, следовательно, применение подвижных форм взаимодействия гражданской политики и политических управленческих структур.

Также отмечается, что масштабирование местных инициатив оказывается сложным процессом, не всегда заметным сторонним участникам других территорий и требует от всех сторон-участников коммуникации масштабирования интересов и ресурсов. (van Lunenburg, Geuijen, Meijer, 2020).

Чтобы сосредоточить внимание на инновационных инициативах, вслед за Трау (Trau, 2017), мы будем рассматривать основные признаки: 1) характеристики субъектов; 2) стратегический выбор; 3) институциональные факторы; 4) влияние субъектов на социальную экологию.

Зарубежные исследователи утверждают, что традиционные модели описания инноваций, основанные на инструментальных факторах, не в полной мере учитывают специфические характеристики открытых социальных инноваций. В качестве корректирующего инструмента предлагается повысить объяснительную силу традиционных инновационных моделей за счет включения символических, эмоциональных и мотивирующих факторов в качестве неинструментальных (более открытых), подверженных корректировке и в тоже время более непредсказуемых в своих последствиях (Dietrich, Znotka, Guthor, Hilfinger, 2016). Проявлением таких неинструментальных факторов могут выступать поисковые запросы населения, адресованные не органам власти, напрямую, а сообществам. Запросы выполняют информационную (поиск конкретной информации по теме), навигационную (поиск сервиса, адреса, организации и пр.), транзакционную (поиск взаимодействия) и др. функции. Наши исследования и данные других опросов, убедительно демонстрируют, что Интернет-запросы становятся востребованной формой опосредованной коммуникации, отражающей ее семантические и символические характеристики и содержание (Кученкова, 2020; Kranzeeva, Orlova, Golovatsky, Burmakina, 2018).

В российской социологии формируются практические исследовательские наработки и опыт изучения сетевых, виртуальных сообществ имеет собственную историю развития методологии сетевых социологических исследований (Онлайн-исследования в России, 2016).

Логика исследования предполагает использование инструментов сетевой диагностики и поиска информации (в данном случае, исключительно открытой и общедоступной), с целью определения запроса и инициативных обращений граждан и сообществ, демонстрирующих актуальный уровень проблем и востребованность изменений на территориях и в стране в целом.

Нами проанализированы общественные и гражданские инициативы за прошедший год (с марта 2020 года по март 2021 года), которые поступали от жителей различных регионов России. Инициативы были сгруппированы в зависимости от уровня реализации и тематической направленности, а также с учетом территориальной принадлежности субъектов – авторов инициатив, заявителей, что позволило нам выделить наиболее активные регионы и территории, где жители менее активно участвуют в создании и оформлении инициатив.

Источником данных выступил интернет-ресурс Российская общественная инициатива (www.roi.ru) – открытая платформа для размещения общественных инициатив федерального, регионального, муниципального уровней, предложенных гражданами Российской Федерации, и голосования по ним. Сайт аккумулирует предложения граждан, касающиеся социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Судьба ини-

циативы решается в три этапа: 1) предварительная проверка соответствия требованиям, 2) голосование за инициативу, 3) рассмотрение и принятие решения экспертной группой.

Всего были проанализированы 1347 федеральных, 191 региональная и 115 муниципальных инициатив, находящихся на этапе голосования. Используя фильтры сайта «уровень» и «раздел», мы смогли показать популярность наиболее проблемных тем (всего их было 19 в соответствии с массивом обращений, расположенном на цифровом ресурсе) в регионах России. Интерактивная карта России, размещенная на сайте, позволила определить степень активности жителей того или иного региона, и атрибутивность тематики инициатив федерального значения. Направления инициатив сохранены в соответствии с интерфейсом ресурса.

Для оценки актуальных запросов населения нами использовался Google Trends (https://trends.google.ru) – сервис, позволяющий выявить, где чаще всего выполнялся поиск по соответствующей проблеме. Мы использовали этот инструмент в нашем исследовании для изучения поисковых запросов граждан по соответствующим тематикам и их популярности по регионам за период март 2020 г. – март 2021 г. Сервис присваивает запросам баллы от 0 до 100, где 100 баллов означают местоположение с наибольшей долей популярности запроса, 50 баллов – местоположение, уровень популярности запроса в котором вдвое ниже, чем в первом. 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе. Таким образом, выявляется доля запросов по определенной теме от всех запросов, а не их абсолютное количество. В итоге, при последовательном вводе проблемных точек (выявленным в ходе анализа гражданских и общественных инициатив), мы выявили (определили) регионы РФ, лидирующие по соответствующим запросам (в расчет брались три наиболее популярных темы).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В настоящее время на территории России важным показателем для изучения социальных и политических инноваций является рейтинг инновационного развития регионов. Он включает измерения по следующим направлениям: социально-экономические условия инновационной деятельности, научно-технический потенциал, инновационную деятельность, экспортную активность, качество инновационной политики. При анализе социальных и политических инноваций важно понимать разрыв и временной вакуум между инициативами различного уровня. Социальная и политическая значимость рейтинга инновационного развития регионов РФ заключается в построении индивидуальных профилей каждого субъекта Российской Федерации, который детализирует результаты по всем показателям инновационного развития. Рейтинг служит инструментом комплексного мониторинга деятельности региональных органов власти и позволяет точнее сфокусировать федеральные инструменты поддержки. Согласно данному рейтингу, первенство по значению показателя дальности горизонта планирования инноваций разделили сразу пять субъектов Российской Федерации: Санкт-Петербург, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Воронежская область и Республика Коми.

Ключевые стратегические документы этих регионов предполагают целевое видение до 2035 г. В первую группу рейтинга по длительности периода, на который распространяется действие региональных стратегических документов, входят также Пензенская, Кемеровская и Архангельская области, Кабардино-Балкарская Республика. Ведущие международные СМИ чаще всего писали о Москве и Санкт-Петербурге в контексте глобального научно-технологического развития: новостная повестка двух столиц оказалась наиболее актуальной для передовых экономик. Эти города лидируют по значению показателя «Близость к информационному полю раз-

витых стран». Во вторую группу вошли Алтайский и Забайкальский края, Калининградская область, Камчатский край, Ленинградская и Пензенская области, Республики Алтай и Карелия, Самарская и Томская области. Стратегические документы и нормативные правовые акты Самарской, Белгородской, Ивановской, Кировской и Новосибирской областей, Республики Башкортостан, Ростовской и Тамбовской областей, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Чувашской Республики в наибольшей степени связаны с федеральной повесткой научно-технологического и инновационного развития. Они входят в первую группу по значению показателя «Соответствие региональной стратегической повестки содержанию федеральных стратегий» (Рейтинг инновационного развития..., 2020).

Еще одним вариантом ранжирования регионов по степени их инновационности является рейтинг, созданный в 2012 году Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) для целей мониторинга и управления. К основным показателям данного рейтинга относятся: 1) научные исследования и разработки; 2) инновационная деятельность; 3) социально-экономические условия инновационной деятельности; 4) инновационная активность региона. Каждый показатель содержит набор индикаторов, общее количество которых равно 29. Источниками информации являются преимущественно официальные статистические данные. По итогам рейтинга выделяются 5 групп регионов по уровню инновационного развития: «сильные инноваторы»; «среднесильные инноваторы»; «средние инноваторы»; «средне-слабые инноваторы»; «слабые инноваторы». По результатам рейтинга 2018 года «сильными инноваторами» являются: г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, г. Москва, Томская, Московская, Новосибирская, Калужская, Нижегородская области. «Слабыми инноваторами» относятся 6 субъектов РФ. По-прежнему в данную группу входят представители северных регионов (Ненецкий и Чукотский автономные округа), регионов Сибири (Республика Тыва) и Северного Кавказа (Республики Ингушетия, Чеченская, Карачаево-Черкесская). (Рейтинг инновационных регионов России, 2018).

Таблица 1

Рейтинги инновационных регионов РФ (по данным НИУ ВШЭ и Ассоциации инновационных регионов России)

Table 1

Ratings of innovative regions of the Russian Federation (according to the National Research University Higher School of Economics and the Association of Innovative Regions of Russia)

Рейтинг субъектов Российской Федерации по значению российского регионального инновационного индекса: 2017 / Rating of constituent entities of the Russian Federation according to the value of the Russian regional innovation index: 2017	Рейтинг инновационных регионов России. Ассоциация инновационных регионов России: 2018 / Rating of innovative regions of Russia. Association of Innovative Regions of Russia: 2018
г. Москва / Moscow City	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg City
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan
г. Санкт-Петербург/ St. Petersburg City	г. Москва / Moscow City
Томская область / Tomsk Region	Томская область / Tomsk Region
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	Новосибирская область / Novosibirsk Region

В условиях глобальной пандемии (COVID-19) традиционные системы взаимодействия функционируют не в полной мере. Инновационными выступают сетевые платформы сбора и обсуждения информации, используемые для построения диалога гражданских интересов и представителей власти. Открытые цифровые коммуникации помогали осуществлять отправку или дублирование обращений граждан (групп и местных сообществ), обозначение актуальных (обсуждаемых на

территориях) тем, поиск, запросы необходимой для поддержания повседневной жизни информации.

Рассмотрим данные по общественным инициативам применительно к регионам.

Дифференциация общественных инициатив в РФ с марта 2020 года по март 2021 года отражает стремление граждан к социальной защите со стороны государства, экономическому благополучию и обеспечению безопасности со стороны федеральных органов государственной власти. При проявлении инициатив на региональном уровне ведущее место занимает социальная инфраструктура, экологическая составляющая жизненного пространства, а также социальная защита (см. рисунок 1).

Рис. 1. Количество общественных инициатив по тематической направленности и уровням реализации (по результатам анализа интернет-платформы: «Российская общественная инициатива», интервал группировки данных март 2020 г. – март 2021 г.)

Fig. 1. The number of public initiatives by thematic focus and levels of implementation (based on the analysis of the Internet platform: «Russian Public Initiative», data grouping interval March 2020 – March 2021)

Важным уточнением является то, что в чистом виде невозможно отнести каждую инициативу только к одному тематическому направлению, поэтому присутствует перекрестность тематик в рамках одного инициативного предложения.

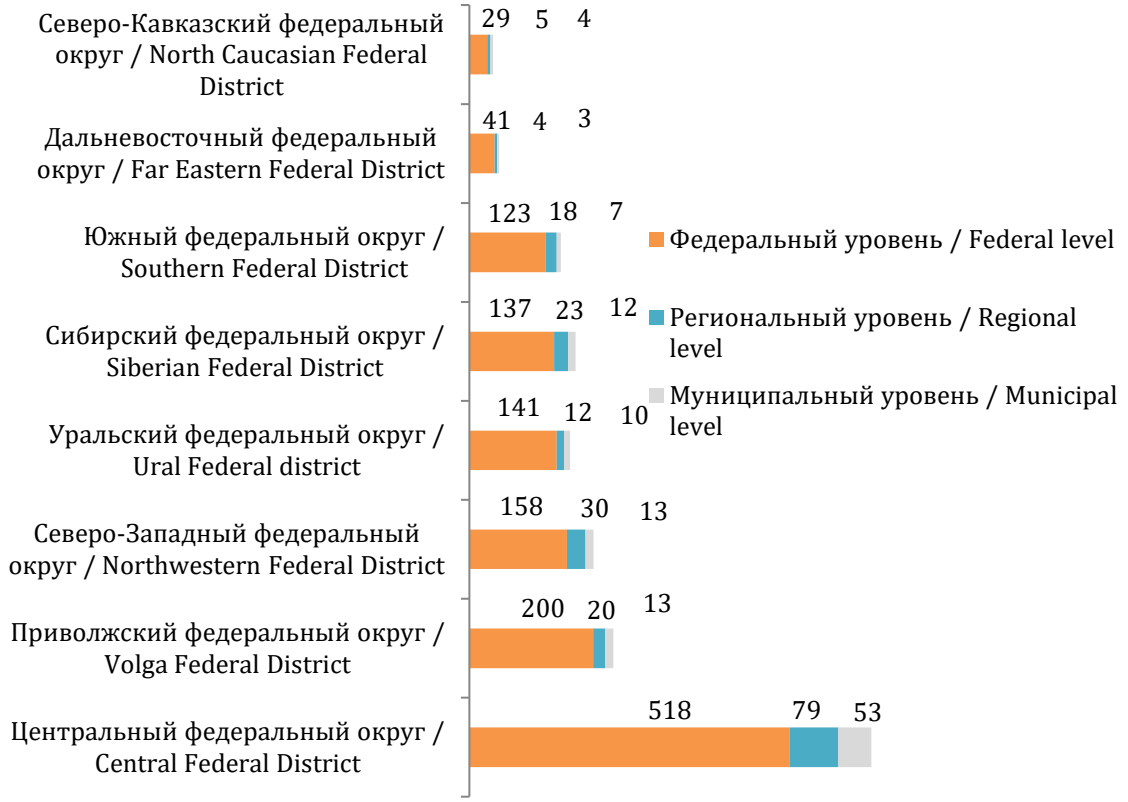

Рис. 2. Количество общественных инициатив по территориальной принадлежности авторов инициатив и уровням реализации (по результатам анализа интернет-платформы «Российская общественная инициатива», март 2020 г. – март 2021 г.)
Fig. 2. The number of public initiatives by territorial affiliation of the authors of the initiatives and levels of implementation (based on the analysis of the Internet platform «Russian Public Initiative», March 2020 – March 2021)

Большинство инициатив территориально представлено населением Центрального федерального округа (518 – на федеральный уровень, 79 – на региональный и 53 – на муниципальный). Лидерами внутри округа являются: г. Москва (271 инициатива федерального значения, 51 регионального), Московская область (104 и 15 соответственно) (рисунок 2).

В Приволжском федеральном округе на порядок опережает остальные регионы Самарская область (65 инициатив федерального значения). В Северо-Западном федеральном округе заметно выделяется по количеству инициатив г. Санкт-Петербург (106 – федерального значения, 22 регионального). Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» приводит результаты очередного (уже девятого по счету) рейтинг качества жизни в российских регионах демонстрируя близкие по значению результаты удовлетворенности. В частности, первые позиции в рейтинге регионов по качеству жизни в 2020 г. занимают: г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московская область, сводный рейтинговый балл у которых превышает значение 75 (возможный минимум – 1, возможный максимум – 100) (Источник: Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2020. 16.02.2021. URL: https://riarating.ru/infografika/20210216/6301

94637.html). Уместно предположить наличие группы единых признаков, которыми обладают территории. А именно – концентрации власти, финансовых и управленческих ресурсов, «центростремительные» общественные установки регионов по отношению к «точкам власти».

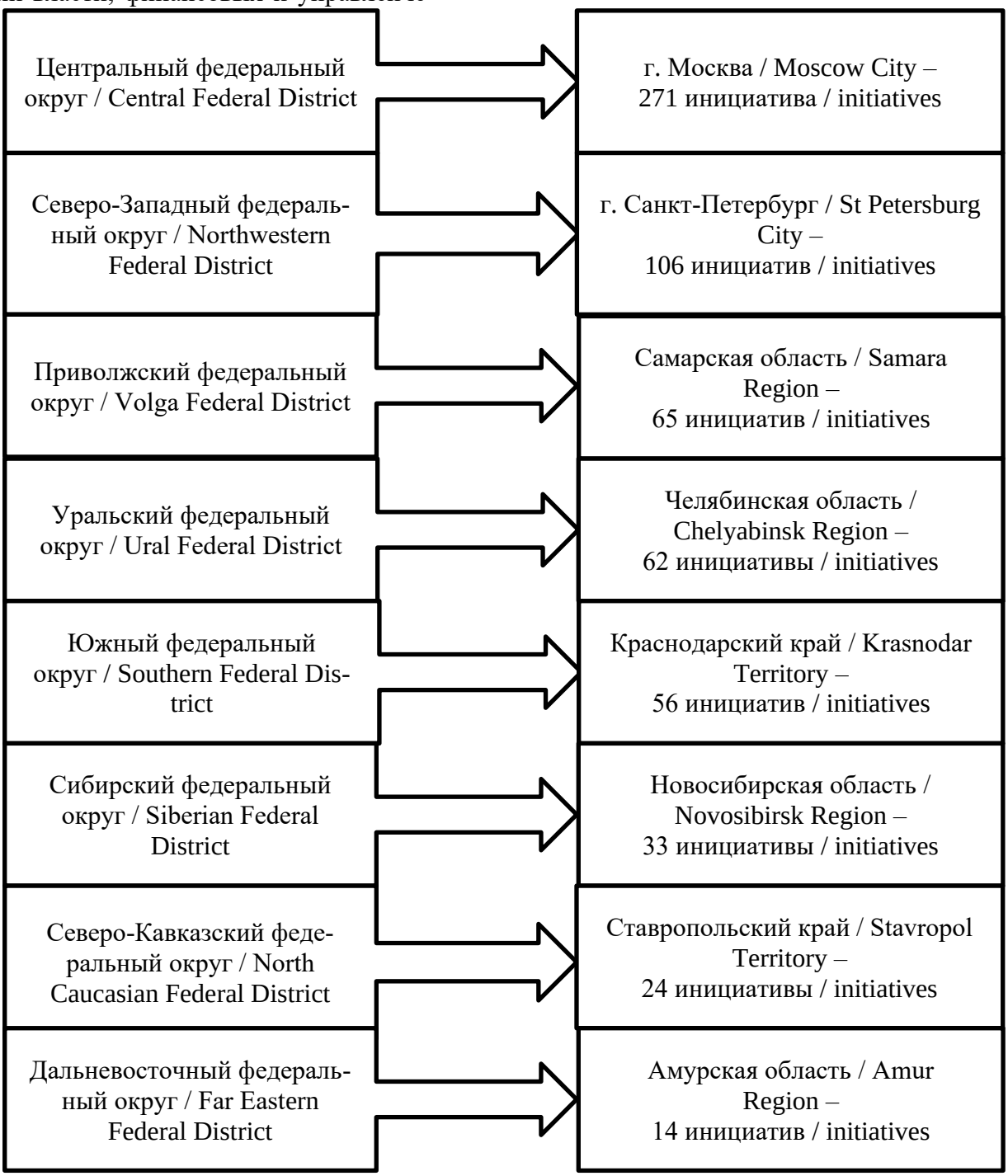

Рис. 3. Регионы-лидеры по количеству размещенных их жителями инициатив федерального значения (отмечен лидер от каждого федерального округа, март 2020 г. – март 2021 г.)

Fig. 3. Regions-leaders in terms of the number of federal initiatives placed by their residents (the leader from each federal district is marked, March 2020 – March 2021)

Наименее инициативными с точки зрения заявительной инициативной активности являются жители Северо-Кавказского федерального округа, в структуре которого можно отметить Ставропольский край (24 федеральные инициативы), как наиболее активный, по сравнению с единичными инициативами других регионов, входящих в состав этого округа.

При соотнесении регионов, лидирующих по количеству общественных инициатив граждан, и рейтинга инновационных регионов России, можно отметить, что представленные на рисунке субъекты относятся к группам сильных и средне-сильных инноваторов. Полученные данные отражают неравномерное распределение инициативности населения с акцентом на особую активность городов федерального значения.

По результатам анализа поисковых запросов с помощью сервиса Google Trends мы получили следующие данные: регионы-лидеры в проявлении инновационной активности (гг. Москва и Санкт-Петербург) значительно уступают свои позиции среди регионов-лидеров по совокупности баллов оценки «популярности» тематических запросов.

Таблица 2

Регионы-лидеры по совокупности баллов оценки «популярности» тематических запросов (по результатам анализа данных Google Trends за период март 2020 г. – март 2021 г.)

Table 2

Leading regions in terms of aggregate scores for assessing the “popularity” of thematic queries (based on the results of Google Trends data analysis for the period March 2020 – March 2021)

Федеральный округ / Federal District	Регион / Region	Баллы оценки / Assessment points
Приволжский / Volga	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	810
Сибирский / Siberian	Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	757
Южный / Southern	Краснодарский край / Krasnodar Territory	735
Северо-Западный / North-western	г. Санкт-Петербург / Saint Petersburg City	708
Центральный / Central	г. Москва / Moscow City	698
Уральский / Ural	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра / Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra	660
Дальневосточный / Far Eastern	Приморский край / Primorye Territory	627
Северо-Кавказский / North Caucasian	Ставропольский край / Stavropol Territory	459

В числе регионов, выбирающих максимальное количество тем запросов, выступают политические и ресурсные центры, а также пограничные территории. Наиболее насыщенный портфель тематических запросов обнаруживается у регионов европейской части страны. К примеру, в Воронежской области реализуется проект «Открытый регион», который осваивает инициативу взаимодействия региональных властей и населения по формированию и освоению принципов открытого государственного управления с 2012 года[1].

[1] Проект «Открытый регион» в Воронежской области. Вопросы создания. URL: http://wiki.ombudsman-

Содержательный анализ запросов позволяет нам обнаружить следующие признаки инициативных запросов: во-первых, субъектами запросов могут выступать как отдельные, так и объединенные групповыми и организационными интересами сообщества граждан; во-вторых, выбор инициатив определяется проблемами и направлениями инновационного развития, задаваемыми из федерального центра; в-третьих, региональная структура и профильные направления развития, зачастую определяют содержание местных инициатив; в-четвертых, частота обращений с инициативами, тематика и направления реализации, формируют для исполнителей нововведений своеобразный конус возможностей, в границах которого вероятность оптимального их освоения повышается.

Российские инициативы федерального уровня показывают заинтересованность во включении граждан прежде всего в изменения нормативно-правового характера. При этом лидирующими являются социальные инициативы, направленные на поддержку определенных категорий населения (ветеранов, многодетных семей, пенсионеров), а также сохранение заданных условий реализации образовательного процесса (отказ об утверждении дистанционного образования, инициатива о недопущении закрытия РФФИ и т.д.). Инициативы регионального уровня сохраняют стремление граждан актуализировать проблемы экологического характера, социального перемещения по территории городского пространства, отмены повышения стоимости коммунальных услуг, а также отмены дистанционного формата учебного процесса и т.д. Плотность определенных запросов демонстрирует актуальный уровень проблем в регионах, а также подтверждает, что не всегда ресурсообеспеченные регионы в равной степени социально активны.

Социальные инициативы населения в настоящее время, несмотря на разноуровневый характер, имеет единую направленность: актуализация внимания власти к социальной поддержке определенных социальных групп, наличие стремления к ретроспективному взгляду на обновление социальной реальности с сохранением имеющихся адаптивных образцов коммуникации.

Заключение (Conclusion). В настоящее время социальные инновации предоставляют новые возможности для населения в соучастии и решении актуальных проблем территорий.

Фиксируется дифференцированный подход жителей в применении инноваций с учетом интересов «центр-периферия», проявляется заданность в транслируемых обращениях. При анализе общественных инициатив контрастна тематика федерального и регионального значения: обращение и трансляция идей на федеральном уровне учитывает стремление граждан к реализации тех запросов, которые могут быть реализованы только при участии органов власти и подчеркивают статусно-ролевую принадлежность личности в обществе, тогда как региональный срез отражает местное видение жителя конкретной территории (жизни «здесь и сейчас»).

Согласно содержанию представленных в работе рейтингов и данных по регионам, можно заключить зависимость инновационной активности регионов от их открытости (готовности) к освоению нового, а также расположения по отношению к властным и иным видам ресурсов.

Следующим обстоятельством, оказывающим влияние, является физическое расположение региона и проявление инновационной активности обусловлено ориентацией запросов и инициатив преимущественно с учетом внутренних ресурсов развития.

Согласно заявляемых общественным инициативам и рейтингам развития регионов наблюдается формализация проблемного поля социальных инновации обозна-

vrn.ru/doku.php/proekt_otkrytoe_pravitelstvo_v_voronezhskoj_oblasti (дата обращения: 03.05.2021).

чаемых с учетом коридора возможностей, запросов и актуальных интересов регионального (территориального).

Отметим, что социальные инициативы населения акцентируют внимание на определенных проблемах жизненного и социального пространства, являются показателем неучтенных противоречий, которые могут рассматриваться как основания для инновационного развития региона.

Список литературы

Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования. 2021. Т. 47, № 1. С. 87-97. DOI: 10.31857/S013216250013572-2

Голова И. М., Суховей А. Ф. Дифференциация стратегий инновационного развития с учетом специфики российских регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 1294-1308. DOI: https://doi.org/10.17059/2019-4-25

Курбатов В. И., Крупеникова Л. Ш. Ракурсы социологического исследования сетевых сообществ Интернета // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19, № 3. С. 50-58.

Кученкова А. В. Измерение субъективного благополучия на основе текстов социальных медиа: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 92-101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101.

Лапин Н. И. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир, 2016. 356 с.

Лапин Н. И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 105-136. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.542.

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135-160.

Национальные проекты в регионе: ресурсы местных сообществ Кузбасса / Е. А. Кранзеева, Е. В. Головацкий, А. Л. Бурмакина, Я. А. Брандт // Управление устойчивым развитием. 2020. № 5 (30). С. 57-68.

Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: Типография, 2016. 556 с.

Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др.; под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.

Рейтинг инновационных регионов России. Ассоциация инновационных регионов России. Версия 2018. 53 с. URL: https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

Ромащенко Т. Д., Кисова А. Е. Социальные инновации: содержание, субъектные формы и классификация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. Т. 3. С. 25-33. DOI: 10.17308/econ.2020.3/3102.

Самаркина И. В., Башмаков И. С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Политические исследования. 2021. № 2. С. 99-112. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.07.

Семенов А. В. Цифровая инфраструктура городской мобилизации как предмет социологического анализа // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: мат-лы Всерос. науч. конф. XIV Ковалевские чтения 12-14 ноября 2020 г. / отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 206-207.

Соучастие населения региона в реализации национальных проектов: ретроспектива и перспектива / Е. А. Кранзеева, А. В. Орлова, Н. В. Нятина, Н. Н. Григорик // Регионология. 2020. Т. 28, № 3 (112). С. 490-515.

Тенденции развития социальных инноваций / Е. В. Попов, Ж. К. Омонов, И. В. Наумов, А. Ю. Веретенникова // TERRA ECONOMICUS. 2018. Т. 16, № 3. С. 35-59. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3- 35-59.

Щербина В. В. Социальные теории организации: словарь. М.: Инфра-М, 2000. 264 с.

Bogers M., Chesbrough H., Moedas C. Open Innovation: ReseaRch, PRactices, and Policies // California Management Review. 2018. Vol. 60. Iss. 2. Pp. 5-16. DOI: 10.1177/0008125617745086.

Bommert B. Collaborative Innovation in The Public Sector // International. Public Management Review electronic Journal. 2010. Vol. 11. Iss. 1. Pp. 15-33.

Borri N., Giorgio G. Systemic risk and the COVID challenge in the European banking sector // Journal of Banking & Finance. 2021. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2021.106073.

Cajaiba-Santana G. Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 82. Pp. 42-51.

Carrozza C. Re-conceptualizing social research in the «digital era». Issues of scholarships, methods, and epistemologies // Análise Social. 2018. 53 (228). Pp. 652-671.

Chesbrough H. Everything You Need to Know About Open Innovation // Forbes. 2011. URL: https://www.forbes.com/sites/henrychesbrough/2011/03/21/everything-you-need-to-know-about-open-innovation/?sh=3c4865d375f4 (дата обращения: 22.03.2021).

Dietrich M., Znotka M., Guthor H., Hilfinger F. Instrumental and Non-instrumental Factors of Social Innovation Adoption. 2016. 27. Pp. 1950-1978. DOI: 10.1007/s11266-015-9639-2.

Hall P.A. Conclusion: The political power of economic ideas // The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism Across Nations. Princeton: Princeton University Press, 1989. Pp. 361-392.

Kim Y. New Opportunities for Sociological Research: A Discussion of the Usefulness of Mixed Methods with Data Science // Journal of Asian Sociology. 2019. 48 (3), Pp. 343-358. DOI: 10.2307/26783836.

Latouche P. Open Innovation: Human Set-up. Wiley-ISTE, 2020. 272 p.

Open Region: Creating and exploiting opportunities forinnovation at the regional scale / S. Schmidt, F. C. Müller, O. Ibert, V. Brinks // European Urban and Regional Studies. 2017. Vol. 25. Iss. 2. Pp. 187-205. DOI: 10.1177/0969776417705942.

Research trends in the use of augmented reality in science education: Content and bibliometric mapping analysis / F. Arici, P. Yildirim, S. Caliklar, R. M. Yilmaz // Comput. Educ. 2019. Vol. 142. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103647.

Social Innovation: Blurring Boundaries to Reconfigure Markets / A. Nicholls, A. Murdock (eds.). Basingsstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 302 p.

Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology / E. Golovatsky, E. Kranzeeva, A. Orlova, A. Burmakina // International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 289. Pp. 8-13. DOI: 10.2991/csis-18.2019.2.

Transformative social innovation and (dis)empowerment / F. Avelino, J. M. Wittmayer, B. Pel, P. Weaver, A. Dumitru, A. Haxeltine, R. Kemp, M. S. Jorgensen, T. Bauler, S. Ruijsink, T. O'Riordan // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 145. Pp. 195-206. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.002.

Trau F. The organisational factor and the growth of firms // Cambridge Journal of Economics. 2017. Vol. 41. Iss. 3. Pp. 749-774. DOI: 10.1093/cje/bev082.

van der Have R.P., Rubalcaba L. Social innovation research: an emerging area of innovation studies? // Research Policy. 2016. Vol. 45. Iss 9. Pp. 1923-1935. DOI: 10.1016/j.respol.2016.06.010.

van Lunenburg M., Geuijen K., Meijer A. How and Why Do Social and Sustainable Initiatives Scale? // A Systematic Review of the Literature on Social Entrepreneurship and Grassroots Innovation. 2020. Vol. 31. Pp. 1013-1024. DOI: 10.1007/s11266-020-00208-7.

References

Artamonova, Y. and Volodenkov, S. (2021), “Transformation of the Internet as a Space of Public and Political Communications: From Globalization to Glocalization”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 87-97. DOI: 10.31857/S013216250013572-2. *(In Russian)*

Golova, I. M. and Sukhovey, A. F. (2019), «Differentiation of Innovative Development Strategies Considering Specific Characteristics of the Russian Regions», *Economy of region*, 15 (4), 1294-1308. DOI: 10.17059/2019-4-25. *(In Russian)*

Kurbatov, V. and Krupenikova, L. Sh. (2016), “Views of a sociological study of Internet network communities”, *Humanitarian of the South of Russia*, 19 (3), 50-58. *(In Russian)*

Kuchenkova, A. V. (2020), “Measuring subjective well-being based on social media texts. Overview of modern practices”, *RSUH/RGGU Bulletin. «Philosophy. Sociology. Art Studies» Series*, (4), 92-101. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-92-101. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (2016), *Atlas of modernization of Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems*, Ves Mir, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Lapin, N. I. (2018), «Hybrid transit and the need for «modernization for all»», *Bulletin of the Institute of Sociology*, (27), 105-136. DOI: 10.19181/vis. 2018.27.4.542. *(In Russian)*

Luhmann, N. (1994), "Risk concept", *THESIS*, (5), 135-160. *(In Russian)*

Kranzeeva, E., Golovatsky, E., Burmakina, A. and Brandt, Y. (2020), "National projects in the region: resources of Kuzbass local communities", *Managing sustainable development*, (5), 57-68. *(In Russian)*

Online Research in Russia: Trends and Prospects (2016), in Shashkina, A. V., Devyatko, I. F. and Davydova, S. G. (ed), Tipografija, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Abdrakhmanova, G., Artemov, S., Bakhtin, P. et al. (2020), *Russian Regional Innovation Scoreboard. Issue 6*, in Gokhberg, L. (ed.), Nac. issled. un-t "Vysshaja shkola ekonomiki", HSE, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Rating of innovative regions of Russia. Association of Innovative Regions of Russia. Version 2018 [Online], Available at: https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf (Accessed 29 March 2021). *(In Russian)*

Romashchenko, T. D. and Kisova, A. E. (2020), "Social innovation: content, subject forms and classification", *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 3, 25-33. DOI: 10.17308/econ.2020.3/3102 *(In Russian)*

Samarkina, I. V. and Bashmakov, I. S. (2021), "Local identity and mechanisms of its conversion into constructive socio-political practices of youth", *Polis. Political Studies*, (2), 99-112. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.07 *(In Russian)*

Semenov, A. V. (2020), "Digital infrastructure of urban mobilization as a subject of sociological analysis", *Materials of All-Russian Scientific Conference of the XIV Kovalevskiy Readings «Digital society – a new format of social reality: structures, processes and development trends»*, in Skvortsov, N. G. and Asochakov, Yu. V. (eds.), St. Petersburg, Russia, 206-207. *(In Russian)*

Kranzeeva, E. A., Orlova, A. V., Nyatina, N. V. and Grigorik, N. N. (2020), "Participation of the Population of a Region in the Implementation of the National Projects: Retrospect and Prospect", *Regionology [Russian Journal of Regional Studies]*, 28 (3), 490-515. DOI: 10.15507/2413-1407.112.028.202003.490-515. *(In Russian)*

Popov, E. V., Omonov, J. K., Naumov, I. V. and Veretennikova, A. Y. (2018), "Trends in the development of social innovation", *TERRA ECONOMICUS*, 16 (3), 35-59. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3- 35-59. *(In Russian)*

Scherbina, V. V. (2000), *Social theories of organization: a dictionary*, Infra-M, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Bogers, M., Chesbrough, H. and Moedas, C. (2018), "Open Innovation: ReseaRch, PRactices, and Policies", *California Management Review*, 60 (2), 5-16. DOI: 10.1177/0008125617745086

Bommert, B. (2010), «Collaborative Innovation in The Public Sector», *International. Public Management Review Electronic Journal*, 11 (1), 15-33.

Borri, N. and Giorgio, G. (2021), "Systemic risk and the COVID challenge in the european banking sector", *Journal of Banking & Finance*. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2021.106073.

Cajaiba-Santana, G. (2014), "Social innovation: Moving the field forward. A conceptual framework", *Technological Forecasting and Social Change*, 82, 42-51.

Carrozza, C. (2018), "Re-conceptualizing social research in the «digital era». Issues of scholarships, methods, and epistemologies", *Análise Social*, 53 (228), 652-671.

Chesbrough, H. (2011), "Everything You Need to Know About Open Innovation", *Forbes*, Available at: https://www.forbes.com/sites/henrychesbrough/2011/03/21/everything-you-need-to-know-about-open-innovation/?sh=3c4865d375f4. (Accessed 22 March 2021).

Dietrich, M., Znotka, M., Guthor, H. and Hilfinger, F. (2016), Instrumental and Non-instrumental Factors of Social Innovation Adoption, 27, 1950-1978. DOI: 10.1007/s11266-015-9639-2.

Hall, P. A. (1989), "Conclusion: The political power of economic ideas", in *The Political Power of Economic Ideas: Keynesianism Across Nations*, Princeton University Press, Princeton, 361-392.

Kim, Y. (2019), "New Opportunities for Sociological Research: A Discussion of the Usefulness of Mixed Methods with Data Science", *Journal of Asian Sociology*, 48 (3), 343-358. DOI: 10.2307/26783836.

Latouche, P. (2020), *Open Innovation: Human Set-up*, Wiley-ISTE.

Schmidt, S., Müller, F. C., Ibert, O. and Brinks, V. (2017), "Open Region: Creating and exploiting opportunities forinnovation at the regional scale", *European Urban and Regional*

Studies, 25 (2), 187-205. DOI: 10.1177/0969776417705942.

Arici, F., Yildirim, P., Caliklar, S. and Yilmaz, R. M. (2019), "Research trends in the use of augmented reality in science education: Content and bibliometric mapping analysis", *Comput. Educ.*, 142. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.103647.

Social Innovation: Blurring Boundaries to Reconfigure Markets (2012), in Nicholls, A. and Murdock, A. (eds.), Palgrave Macmillan, Basingsstoke.

Golovatsky, E., Kranzeeva, E., Orlova, A. and Burmakina, A. (2018), "Social Practices of Mobilizing Population Initiatives: Prospects for Hybrid Methodology", *Materials of International Conference on Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 289, 8-13. DOI: 10.2991/csis-18.2019.2.

Avelino, F., Wittmayer, J. M., Pel, B., Weaver, P., Dumitru, A., Haxeltine, A., Kemp, R., Jorgensen, M. S., Bauler, T., Ruijsink, S. and O'Riordan, T. (2019), "Transformative social innovation and (dis)empowerment", *Technological Forecasting and Social Change*, 145, 195-206. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.05.002.

Trau, F. (2017), «The organisational factor and the growth of firms», *Cambridge Journal of Economics*, 41 (3), 749-774. DOI: https://doi.org/10.1093/cje/bev082.

van der Have, R. P. and Rubalcaba, L. (2016), "Social innovation research: an emerging area of innovation studies?", *Research Policy*, 45 (9), 1923-1935. DOI: 10.1016/j.respol.2016.06.010.

van Lunenburg, M., Geuijen, K. and Meijer, A. (2020), "How and Why Do Social and Sustainable Initiatives Scale?", *A Systematic Review of the Literature on Social Entrepreneurship and Grassroots Innovation*, 31, 1013-1024. DOI: 10.1007/s11266-020-00208-7.

Статья поступила в редакцию 29 мая 2021 г. Поступила после доработки 30 сентября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 29 May 2021. Revised 30 September 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Кранзеева Елена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Головацкий Евгений Васильевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Орлова Анна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Нятина Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Бурмакина Анна Леонидовна, старший преподаватель кафедры социологических наук ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово, Россия.

Elena An. Kranzeeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Evgeny V. Golovatsky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Anna Vl. Orlova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Natalya Vl. Nyatina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Anna L. Burmakina, Senior Lecturer, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

(cc) BY

Дискуссионная статья

УДК. 316.34

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-0

Панфилова Ю. С.

Профессиональные династии в организации: репутационный ресурс или источник напряженности (на примере медицинской и академической профессиональных сфер)

Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, д. 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия
panfilovajulia@mail.ru

Аннотация. Профессиональные династии обладают двойственным потенциалом: с одной стороны, они являются авторитетными агентами трансляции профессиональных знаний и норм, а с другой – группами монополизации ресурсов. В открытых обществах династии выступают институтами более глубокого включения в профессиональные сферы со специфической подготовкой. В порядках закрытого доступа профессиональные династии приватизируют статусы и ресурсы. В статье на материалах опроса нединастийных сотрудников медицинских организаций и вузов России автор предпринимает попытку выяснить, чем является династийность в медицине и образовании сегодня: репутационным ресурсом или источником напряженности в коллективе. По итогам анализа автор приходит к выводу: несмотря на то, что со стороны нединастийных членов коллективов представители профессиональных династий продолжают восприниматься как носители и трансляторы профессиональных знаний, норм и этики, основная функция профессиональных династий заключается в создании монополий. Учитывая тот факт, что в восприятии нединастийных коллег уровень профессионализма выходцев из династий не является более высоким, чем у других работников, карьерные преимущества последних видятся остальными сотрудниками как неконкурентные. Более того, передача «по наследству» управленческих должностей воспринимается как фактор снижения эффективности работы организации или структурного подразделения. Это делает династийность источником напряженности.

Ключевые слова: профессиональная династия; репутация; монополия; приватизация статусов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в современном российском обществе».

Информация для цитирования: Панфилова Ю. С. Профессиональные династии в организации: репутационный ресурс или источник напряженности (на примере медицинской и академической профессиональных сфер) // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 157-166. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-0.

Discussion article

Yulia S. Panfilova

Professional dynasties in an organization: a reputation resource or a source of tension (in medical and academic professional fields)

Southern Federal University
105/42 Bol'shaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia
panfilovajulia@mail.ru

Abstract. Professional dynasties have dual potential. On the one hand, they are authoritative agents of the translation of professional knowledge and norms, and on the other, they are groups that monopolize resources. In open societies, dynasties are institutions for greater inclusion in professional fields with specific training. In closed access, professional dynasties privatize statuses and resources. Based on the survey of non-dynastic staff of medical organizations and higher educational establishments of Russia, the author attempts to identify the essence of todays' dynasties in medicine and education to determine whether they are a reputation resource or a source of tension. According to the findings, the main function of professional dynasties is to create monopolies despite the fact that non-dynastic group members still regard representatives of professional dynasties as carriers and translators of professional knowledge. Given the fact that in the perception of non-dynastic colleagues, the level of professionalism of representatives of dynasties is not higher than that of other workers, the latter's career advantages are perceived by their colleagues as non-competitive which makes dynasticity a source of tension.

Keywords: professional dynasty; reputation; monopoly; status privatization
Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Scientific Foundation, Project No. 19-18-00320 "Constructive and destructive potential of professional dynasties in modern Russian society".
Information for citation: Panfilova, Yu. S. (2021), "Professional dynasties in an organization: a reputation resource or a source of tension (in medical and academic professional fields)", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 157-166. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-0.

Введение (introduction). Профессиональная социализация через включение в трудовую династию являлась достаточно распространенной практикой в советский период российской истории. Этому способствовали как позитивный государственный дискурс (художественные фильмы, главными героями которых становились представители династий; «создание» типовых «нормальных» биографий в периодической печати и т.д.), так и структурные преобразования (создание системы льгот и гарантий, которые нельзя получить иначе как через принадлежность к профессиональному сообществу) (Ткач, 2004: 136-149; Иванова, 2016: 9308-9323; Нор-Аревян, 2019: 240-245; Ерегина, 2010). Развитие профессионального образования в послевоенные годы (за исключением отдельных сфер) привело, с одной стороны, к распространению межпоколенной профессиональной преемственности, а с другой – препятствовало полной монополизации социальных ресурсов со стороны представителей династий. К сожалению, в советской социологии нет данных об отношении общества к представителям профессиональных династий; в то же время пере-

численные выше факторы, а также данные нарративов позволяют нам сделать общий вывод (конечно, с некоторой долей условности) о том, что в целом династийность в советский период являлась важным ресурсом профессиональной репутации.

Коренные социально-экономические трансформации в 90-е годы прошлого века разрушили многие традиционные для советского общества институты, но, как отмечают исследователи, институт профессиональных династий получил новое, специфическое развитие в условиях российского капитализма (Вольчик, Посухова, 2019: 77-89). Медицинское сообщество, как и система высшего образования, становились все более закрытыми.

Данные опросов показывают, что медицина и наука в сознании россиян являются престижными сферами, в которых они видят профессиональное будущее своих детей[1]. Коммерциализация этих сфер (в медицине проявляющаяся в активизации частного сектора, превращении государственных больниц в хозяйствующие субъекты; в академической среде – в государственном финансирование научно-исследовательских проектов) приводят к усилению конкуренции за ресурсы и появлению различных групп влияния.

Сегодня научное сообщество поразному смотрит на потенциал династий в организациях. Так, в продолжение советской научной традиции ряд исследователей рассматривают династийность как репутационный ресурс. С этой точки зрения представители династий в организациях рассматриваются как носители и ретрансляторы уникальных профессиональных знаний, этики, авторитета, паттернов профессионального поведения (Зиброва, 2012: 19-20; Валиахметов, Туракаев, 2019: 20-29; Инженерные династии России: 2017). Другие исследователи делают акцент на конфликтогенном потенциале профессиональных династий в организациях (Вольчик, Посухова, 2019: 77-89; Клименко, Мостовая, Посухова, 2020: 65-74). Аргументация этой позиции складывается из утверждения о том, что в условиях так называемого кланового капитализма профессиональные династии стали его неотъемлемым атрибутом; проявляется это в негативном влиянии династий в организациях на формирование порядков открытого доступа через приватизацию статусов. В свою очередь, это создает социальную напряженность в трудовых коллективах, когда нединастийные работники вынуждены конкурировать при неравных стартовых условиях.

В сложившейся ситуации важно понять, чем является династийность в организациях: репутационным ресурсом или источником напряженности. Результаты социологических опросов разных лет показывают, что россияне положительно относятся к профессиональным династиям[2] (ВЦИОМ: база результатов опросов, 2021). В то же время важно понимать, что проекция на общество в целом, заложенная в инструментариях этих исследований, не дает нам понимания восприятия представителей династий при непосредственном профессиональном взаимодействии с ними. Вышесказанное актуализирует поиск ответов на вопросы: как нединастийные сотрудники организаций воспринимают коллег-представителей династий? Насколько сегодня династийность выступает ресурсом профессиональной репутации и авторитета? Каков ее конфликтогенный потенциал? Поиск ответов и определил вектор настоящего исследования.

Методология и методы (Methodology and methods). Эмпирической базой работы стали результаты опроса представи-

[1] База результатов опросов россиян «Архивариус» ВЦИОМ // ВЦИОМ: офиц. сайт. URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения: 20.05.2021); Родители выбирают для своих детей медицину и юриспруденцию // РОМИР: офиц. сайт. URL: https://romir.ru/studies/roditeli-schitayut-professiyu-vracha-naibolee-podhodyashchey-dlya-svoih-detey (дата обращения: 20.05.2021).

[2] База результатов опросов россиян «Архивариус» ВЦИОМ // ВЦИОМ: офиц. сайт. URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения: 20.05.2021).

телей профессиональных сфер, традиционно считающихся династийными: высшего образования, науки и медицины. Опрос работников медицинских организаций и вузов проводился с декабря 2020 г. по март 2021 г. в рамках проекта «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в современном российском обществе». Респонденты представляли вузы и медицинские организации трех городов: Москва, Ростов-на-Дону и Саратов (объем выборки составил 1500 человек; по 750 представителей каждой сферы, по 250 человек в каждом городе). Из них не идентифицировали себя в качестве представителей профессиональных династий 75% опрошенных из академической среды и 74% работников медицинской сферы. Результаты опроса нединастийных работников вузов и больниц и легли в основу настоящей работы.

Французский социолог П. Шовен видит основу репутационного потенциала в социальных оценках, которые могут носить формализованный и неформализованный характер (Шовен, 2014: 86). В настоящем исследовании дихотомия «репутационный ресурс – источник напряжения» была заложена в инструментарий опроса следующим образом: респондентам предлагалось высказать степень своего согласия с рядом утверждений (1) «Принадлежность к профессиональной династии мотивирует к более ответственному отношению к своей работе»; 2) «Благодаря профессиональным династиям лучше сохраняются и передаются трудовые ценности и корпоративные стандарты в профессии»; 3) «Профессиональные династии создают социальные монополии, ограничивающие доступ к престижным профессиональным статусам»; 4) «Неконкурентное продвижение за счет родственных связей и протекции ведет к профессиональной деградации представителей династий»; 5) «Занятие представителями профессиональных династий управленческих должностей ведет к понижению эффективности работы организации / структурного подразделения»). Также мы попросили респондентов оценить степень отличия уровня профессионализма представителей династий от других работников.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Прежде всего мы решили выявить, как опрошенные оценивают влияние профессиональных династий на медицинскую / академическую сферы. В обеих группах мы видим доминирование положительных градаций (данные представлены в таблице 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете влияние профессиональных династий на функционирование различных областей деятельности?»

Table 1

The distribution of respondents' answers to the question “How do you assess the influence of professional dynasties on the functioning of various areas of activity?”

	скорее положительное / rather positive	положительное и отрицательное в равной степени / positive and negative equally	скорее отрицательное / rather negative	никак не влияет / does not affect in any way	затрудняюсь ответить / difficult to answer
Врачи о медицинской сфере / Doctors about the medical field	**40,6%**	37,6%	8,2%	6,1%	7,5%
Работники вузов об академической сфере / University employees about the academic sphere	**39,4%**	34,9%	12,1%	8,6%	5,0%

Таким образом, в случае, когда оценки деперсонализированы (относятся к профессиональной сфере в целом, не затрагивают отдельные организации), династийность в медицине и высшем образовании воспринимается достаточно позитивно.

Следующий блок вопросов анкеты касался уже непосредственно оценок влияния династийности на функционирование трудовых коллективов. Здесь следует отметить, что подавляющее большинство опрошенных имели опыт взаимодействия с представителями профессиональных династий (85,7% респондентов из медицинской среды и 92,4% – из академической).

Ряд исследователей полагают, что принадлежность к профессиональной династии является важной частью репутационного капитала: помогает налаживать коммуникацию, завоевывать авторитет в коллективе, повышать уровень доверия в нем (Мансуров и др., 2020: 87). Данные нашего исследования позволяют согласиться с этими выводами частично.

Прежде всего мы выяснили, как в восприятии нединастийных работников больниц и вузов оценивается уровень профессионализма выходцев из династий. Результаты показывают следующее: каждый второй респондент из медицинской сферы и 44,4% из академической среды полагают, что профессионализм представителей династий в среднем такой же, как и у обычных работников; каждый десятый врач и 15% работников вузов полагают, что среди выходцев из династий высок уровень депрофессионализации. В связи с этим можно предположить, что выгоды, приобретенные представителями профессиональных династий за счет семейного старта, будут восприниматься нединастийными работниками негативно.

Распределения ответов на следующие вопросы подтверждают этот вывод. Так, монополизация руководящих позиций представителями династий оценивается нединастийными представителями обеих сфер крайне отрицательно: большинство респондентов полагают, что в случае, когда представитель династии становится во главе организации или подразделения, эффективность работы последнего снижается (данные представлены в таблице 2). Это свидетельствует о низком уровне группового доверия со стороны нединастийных сотрудников. Отметим также, что доля крайне негативных градаций заметно выше в группе опрошенных из академической среды; в их числе, как показывает срез по отраслям, преобладают представители социально-гуманитарных наук.

Таблица 2

Управленческий потенциал представителей профессиональных династий в оценках нединастийных работников

Table 2

Management potential of representatives of professional dynasties in assessments of non-dynamic workers

Выскажите согласие со следующим утверждением: «Занятие представителями профессиональных династий управленческих должностей ведет к понижению эффективности работы организации/структурного подразделения», где «1» – совершенно не согласен, «5» – полностью согласен / Agree with the following statement: “The occupation of managerial positions by representatives of professional dynasties leads to a decrease in the effectiveness of the organization/structural unit”, where “1” – completely disagrees, “5” – completely agrees						
	1	2	3	4	5	Затрудняюсь ответить / difficult to answer
Врачи / Doctors	9,3%	11,4%	27,2%	**24,3%**	**21,5%**	6,6%
Работники вузов / University employees	3%	6,7%	25,2%	**24,8%**	**37,9%**	2,1%

Полученные данные показывают, что профессиональные династии в восприятии нединастийных сотрудников связаны с активным применением первыми неформальных правил, дающих административную власть и возможность извлекать институциональную ренту. Так, большинство респондентов из обеих сфер рассматривают династии как инструмент монополизации престижных социальных статусов и должностей (41,7% среди врачей и 53,3% среди ученых и преподавателей). На практике это связано с формированием порядков закрытого доступа, когда поколенческая трансмиссия статусов происходит через приватизацию должностей, дающих право на получение выгод. В этой ситуации принадлежность к династии рассматривается нединастийными работниками как один из ведущих факторов неконкурентного преимущества, причем в медицинской сфере эта функция семейственности отмечается значительно чаще. По данным, представленным в таблице 3, видно, что большинство нединастийных врачей и работников вузов разделяют точку зрения о том, что принадлежность к профессиональной династии обеспечивает младшему поколению быстрый профессиональный старт. Учитывая приведенные выше оценки уровня профессионализма династийных работников в сравнении с остальными, можно сделать вывод: этот быстрый старт не связывается в сознании респондентов с высокими профессиональными компетенциями. В сложившейся ситуации нетрудно понять, что такая форма продвижения создает очаги напряженности в коллективах и не «играет» на повышение значимости династийности как репутационного капитала.

Таблица 3

Династии как фактор профессионального старта в оценках нединастийных работников

Table 3

Dynasties as a factor of professional start in the assessments of non-dynamic workers

Выскажите согласие со следующим утверждением: «Принадлежность к профессиональной династии обеспечивает младшему поколению быстрый профессиональный старт», где «1» – совершенно не согласен, «5» – полностью согласен / Agree with the following statement: “Belonging to a professional dynasty provides the younger generation with a quick professional start”, where “1” – completely disagrees, “5” – completely agrees						
	1	2	3	4	5	Затрудняюсь ответить / difficult to answer
Врачи / Doctors	4,8%	2,7%	17,4%	**35,4%**	**37,4%**	2,3%
Работники вузов / University employees	3,2%	10,3%	29,4%	**27,3%**	**26,2%**	3,7%

Отсутствие необходимости конкурировать, по мнению респондентов, не относящих себя к династиям, ведет к профессиональной деградации династийных коллег: так считают 48% врачей и 62,5% работников вузов. Это еще раз подтверждает сделанный выше вывод о том, что династийность в сознании респондентов ассоциируется в первую очередь с сохранением монополии на групповые привилегии и только потом с воспроизводством профессиональных знаний. Особенно это касается нестоличных медицинских организаций и вузов: более конкурентная профессиональная среда Москвы нивелирует некоторые эффекты семейственности, поэтому здесь связь между династийностью и профессиональной деградацией применитель-

но к обеим сферам просматривается реже (хотя показатели достаточно высоки). В свою очередь возможности преодоления барьеров и ограничений, обусловленных условиями жизненного старта (семейного происхождения) в региональных профессиональных структурах на фоне повышения эксклюзивности каналов межпоколенной социальной мобильности снижается (Панфилова, 2017: 252). Происходит так называемая квазиприватизация статусов: невозможность формализованной передачи ресурсов в государственных структурах обуславливает стремление династий закрыть доступ к ресурсным должностям. Это дает возможность оставаться на должностных позициях, не развивая конкурентные преимущества. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Династийность как фактор профессиональной деградации в оценках нединастийных работников

Table 4

Dynamism as a factor of occupational degradation in the estimates of non-dynamic workers

Выскажите согласие со следующим утверждением: «Неконкурентное продвижение за счет родственных связей и протекции ведет к профессиональной деградации представителей династий», где «1» – совершенно не согласен, «5» – полностью согласен / Agree with the following statement: “Non-competitive promotion through kinship ties and patronage leads to professional degradation of representatives of dynasties”, where “1” – completely disagrees, “5” – completely agrees			
	Москва / Moscow	Ростов-на-Дону / Rostov-on-Don	Саратов / Saratov
Врачи, выбравшие позиции «4» и «5» / Doctors who selected the positions “4” and “5”	32,4%	51,6%	43,6%
Работники вузов, выбравшие позиции «4» и «5» / University employees who chose the positions “4” and “5”	33,4%	55,6%	53,6%

Однозначно признавая негативные эффекты профессиональных династий, врачи и работники вузов несколько расходятся в оценке позитивных эффектов. Репутационный потенциал династий при всех издержках выше оценивается медиками. Так, мы попросили респондентов оценить способность династийных работников сохранять и транслировать трудовые ценности и корпоративные стандарты. Данные показывают, что почти каждый второй (52,1%) респондент-врач оценивает этот потенциал как высокий. Среди опрошенных, представляющих академическую среду, доля положительных оценок несколько ниже (47%). Еще большее расхождение мнений наблюдается при распределении ответов на вопрос о том, насколько принадлежность к династии определяет более ответственное отношение к работе: если среди врачей этот тезис разделяют почти половина опрошенных, то среди представителей академической среды меньше трети (данные представлены в таблице 5).

Таким образом, мы можем говорить о двойственности в восприятии династий в медицинских организациях: с одной стороны, врачи достаточно остро воспринимают наличие неконкурентных преимуществ, а с другой – признают репутационный потенциал династий, выражающийся в ретрансляции профессиональных норм и отношения к делу. В свою очередь работники вузов чаще отмечают деструктивный потенциал профессиональных династий в коллективе, то есть репутационный ресурс династийности здесь отступает на второй план.

Таблица 5

Репутационный потенциал профессиональных династий
в оценках нединастийных работников

Table 5

Reputational potential of professional dynasties in assessments of non-dynamic workers

Выскажите согласие со следующим утверждением: «Благодаря профессиональным династиям лучше сохраняются и передаются трудовые ценности и корпоративные стандарты в профессии», где «1» – совершенно не согласен, «5» – полностью согласен / Agree with the following statement: “Thanks to professional dynasties, labor values and corporate standards in the profession are better preserved and transferred”, where “1” – completely disagrees, “5” – completely agrees						
	1	2	3	4	5	Затрудняюсь ответить / difficult to answer
Врачи / Doctors	8,4%	8,9%	27,2%	**27,2%**	**24,9%**	3,4%
Работники вузов / University employees	6,2%	14%	31%	**29,7%**	**17,2%**	1,9%
Выскажите согласие со следующим утверждением: «Принадлежность к профессиональной династии мотивирует к более ответственному отношению к своей работе», где «1» – совершенно не согласен, «5» – полностью согласен / Agree with the following statement: “Belonging to a professional dynasty motivates a more responsible attitude to your work”, where “1” – completely disagrees, “5” – completely agrees						
	1	2	3	4	5	Затрудняюсь ответить / difficult to answer
Врачи / Doctors	6,6%	11,6%	26,8%	**24%**	**22,5%**	5,7%
Работники вузов / University employees	11,2%	19,3%	36,8%	**18,9%**	**12%**	1,8%

Заключение (Conclusions). Подводя итог проведенному анализу можно говорить о том, что сегодня в медицинской и академической сферах династийность является в большей степени источником напряженности, нежели репутационным ресурсом. Конечно, со стороны нединастийных членов коллективов представители профессиональных династий все еще продолжают восприниматься как носители и трансляторы профессиональных знаний, стандартов и этических норм. В то же время, как показали результаты опроса, основная функция профессиональных династий, по мнению тех, кто в них не включен, заключается в монополизации ресурсов и приватизация статусов. Эти эффекты усиливаются в условиях общего закрытия социально-профессиональной структуры и роста эксклюзивности каналов социальной мобильности, характерных для обществ кланового капитализма, когда создание монополий является одним из самых эффективных способов установления контроля за ресурсами. Учитывая тот факт, что в восприятии нединастийных коллег уровень профессионализма выходцев из династий не является более высоким, чем у других работников, а отсутствие необходимости конкурировать со временем еще

больше снижает уровень профессионализма выходцев из династий, карьерные преимущества последних видятся остальными сотрудниками как изначально неконкурентные. Более того, передача «по наследству» управленческих должностей воспринимается как фактор снижения эффективности работы организации или структурного подразделения. Важно отметить, что принадлежность к медицинской или академической среде не играет заметной роли в оценке негативных эффектов профессиональных династий. Это свидетельствует о высоком конфликтогенном потенциале династийности в трудовых коллективах.

Список литературы

Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Профессиональная династия как ресурс человеческого капитала и образовательной стратегии населения // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2 (100). С. 20-29.

Вольчик В. В., Посухова О. Ю. Институт профессиональных династий в контексте кланового капитализма // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11(4). С. 77-89.

Год науки: инициативный вопрос ВЦИОМ // ВЦИОМ: офиц. сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-nauki (дата обращения: 20.05.2021).

Ерегина Н. Т. Подготовка медицинских кадров в высшей школе России в 1917 – начале 1950-х гг.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2010. 651 с.

Зиброва Е. А. Профессиональные установки трудовых династий как фактор успешности профессиональной деятельности специалистов железнодорожного транспорта: автореф. дис. … канд. психол. наук. Хабаровск: ДальГУПС, 2012. 21 с.

Иванова Е. Ю. Государственная поддержка инженерных династий в России в историческом контексте // Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 9308-9323.

Инженерные династии России [под ред. В. А. Мансурова]. М.: Российское общество социологов, 2017. 331 с.

Клименко Л. В., Мостовая И. В., Посухова О. Ю. Профессиональная династийность как модель локального микросетевого производства // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 5. С. 65-74.

Нор-Аревян О. А. Факторы и преимущества формирования профессиональных династий врачей в советский период // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 240-245.

Панфилова Ю. С. Макросоциальные факторы межпоколенной мобильности населения в Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 1. С. 250-254.

Профессиональные династии: воспроизводство профессиональных групп / В. А. Мансуров [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 208 с.

Ткач О. А. Рабочая династия: идеологический проект советского государства // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках: Чтения памяти Вениамина Иофе. Сборник докладов. 2004. С. 136-149.

Шовен Пьер-Мари Социология репутаций. Одно определение и пять вопросов // Отечественные записки. 2014. № 1 (58). С. 85-99.

References

Valiakhmetov, R. M. and Turakaev, M. S. (2019), “Intergenerational Occupational Mobility as a Resource of Human Capital and an Educational Strategy of Population”, *Vestnik VEGU*, (2), 20-29. *(In Russian)*

Vol'chik, V. V. and Posukhova, O. Yu. (2019), “Institute of professional dynasties in the context of crony capitalism”, *Journal of Institutional Studies*, (11), 77-89 *(In Russian)*

Year of Science (2021) WCIOM: official site [Online], available at: https: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-nauki (Accessed 20 May 2021) *(In Russian)*

Eregina, N. T. (2010), “Training of medical personnel at the higher school of Russia in the 1917 – early 1950s.”, D. Sc. Thesis, North-West Institute of management, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Zibrova, E. A. (2012), “Professional attitudes of labor dynasties as a factor in the success of professional activity of railway transport specialists”, Abstract of Ph.D. dissertation, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia. *(In Russian)*

Ivanova, E. Yu. (2016), “State support of engineering dynasties in Russia in a historical

context", *V All-Russian Sociological Congress*, Moscow, Russia, 9308-9323. *(In Russian)*

Engineering dynasties in Russia (2017), in Mansurov, V. A. (ed.), Rossiyskoe obshhestvo sotsiologov, Moscow, Russian. *(In Russian)*

Klimenko, L. V., Mostovaya, I. V. and Posuhova, O. Yu. (2020), "Professional dynasty as a model of local micro-network production", *Humanities of the South of Russia*, 9 (5), 65-74. *(In Russian)*

Nor-Arevyan, O. A. (2019), "Factors and advantages of the formation of professional dynasties of doctors in the Soviet period", *State and municipal management scholar notes*, (4), 240-245. *(In Russian)*

Panfilova, Yu. S. (2017), "Macrosocial factors of inter-generational mobility of the population in the Rostov region", *State and municipal management scholar notes*, (1), 250-254. *(In Russian)*

Professional dynasties: reproduction of professional groups (2020), in Mansurov, V. A. (ed.), FNISC RAN, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Tkach, O. A. (2004), "Working dynasty: an ideological project of the Soviet state", *Right to name: biographies of the twentieth century. Biographical method in social and historical sciences: Readings of the memory of Benjamin Jofe*, St. Petersburg, Russia, 136-149. *(In Russian)*

Shoven, P'er-Mari (2014), "Sociology of Reputations. One definition and five questions", *Domestic notes*, (1), 85-99. *(In Russian)*

Статья поступила в редакцию 29 июля 2021 г. Поступила после доработки 20 сентября 2021 г. Принята к печати 10 декабря 2021 г.

Received 20 July 2021. Revised 20 September 2021. Accepted 10 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Панфилова Юлия Сергеевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Yulia S. Panfilova, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Department of Branch and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-1

Муханова М. Н.

Трансформация российского села в условиях цифровизации агропромышленного комплекса

Институт Социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
mukhanova_m@rambler.ru

Аннотация. Трансформация и социально-структурные процессы российского села, и проблема цифровизации АПК в статье связаны с формированием стратегического управления сельским хозяйством и с действиями государства, направленными на новое технологическое оснащение производства и перспективами его преобразования в системообразующую отрасль отечественной экономики. Каково состояние и потенциал трудовых ресурсов, влияние субъектов сельскохозяйственного производства на аграрный рынок труда в условиях цифровизации и изменившейся социокультурной сельской среды? Эти проблемы рассматриваются на больших массивах лонгитюдного исследования Росстата с 2011 г. В 2020 году сельская выборка составила 40039 респондентов, в том числе 15501 занятых в экономике, проживающих в 18468 домохозяйствах. Выявлено, что цифровизация фрагментирована в сельском хозяйстве, агропромышленном комплексе, она затрагивает крупнейших производителей, осуществляющих масштабные государственные инвестиции и которые сосуществуют с более традиционными технологическими структурами. Число занятых в сельском хозяйстве сокращается, расширяется занятость в несельскохозяйственных отраслях в неформальном секторе, наблюдается отток сельского населения в города. Тем не менее тенденции, наблюдаемые в сельской местности, расширяют институциональные возможности селян, что свидетельствует о переходе к следующему этапу рыночной экономики, основанной на интеллектуализации труда, новых требованиях в трудовой практике работников, что повлечет за собой изменения в социально-структурных процессах российского села.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс (АПК) сельское хозяйство; рынок труда; трансформация, занятость сельского населения, цифровизация

Информация для цитирования: Муханова М. Н. Трансформация российского села в условиях цифровизации агропромышленного комплекса // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 167-179. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-1.

Original article

Maria N. Mukhanova

Transformation of the Russian village in the conditions of digitalization of the agro-industrial complex

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences
bld. 24/35, 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
mukhanova_m@rambler.ru

Abstract. The socio-structural processes of the Russian village and the problem of digitalization of the agro-industrial complex in the article are associated with the formation of strategic management of agriculture and with the actions of the state aimed at new technological equipment of production and the prospects for its transformation into a system-forming branch of the domestic economy. What is the state and potential of labor resources, the impact of agricultural actors on the agricultural labor market under the conditions of digitalization and the changed socio-cultural rural environment? These problems have been examined in large arrays of a longitudinal study by Rosstat since 2011. In 2020, the rural sample consisted of 40,039 respondents, including 15,501 employees employed in the economy, living in 18,468 households. It is revealed that digitalization is fragmented in the agro-industrial complex, it affects the largest producers who implement large-scale public investments, and which coexists with more traditional technological structures. The number of people employed in agriculture is decreasing, employment in non-agricultural sectors in the informal sector is expanding, there is an outflow of the rural population to cities. Nevertheless, the trends observed in the agro-industrial complex and in rural areas also expand the institutional capabilities of the villagers. This indicates the movement to the next stage of a market economy based on the intellectualization of labor, new requirements in the labor practice of employees, which will entail new changes in the socio-structural processes of the Russian countryside.

Keywords: agro-industrial complex; agriculture; transformation; employment of rural population; labor market; digitalization

Information for citation: Mukhanova, M. N. (2021), “Transformation of the Russian village in the conditions of digitalization of the agro-industrial complex”, *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 167-179. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-1.

Введение (Introduction). За последние четверть века рыночных преобразований российское село коренным образом изменилось и стало точкой отсчета для развития новой социальной реальности. Трансформация основных фундаментальных параметров экономической и политической деятельности в стране привела к кардинальным изменениям в аграрной структуре, где наряду с сельхозорганизациями и ЛПХ, появились новые субъекты сельхозпроизводства – Крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ), Агрохолдинги, агрофирмы. Это стало этапом формирования аграрного капитализма и его влиянием на социально-структурные процессы российского села, в том числе возникновением новых структур – неформального сектора (Муханова, 2017, 2019). Ценности рыночной экономики потребление и консюмеризм изменили не только социокультурную среду, но также трудовые и социальные практики селян в сельских территориях.

Для большинства селян, особенно среди молодого и среднего поколения, фактически выросшие в Интернете, цифровые технологии, связанные с рынком потребительских услуг, являются неотъемлемой частью в повседневной жизни и стали для них социокультурной средой.

По заверению Правительства, темпы роста АПК за последние годы по производству сельхозпродукции показывают высокие результаты. Россия становится основным поставщиком зерновых и других видов продовольствия на мировые рынки. Несмотря на пандемию Covid-19, урожай зерна в 2020 г. оказался одним из лучших в истории: 133,5 млн т., после 135,5 млн т. в 2017 г. В целом экспорт сельскохозяйственной продукции составил 30,7 млрд. долл. Рынок труда АПК сумел справиться с выполнением задач. Тем не менее, на аграрном рынке труда потребность в иностранной рабочей силе в 2021 г. составляет около 35 тыс. человек для выполнения посевной и уборочных работ[1]. Очевидно, что результаты достигнуты благодаря беспрецедентным объемам государственной поддержки. Аграрная политика направлена на инвестирование для развития, прежде всего, крупнейших производящих и перерабатывающих предприятий, реализующих масштабные проекты по обеспечению продовольственной безопасности страны, импортозамещению и наращиванию экспортного потенциала.

Методология и методы (Methodology and methods). Значимость предлагаемого исследования заключается в том, что на основе массива больших данных Росстата проанализированы трансформация социальной структуры российского села в условиях цифровизации АПК. Результаты исследований показали процесс замещения традиционной социальной структуры села новыми формами социального структурирования в агросфере. В этой связи сформулированы следующие гипотезы.

1. Социально-структурные процессы аграрного рынка труда определяются реформированием АПК, модернизацией сельского хозяйства на основе цифровизации и использования автоматизированных систем производства и управления, а также социально-экономическими издержками развития сельских территорий, безработицей, миграционной мобильностью трудоспособного сельского населения.

2. Трансформация социальной структуры обусловлена изменением концентрации занятости работников в отраслях АПК, перераспределением рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли. Это обусловило появление неформального сектора на аграрном рынке труда, что вызвало неопределенность, многомерность в сфере занятости и значительные социокультурные, ценностные изменения менталитете и образе жизни сельского населения.

Данные процессы детерминировали по выражению У. Бека «конец общества больших групп», именно «пораженная безработицей и нищетой общественная единица уже не группа и не класс, не слой, а порожденный рынком, и существующий в специфических условиях индивид» (Бек, 2000: 132). В этой ситуации процесс индивидуализации прерывает старые связи в сельском сообществе, возникают новые модели взаимодействия и коллективной идентичности, основанные на личных приоритетах.

Анализ занятости сельского населения на рынке труда АПК основан на панельных данных «Комплексное наблюдение условий жизни населения» проведенного Росстатом 2011-2020 гг. во всех субъектах РФ по заказу Правительства РФ в качестве базы для подготовки проектов и программ социальной политики, что говорит о надежности контроля и репрезентативности результатов. В 2011 г. методом интервью было опрошено 5763 с 16 лет, проживающих в 2835 сельских домохозяйствах. В 2020 г. сельская выборка увеличена и составила 40039 респондентов, из них

[1] Рабочая встреча с Д. Патрушевым в Кремле // Сельская Жизнь. 2021. № 13.

занятых в экономике 15501 работников, проживающих 18468 домохозяйствах с 16 лет в 85 субъектах в 9 Федеральных округах, в том числе Крымском регионе[1].

Для анализа социально-структурных процессов российского села использовались индикаторы, характеризующие состояние и качество рабочей силы на аграрном рынке труда, профессиональный статус занятости, оценки место занятости, отношение к труду, доходы, экономическое положение домохозяйств. Социально-структурные процессы в российском селе рассматриваются как социальное действие акторов и субъектов сельскохозяйственного производства под воздействием институциональных и технологических преобразований в сельском хозяйстве, АПК.

В качестве методологического сопровождения анализа социально-структурных процессов российского села используем понятия «цифровизации» и «технологизации сельскохозяйственного производства», которые являются параметрами социокультурной среды сельских территорий и содержательно раскрываются в таких понятиях, как агрохолдинги, агрофирмы, фермерские хозяйства, автоматизированные системы, Интернет, компьютеры, сервис-услуги, операторы, установщики оборудования и др. Они, сконструированные требованиями своего времени, становятся для селянина социокультурной зависимостью – ввиду применения знаний этой области в трудовой, социальной практике и в повседневной деятельности. «Автоматизация рутинных производственных процессов, инновационные изобретения, интернет вещей, робототехника, VR-реальность, Big Data – это все кардинально изменяет требования к квалификации сотрудников, заменяет устаревшие стандарты новыми, более сложными» (Широв, 2021).

Условимся понимать, что цифровизация как процесс в рамках «цифровой экономики – это деятельность людей по производству, распределению и потреблению материальных и нематериальных благ, при которой человек воздействует на автоматизированный блок управления средствами труда» (Белоусов, 2021: 32).

В последние годы такие понятия, как «точное сельское хозяйство», «интеллектуальное сельское хозяйство» и «цифровое сельское хозяйство» стали обычными явлениями и активно обсуждаются в политике и популярном дискурсе в странах ЕС и Великобритании о возможных рисках, последствиях и социальных издержках развития робототехники, автоматизации производства в агросфере. Внимание государственных фондов и средств массовой информации было направлено на продвижение вперед так называемой «четвертой сельскохозяйственной революции» (Rose, Chivers, 2018).

С. Филке, Б. Тейлор, Э. Джакку в своей публикации на основе анализа проблем влияния цифровизации на сельскохозяйственные сети знаний и консультаций как важных, но уязвимых элементов систем сельскохозяйственных инноваций провели структурированный обзор 276 работ западных исследователей, чтобы определить наиболее влиятельные тенденции в агросфере и их пересечение с новыми цифровыми разработками. В результате авторы выявили, что под «цифровизацией» понимается рост взаимодействие человека с компьютером и с информационно-коммуникационными технологиями. Цифровизация сельского хозяйства предполагает разработку, внедрение и итерацию цифровых технологий в сельскохозяйственном секторе. В Австралии и Новой Зеландии это понимается как цифровое сельское хозяйство, в странах ЕС – как интеллектуальное сельское хозяйство (Fielke, Taylor, Jakku, 2020).

[1]URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в августе 2021 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

В связи с этим среди исследователей рынка труда ведется дискуссия о проблемах занятости в рамках четвертой промышленной революции, основанной на роботизации, цифровизации и т.д. Проблема заключается в том, что внедрение новых инноваций, технологий чревато тем, что большинство занятых останутся не у дел, прогнозируется обвал на рынке труда из-за безработицы и депрофессионализации (Frey, Osborne, 2013). По мнению российских экспертов «эти разговоры начались тогда, когда ее плодов в общем было и не видно. … Сейчас пока не наблюдаются ни резкого ускорения динамики производительности труда (скорее – наоборот), ни признаков кардинальной ломки привычного образа жизни» (Капелюшников, 2018).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Практики цифровизации в АПК.* Нынешняя аграрная политика государства нацелена на модернизацию АПК, обусловлена общемировой тенденцией процессов четвертой промышленной революции и является одним из крупнейших потребителей цифровых технологий. Тем не менее, государство только в конце 2017 г. приняло решение о цифровизации российского АПК[1]. На сельских территориях, на развитие которых до 2025 г. планируется выделить 1,5 трлн руб., проживает более четверти населения РФ.

Основной задачей модернизации сельского хозяйства является цифровизация, при которой субъекты сельскохозяйственного производства и население могут решать финансово-экономические вопросы с помощью систем цифровых услуг АПК. Министерство сельского хозяйства рассчитывает, что в 2030 г. все производители финансовые и хозяйственные вопросы могут оформить в электронном виде. Для аграриев это – значительное сокращение средств и времени ежегодно, а издержки на подачу отчетности сократятся в 3 раза[2]. Данный процесс обеспечит быстрые и прозрачные операции, исключив из него человеческий фактор и различные теневые практики.

Еще одно важное направление – создание информационных систем для мониторинга и для решения управленческих задач, выполнения контрольных и надзорных функций, которые будут контролировать не только качество продукции и ее обработки, но и обеспечивать прозрачность рынка. Первые глобальные результаты цифровизации АПК будут уже в этом году, а к 2030 г. – все ключевые отраслевые процессы будут цифровизированы[3].

На текущий момент, как показывают наблюдения, инновации в АПК внедряются быстрее, а технологии влияют на все стороны жизни селянина, и вновь нарастают для него проблемы неопределенности, непредсказуемости в поиске работы на рынке труда, даже на краткосрочный период. В условиях неопределенности и безработицы что-либо конструировать, планировать в жизненной практике затруднительно. Как подчеркивается в Докладе Всемирного банка, «уходят в прошлое времена, когда десятилетиями можно было работать по одной специальности или в одной и той же компании»[4].

Именно востребованность на основе квалификации и компетентности в области цифровых технологий и менеджерских навыков становится основным критерием рабочей силы на аграрном рынке труда. Одна из важных проблем отрасли – это нехватка квалифицированных ИТ-кадров, и она не раз поднималась в ходе дискуссий

[1] Цифровизация сельского хозяйства URL: http://polit.ru/article/2018/02/21/sk_digital_farming/ (дата обращения: 23.02.2018).

[2] Россия может забыть о слове «дефицит» в отношении продуктов питания. Интервью с Д. Патрушевым // Сельская жизнь. 2020. № 28. С. 8.

[3] Россия может забыть о слове «дефицит» в отношении продуктов питания. Интервью с Д. Патрушевым // Сельская жизнь. 2020. №28. С. 8.

[4] Доклад о мировом развитии: Изменение характера труда. Вашингтон: Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк, 2019. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019 (дата обращения: 20.02.2021).

на различных заседаниях в Правительстве, Госдуме, Совете Федерации и др. Поэтому в крупнейших аграрных вузах с 2017 г. открыты кафедры цифровизации сельского хозяйства, где будут готовить квалифицированные кадры в этой области[1].

По мнению экспертов, цифровая экономика оказывает значительное влияние на занятость. Процесс цифровизации обещает интенсивное внедрение робототехники в сфере сельскохозяйственного производства, что приведет к росту безработицы и радикальному изменению структуры рабочей силы. По мнению других экспертов, таких радикальных изменений ожидать не стоит. Они не разделяют оптимизма тех, кто считает, что замена людей роботами – дело ближайшего будущего. Потребность в квалифицированной рабочей силе сохранится, и производство не останется без работников, обслуживающих цифровые устройства. Ведь роботы намного дороже неквалифицированной рабочей силы, то есть автоматизация экономически невыгодна для работодателя, что наблюдается в различиях в темпах ее проникновения в экономическую жизнь разных стран (Белоусов, 2021: 34, 36).

По мнению фермеров, все автоматизированные системы по обслуживанию животных требуют постоянного контроля, ибо сбои в их работе могут наблюдаться постоянно. Поскольку большинство электрических и водопроводных сетей функционируют еще с советских времен и устарели, также должна проводиться санитарная обработка помещений, оборудования и т.д. Поэтому присутствие рабочей силы в лице работника как субъекта деятельности со своими руками как средство производства по обслуживанию систем и оборудования обязательно (из интервью фермеров Калмыкии – автору). История показывает, что от широкого внедрения технологий выиграют, вероятнее всего, технологические компании и крупные фермерские хозяйства, в то время как небольшие фермерские хозяйства просто неспособны будут перестроиться.

Как показали исследования ОЭСР 2019-20 гг. по перспективам занятости за последние четверть века численность высококвалифицированных рабочих выросла примерно на 9% и занятых неквалифицированным трудом на 3%, а вот доля среднеквалифицированных сократилась на 11% (Белоусов, 2021: 35).

Социально-профессиональная структура занятых в АПК: состояние и качество рабочей силы, их материальное положение в условиях цифровизации. Цифровизация оказывает существенное влияние на аграрный рынок труда, способствует распространению и расширению неформальной занятости. Это является актуальной проблемой не только для российского рынка труда, но и общемировой практики. Неформальная занятость или занятость в неформальном секторе повышает требования к гибкости на рынке труда, что обуславливает неопределенность в трудовой практике для большинства селян. Например, «по некоторым оценкам, сейчас в США одно рабочее место в секторе цифровых технологий формирует условия для создания до восьми низкоквалифицированных рабочих мест в сфере услуг (официанты, продавцы, водители и т.д.). Понятно, что такая динамика ведет к нарастанию социальных проблем даже в ведущих экономиках мира» (Широв, 2021).

Сектор неформальной занятости сельского населения является одним из процессов реформирования АПК в последние четверть века. Формирование его обусловлено сокращением сельскохозяйственных организаций, появлением высокотехнологичных производств Агрохолдингов, агрофирм, где освобожденные работники сельского хозяйства не востребованы. Эти процессы обусловили рост безработицы, миграции, особенно среди молодежи, разных форм занятости среди сельского населения, а также сокращение сельской инфраструктуры (Муханова,

[1] Цифровизация сельского хозяйства URL: http://polit.ru/article/2018/02/21/sk_digital_farming/ (дата обращения: 23.02.2018).

2018, 2020). Неформальный сектор характеризуется тем, что работник находится в условиях выживаемости из-за незащищенности его социальных и трудовых прав, отсутствием формального трудового договора с работодателем (Муханова, 2017, 2019).

В России, занятые в неформальном секторе определяются статистикой как лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. Критерием определения единиц неформального сектора является отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица. К занятым в неформальном секторе относятся: индивидуальные предприниматели; лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей и физических лиц; помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.

По данным Росстата с 2017 г. учитываются только домохозяйства, производящую продукцию для продажи, ранее к этой категории относились также и те, кто продавал излишки продукции, оставшиеся после собственного потребления.

Далее Росстат уточняет, что «концепция неформального сектора отличается от понятия скрытой (теневой) экономики. Подавляющее большинство производственных единиц неформального сектора предоставляет товары и услуги, производство и распространение которых совершенно законно. Деятельность предприятий неформального сектора не обязательно связана с преднамеренным уклонением от уплаты налогов или взносов на социальное страхование, или нарушением трудового законодательства, или других правил. Однако некоторые из предприятий неформального сектора предпочитают оставаться незарегистрированными или нелицензируемыми, чтобы избежать выполнения всех или некоторых правил и таким образом снизить издержки производства»[1].

В 2019 г. в отраслевой структуре экономики РФ в неформальном секторе большинство занятых было в сельском хозяйстве (37,8%). Они в основном заняты в личном подсобном хозяйстве, фермерских хозяйствах, т. е. только лица, производящие продукцию преимущественно для продажи. Для сравнения, в отрасли торговли, ремонт техники и прочее, уровень занятости в неформальном секторе составило 28,7%. Численность безработных в селе составила 246 тыс. человек или 5,5%, тогда как в целом по РФ 4,6%. Из них только 69 тыс. квалифицированных рабочих сельского хозяйства находится в поиске работы. Тем не менее, численность занятых в неформальном секторе в сельском хозяйстве ЛПХ и КФХ ежегодно сокращается: с 28,7% в 2009 г. до 16,4% в 2019 г.[2]

Рассмотрим социально-профессиональную структуру занятых российского села, состояние и качество трудовых ресурсов в условиях цифровизации АПК, структурное содержание и факторы, влияющие на аграрный рынок труда, обусловленные изменениями сферы ценностных систем и их влиянием на поведенческие практики сельского населения (таблица).

Результаты анализа данных 2020 г. показывают, что доля занятых в формальном секторе сократилась практически по всем профессиональным группам по сравнению с 2018 г. Эти процессы обусловлены тем, что численность сельскохозяйственных организаций ежегодно сокращается из-за банкротства. По данным сельскохозяйственной переписи 2016 г. сель-

[1]Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат. сб. М.: Росстат, 2020. С. 88.
[2] Там же. С. 98, 136-137, 96.

скохозяйственные организации их численность с 2006 г. сократилась на 40% и составило 27,5 тыс.ед. с числом постоянных работников 1,137 млн человек (в 1990 г. было 10,5 млн) (Муханова, 2020).

Таблица

Профессиональная структура занятых по секторам, 2011-2020 гг., в %

Table

Professional structure of employees by sector, 2011-2020, %

Профессиональная структура / Professional structure	Вид сектора занятости на основной работе / Type of employment sector in the main job							
	Занятые в формальном секторе / Employed in the formal sector				**Занятые в неформальном секторе / Employed in the informal sector**			
	2011	**2014**	**2018**	**2020**	**2011**	**2014**	**2018**	**2020**
Руководители органов власти и управления всех уровней / Managers at all levels	4,3	5,6	3,7	3,9	2,5	3,6	5,0	5,5
Специалисты высшего уровня квалификации / Specialists of the highest qualification level	19,4	18,4	30,0	23,8	2,2	6,0	4,0	4,6
Специалисты среднего уровня квалификации / Mid-level specialists	18,0	17,6	12,8	13,3	3,8	5,0	3,0	4,3
Работники по подготовке информации, документов /Information and document preparation workers	5,0	3,6	5,5	5,0	0,7	0,9	1,1	0,8
Работники сферы обслуж. ЖКХ / Employees of the service sector, housing and communal services	9,4	9,8	15,4	15,0	25,2	21,3	27,5	25,7
Квалифицированные работники сельского хозяйства, промпредпр. / Qualified workers of agriculture, industrial enterprises	16,8	13,1	12,6	11,8	24,9	23,0	20,0	21,0
Операторы, аппаратчики, машинисты / Operators, instrument control men, machinists	10,2	15,7	15,5	14,8	16,1	16,5	17,0	17,0
Неквалифицированные рабочие / Unskilled workers	16,6	16,2	11,6	12,5	24,6	23,7	22,4	21,0
Итого	2088	12192	11645	11248	727	4285	4147	4253

Источник Росстат: «Комплексное наблюдение условий жизни населения», 2011-2020 гг.

Что касается занятых в неформальном секторе квалифицированных (21%) и неквалифицированных работников (21,0%), операторов, установщиков оборудования и машин (17%) их больше, чем в формальном секторе, где они соответственно составляют 11,8%, 14,8%, 12,5%. Какими профессиональными слоями наполнены эти группы? В состав квалифицированных сельскохозяйственных рабочих входят в основном фермеры и товарные производители личных подсобных хозяйств, а также овощеводы, полеводы и др. В группе квалифицированных рабочих промышленных предприятий преобладают каменщики, плотники, кровельщики, плиточники, сварщики, охранники, а также работниками легкой и пищевых предприятий – швеи, пекари, кондитеры.

Профессиональная группа операторов, аппаратчиков, установщиков оборудования и машин заняты в качестве механиков, механизаторов, комбайнеров, водителей грузового, пассажирского автотранспорта, легковых автомобилей, фургонов и др. Неквалифицированные рабочие представлены как разнорабочие в сфере строительства, на различных промышленных, сельскохозяйственных объектах.

В 2020 г. работников с высшим образованием в формальном секторе (28,3%) в два раза больше, чем в неформальном (13%). Численность работников со средним специальным (профессиональным) образованием (28%) в неформальном секторе меньше, чем с аналогичным уровнем образования в формальном секторе (33,3%). Доля работников со средним общим профессиональном образованием (23%), средним общим (21,5%), неполным средним (14%) в неформальном секторе преобладают над численностью занятых в формальном секторе – соответственно 19%, 13%, 5,7%.

Не наблюдается различий по возрастным группам большинство занятых в неформальном секторе (55%), как и формальном секторе (57%) находятся в возрасте 40–59 лет, и таким образом имеют опыт и практику профессиональной деятельности. Каждый четвертый в неформальном (26%) как и в формальном секторе (24%) находятся в расцвете трудовой деятельности – в возрасте 30-39 лет. Молодежь 15-29 лет на аграрном рынке труда, соответственно, составляют 11% и 10%. Они в численности сократились по сравнению с 2018 г. (14,5% и 12,3%). Молодежь ежегодно сокращается и даже в благоприятных климатических регионах юга России, в традиционно густонаселенных селах Северного Кавказа с высокой рождаемостью, они активно его покидает (Mukhanova, 2014).

В гендерной структуре есть своя специфика – большинство занятых в неформальном секторе составляют мужчины (61%). В формальном секторе в основном женщины (52%), так как они работают в государственных организациях (в школах, больницах, детсадах и др.).

Рассмотрим структуру, состав и доходы сельских домохозяйств. Домохозяйство, состоящее из одного члена (16%) как правило это пенсионеры, треть домохозяйств состоит из одной супружеской пары без детей или с другими членами семьи (33,6%) – в основном это селяне предпенсионного или пенсионного возраста и домохозяйство, имеющее в своем составе детей, составляют 43,2%, из них 9,5% являются многодетными.

В 2020 г. модальный (или самый распространенный) показатель среднего дохода сельского домохозяйства составлял 35 тыс. руб. (22%). Четверть домохозяйств (26%) имели средний доход до 22500руб. Менее половины домохозяйств (46%) имели средние доходы более 45 тыс. руб.

Легковые автомобили имеют в наличии 42% домохозяйств. Из них 13% владельцев используют его в качестве частного извоза, такси. Занятые в формальном (30%) и неформальном (29%) секторе не удовлетворены расстоянием до работы, а значит, работают они не по месту своего проживания. Поэтому от 10 до 30 и более поездок в месяц за пределы своего места

жительства совершают 46% работающих селян, до 10 поездок ежемесячно совершают 63,8%. Таким образом, почти половина селян (46%) работают не по месту своего проживания и являются маятниковыми мигрантами.

Для работы в сельской отрасли не обязательно быть жителем данного села или быть сельским жителем, поскольку Агрохолдинги применяют вахтовую форму работы и привлекают на сельхозобъекты рабочих из соседних регионов или городских жителей (Муханова, 2020).

В последние десятилетия расширение занятости в неформальном секторе и неформально занятых определено прежде всего тем, что на рынке АПК присутствуют производители капиталистических форм хозяйствования – агрофирмы, Агрохолдинги, фермерские хозяйства, где внедряются самые передовые цифровые технологии, изменившие производственные места, а значит и содержание многих форм занятости в современной модели рынка труда. Поэтому селяне с традиционными навыками производства не востребованы. Таким образом, АПК теряет свой облик благодаря компьютеризации, цифровизации, технологизации сельскохозяйственного производства. Физический труд в сельском хозяйстве как традиционная форма теряет свое значение, если меняется характер труда, то происходит изменение социальной структуры.

Работу в неформальном секторе, как и неформальную занятость можно определить, как незащищенную и нестабильную занятость. В 2020 г. согласно исследованию, почти каждый второй работающий в неформальном секторе работал на условиях устной договоренности (40%), что сопровождается различными рисками, определяемыми неопределенностью в трудовых отношениях и социально-экономическими последствиями неравенства, т. е. без каких-либо социальных гарантий. Половина работников неформального сектора не уверены и не удовлетворены надежностью работы (44%), таковых в формальном секторе вдвое меньше (22%). В группе риска в основном находятся работающие у индивидуальных предпринимателей (49%), в фермерском хозяйстве (51%), по найму у частных лиц (67,5%), неквалифицированные рабочие (48%), квалифицированные рабочие сельского хозяйства (32%), работники сферы обслуживания (35%). Поэтому проблема социального неравенства занятых в неформальном секторе и неформально занятых, соблюдение их прав и интересов в трудовых отношениях как наемных работников становится основаниями для институционализации их прав и защиты в условиях нестабильности, неопределенности на рынке труда.

Таким образом, сопоставление темпа перемен с темпом адаптации в постсоветский период показало, что селяне стали фактически жертвами трансформации, последствия которой могли бы стать разрушительными, когда фактически власть оставила борозды правления селом. И если бы не спасение себя «самими утопающими», когда селяне сумели воспользоваться сконструированной рыночной экономикой новыми моделями занятости неформального сектора. Неформальный сектор стал не только новой формой занятости сельского населения, но и послужил основным ресурсом для адаптации большинства из них к изменившимся социально-экономическим условиям и трансформировал их модели трудового поведения (Муханова, 2019). Эти процессы привели к перемещениям и изменениям в отраслевой структуре занятости на рынке труда в АПК (Муханова, 2017).

Заключение (Conclusions). 2020 год для большинства отраслей оказался одним из самых тяжелых за последние четверть века, только аграрный сектор достиг значительных результатов по экспорту и импортозамещению сельхозпродукции. И сегодня мир находится в условиях пандемии, которая усилила остроту видения социальных проблем села, и все существовавшие проблемы, как бедность, неопределен-

ность, напряженная мобильность селян в поисках заработка требует от них постоянных усилий к адаптации к новым сложившимся ситуациям, еще более усугубились. Из-за отсутствия работы продолжается миграция сельского населения в города в поисках лучших условий жизни. В целом занятые в неформальном секторе (как, и в формальном) имеют нестабильное положение на рынке труда, что вызывает у них чувство напряженности, неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне.

Как показывают анализ исследовательских практик зарубежных и отечественных публикаций и материалы СМИ, Интернет-ресурсы, сельское хозяйство превращается в одну из отраслей индустриального труда. С одной стороны, оно сохраняется как традиционное производство сельскохозяйственной продукции, а с другой – происходит *цифровизация* сельскохозяйственного труда, которая формируется в высокопроизводительных структурах, Агрохолдингах, агрофирмах, крупных СХО. Таким образом, цифровизация в АПК носит фрагментарный характер под ее воздействие попадают наиболее передовые технологические сегменты. Физический труд в сельском хозяйстве как традиционная форма теряет свое значение. Если меняется характер труда, то происходит изменение социальной структуры. Культура консьюмеризма стала порождением рыночной экономики и сформировала социокультурную среду, которая вытеснила традиционную систему ценностей, конструируя новые поведенческие практики селян.

На аграрном рынке труда увеличивается разрыв между трудом высокой и низкой квалификации (в основном представленным мигрантами) и высоким спросом на высококвалифицированных специалистов. Происходит вымывание оставшейся традиционной сельской рабочей силы. Таким образом, растет поляризация между рабочими разных квалификаций – это основная тенденция.

Параллельно указанной тенденции складывается ситуация, когда для того, чтобы работать в сельском хозяйстве, не обязательно быть жителем данного села или быть сельским жителем, поскольку Агрохолдинги, агрофирмы применяют вахтовую форму работы и привлекают на сельхозобъекты рабочих из соседних регионов или городских жителей. Например, городские программисты обеспечивают производство технологиями, не выходя из своих офисов, т.е. идет процесс размывания границ между селом и городом, что является общемировой тенденцией.

Таким образом, в целом, сельский труд становится отраслью индустриально-интеллектуального труда, а физический труд, традиционный для сельского хозяйства, уходит в прошлое.

Список литературы

Бек У. Общество риска на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Белоусов Ю. Цифровая экономика: понятие и тенденции развития // Вестник института экономики. 2021. № 1. С. 26-43. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43.

Капелюшников Р. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. URL: http://polit.ru/article/2017/12/03/labour_market/ (дата обращения: 04.08.2018).

Муханова М. Структура занятости сельского населения в неформальном секторе // Социологический журнал. 2017. № 2. С. 74-95. DOI:10.19181/socjour.2017.23.2.5161.

Муханова М. Сельское население в структурах неформального сектора на рынке труда АПК // Власть. 2018. Т. 26, № 5. С. 125-132. DOI: https//doi.org/10.31171/vlast.v26i5.5833.

Муханова М. Неформальный сектор в социально-структурных процессах российского села // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 66-79. DOI: 10.31857/S086904990004397-8.

Муханова М. Субъекты сельскохозяйственного производства в социально-структурных процессах российского села. // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4. С. 199-212. DOI: 10/19181/snsp.2020.8.4.7665.

Широв А. Почему цифровизация в России не помогает экономическому росту URL: https://media/vedomosti/pochemu-cifrovizaciia-v-rossii-ne-pomogaet-ekonomicheskomu-rostu-60be06bf7b0ba72b6f075936 (дата обращения: 01.07.2021).

Barrett H., Rose D. Ch. Perceptions of the Fourth Agricultural Revolution: What's // What's Out, and What Consequences are Anticipated? // Sociologia Ruralis. First published: 30 August 2020.

Mukhanova M. Rural Youth in Russia: Their Status and Prospects For Development // Eastern European Countryside. 2014. № 20. P. 125-150. DOI: 10.2478/eec-2014-0006.

Rose D., Chivers J. Agriculture 4.0: broadening responsible innovation in an era of smart farming. Front. Sustain. Food Syst. 2018. (2). Art. 87. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsufs.2018.00087/full?source=post (дата обращения: 09.09.2020).

Fielke S., Taylor B., Jakku E. Digitalisation of agricultural knowledge and advice networks: A state-of-the-art review. Agricultural Systems. 2020. Vol. 180.

Frey C., Osborne V. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? Oxford: Oxford Martin School. Working Paper, 2013. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

References

Bek, U. (2000), *Risk Society on the Way to Another Modernity*, Transl. by V. Sedel'nik, V. and Fedorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Belousov, Yu. (2021) "Digital economy: concept and development trends", *Vestnik instituta ekonomiki*, (1), 26-43. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43. *(In Russian)*

Kapelyushnikov, R. (2017). "Is technological progress a job eater?", *Voprosy ekonomiki*, (11), Available at: http://polit.ru/article/2017/12/03/labour_market/ (Accessed 04 August 2018). *(In Russian)*

Mukhanova, M. (2017), "The structure of employment of the rural population in the informal sector", *Sotsiologicheskiy zhurnal*, (2), 74-95. DOI:10.19181/socjour.2017.23.2.5161. *(In Russian)*

Mukhanova, M. (2018), "Rural population in the structures of the informal sector in the labor market of the agro-industrial complex", *Vlast'*, 26 (5), 125-132. DOI: https//doi.org/10.31171/vlast. v26i5.5833. *(In Russian)*

Mukhanova, M. (2019), "The informal sector in the social and structural processes of the Russian countryside", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, (2), 66-79. DOI: 10.31857/S086904990004397-8. *(In Russian)*

Mukhanova, M. (2020), "Subjects of agricultural production in the social and structural processes of the Russian countryside", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, (4), 199-212. DOI: 10.31857/S086904990004397-8. *(In Russian)*

Shirov, A. (2021), "Why digitalization in Russia does not help economic growth", available at: https://media/vedomosti/pochemu-cifrovizaciia-v-rossii-ne-pomogaet-ekonomicheskomu-rostu-60be06bf7b0ba72b6f075936. (Accessed 01 July 2021). *(In Russian)*

Barrett, H. and Rose, D. Ch. (2020), "Perceptions of the Fourth Agricultural Revolution: What's", in *What's Out, and What Consequences are Anticipated? Sociologia Ruralis*, First published: 30 August.

Mukhanova, M. (2014), "Rural Youth in Russia: Their Status and Prospects For Development", *Eastern European Countryside*, (20), 125-150. DOI: 10.2478/eec-2014-0006.

Rose, D. and Chivers, J. (2018), "Agriculture 4.0: broadening responsible innovation in an era of smart farming", *Front. Sustain. Food Syst.*, (2), Art. 87, Available at: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsufs.2018.00087/full?source=post_page- (Accessed 09 September 2020).

Fielke, S., Taylor, B. and Jakku, E. (2020), "Digitalisation of agricultural knowledge and advice networks: A state-of-the-art review", *Agricultural Systems*, 180.

Frey, C. and Osborne, V. (2013), *The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation?*, Oxford Martin School. Working Paper? Oxford, Available at: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (Accessed 30 May 2021).

Статья поступила в редакцию 30 июля 2021 г. Поступила после доработки 25 ноября 2021 г. Принята к печати 01 декабря 2021 г.

Received 30 July 2021. Revised 25 November 2021. Accepted 01 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Муханова Мария Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра Методологии социологических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия.

Maria N. Mukhanova, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 327

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-2

Безнюк Д. К.

Религиозный фактор в социальном управлении: опыт социологического прочтения

Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»
ул. Сурганова, 1, корп. 2, Минск, 220072, Республика Беларусь
mayo-r-r-r@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема выявления и реализации управленческого потенциала религии в условиях секулярного общества и требований предельного рационализма в управленческой деятельности. Автор предлагает методологические схемы из области религиоведения и социологии религии, которые могут служить базой анализа возможностей религии в сфере социального управления: М. Вебер (религиозная мотивация нерелигиозного действия), теории секуляризации (факт видоизменения религии), Р. Белла (теория «гражданской религии»), Н. Смарт (сравнительный анализ религиозных и светских идеологий). Наиболее репрезентативным полем применения этих схем выступает взаимодействие религиозного и иных социальных институтов. На основе функционального и структурного анализа религии возможно установить ее характеристики, которые в теории и на практике можно представить, как условия и инструменты управленческой деятельности. В рамках разницы восприятия религиозной веры разными людьми, религия, как инструмент социального управления, используется с разной интенсивностью, в разных формах и разных культурных «упаковках». В качестве примера такой ситуации автор предлагает рассмотреть особенности корпоративной культуры как специфической сферы сращивания религии и системы управления. В современной теории и практике организационной культуры предлагается выделять логику построения корпоративной культуры по лекалам религиозной культуры: корпоративная культура, бренд, реклама, система связи с потребителем выстраиваются в рамках системы, которая содержит слишком много аналогий с религией.

Ключевые слова: религия; религиозный фактор; управление; социальный фактор; корпоративная культура; секуляризация

Информация для цитирования: Безнюк Д. К. Религиозный фактор в социальном управлении: опыт социологического прочтения// Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 180-190. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-2.

Original article

Dmitry K. Bezniuk

Religious factor in social governance: experience in sociological reading

National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology
bld. 2, 1 Surganov St., Minsk, 220072, Republic of Belarus
mayo-r-r-r@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of identifying and realizing the managerial capacity of religion in a secular society and the requirements of extreme rationalism in managerial activity. The author offers methodological schemes from the field of religious studies and sociology of religion, which can serve as a basis for analyzing the possibilities of religion in the field of social management: M. Weber (religious motivation for non-religious action), the theory of secularization (the fact of the modification of religion), R. Bellah (the theory of "civil religion"), N. Smart (comparative analysis of religious and secular ideologies). The interaction of religious and other social institutions is the most representative field of application of these schemes. It is possible on the basis of a functional and structural analysis of religion to establish its characteristics, which in theory and practice can be presented as conditions and tools of management activity. Religion, as an instrument of social management, is used with different intensity, in different forms and in different cultural "packages" within the framework of the difference in the perception of religious faith by different people. The author proposes to consider the features of corporate culture as a specific sphere of fusion of religion and the management system as an example of such a situation. It is proposed in modern theory and practice of organizational culture to single out the logic of building corporate culture according to the patterns of religious culture: corporate culture, brand, advertising, a system of communication with the consumer are built within a system that contains too many analogies with religion.

Keywords: religion; religious factor; management; social factor; corporate culture; secularization

Information for citation: Bezniuk, D. K. (2021), "Religious factor in social governance: experience in sociological reading", *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 180-190. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-2.

Введение (Introduction). Социальное управление, что давно является хрестоматийной истиной, надо рассматривать как важнейший фактор успешного существования (функционирования и развития) общественной системы любого масштаба – от отдельной фирмы до международного объединения. При поиске факторов, повышающих эффективность управленческой деятельности, ее субъекты все чаще обращаются к культурным сюжетам, которые, на первый взгляд, далеки от области управления. Одним из таких сюжетов оказывается сфера религии. Российский менеджер А. Абрамов как-то заметил, что «наука управления была создана не в девятнадцатом веке, а три тысячелетия до нашей эры. Ровно четыре тысячелетия назад! И уж точно не Тейлором, Макдауэллом и прочими уважаемыми учеными нашего времени. …. Оказывается, Библия – это еще и книга об управлении» (Абрамов, 2004: 2).

Современная теория и практика управления обязательно должны распространять свой интерес на проблему изуче-

ния и использования управленческого потенциала религии: не использовать потенциал религии как инструмента социального управления, значит упускать возможность повысить его эффективность. Особенно это актуально в периоды трансформации социальных систем: советский и российский историк А. Кузьмин, например, замечательно продемонстрировал переход роли религиозного фактора в социально-политическом управлении древней Руси с языческого к христианскому в связи с изменением запросов правящей элиты и базовых ценностных установок населения (Кузьмин, 1988).

Целью статьи выступает предварительное обобщение материалов и уточнение следующей проблемы: насколько иррациональное (религия) востребовано рациональным (социальное управление, менеджмент) и как иррациональное (религиозные и квазирелигиозные схемы) существует в поле рационального (реальные управленческие практики, корпоративная культура). Болгарский исследователь В. Проданов замечает, что «изменения в форме, средствах и измерениях насилия связаны с ростом инструментальной рациональности, которую несет с собой капитализм, и это означает взрывную рационализацию средств, которые сами по себе становятся самоцелью» (Проданов, 2005: 72). Эта позиция может быть распространена на сферу управления (которая без той или иной степени насилия не существует), но требует уточнения по поводу декларируемой «рациональности».

Методология и методы (Methodology and methods). Методологической базой реализации заявленной цели выступают вполне осязаемые истины, которые были добыты и апробированы в рамках религиоведения (включая, социологию религии) периода XIX-XX веков. Мы имеем в виду, во-первых, функционалистский подход и, во-вторых, его приложение в рамках анализа межинституционального взаимодействия религии.

По поводу функционализма следует отметить следующее. Саму по себе социальную функцию религии следует понимать, как характер и направление воздействия религии на общество и его подсистемы. Западный религиовед и писатель М. Томпсон настаивает, что «невозможно как следует понять общество, будь то в глобальном или локальном масштабе, не осознавая, какую роль играла и играет в нем религия» (Томпсон, 2001: 8). Роль религии – результат выполнения ею целого набора социальных функций, позволяющих относиться к религии как необходимому элементу истории, культуры и общества.

Стоит обратить внимание на то, что многие социологи, анализируя роль религии в обществе и механизмы ее воспроизводства, указывали на такие функции, которые можно отнести к сюжетам социального управления. Например, Г. Тард в своей «Социальной логике» писал, что религия – есть первая форма социального управления мыслями и поступками людей: «она является вначале единственным правилом для их верований и единственной уздой для их желаний» (Тард, 1996: 187). Э. Дюркгейм настаивал на солидаризирующей функции религии, на ее способности сплачивать коллектив (Дюркгейм, 2018). Его последователь, британский антрополог А. Рэдклифф-Браун напрямую связывал функции религии с социальными потребностями группы (общества): религия – это средство социального контроля, которое предотвращает девиантное поведение и способствует упрочению социальной интеграции и стабильности. Американский социолог Т. Парсонс указывал на узаконивающую функцию религии, функцию ограничения действий членов общества через обоснование системы норм и ценностей.

Однако, сделаем оговорку, что при функциональном анализе религии (с целью экспликации ее управленческого потенциала) необходимо четко представлять себе методологические особенности этого ана-

лиза, а именно следующие положения: одно явление может выполнять различные по значимости функции и одна и та же функция может выполняться различными элементами системы (на этом настаивал Р. Мертон); выделение универсальных (вневременных) функций носит условный характер; различные религии могут выполнять неодинаковые функции в одинаковых условиях; одна и та же религия в различных условиях (культура, время) может выполнять различные (даже противоположные) функции.

По поводу анализа межинституционального взаимодействия (взаимодействия и взаимовлияния религии и других институтов, а шире, и других социальных процессов и явлений) необходимо указать на то, что он позволяет взглянуть на религию не как на архаичный, музейный экспонат в рамках современного общества и культуры, а как на вполне «рабочий» элемент социальной системы. Эта работоспособность определяется некоторыми специфическими характеристиками религии, которые и лежат в плоскости нашего исследования – связи религии и социального управления – и концентрируется в понятии религиозного фактора.

Белорусский исследователь А. В. Шерис, анализируя смысловой спектр применения понятия «религиозный фактор», обнаруживает его использование в трех контекстах: «во-первых, в общественно-политическом измерении, когда речь идет об общественных событиях или тенденциях, причины которых усматриваются во влиянии религии. Так, например, упоминание о религиозном факторе на Северном Кавказе или Ближнем Востоке вызывает вполне определенные ассоциации с конфликтами, где одна из сторон принадлежит исламскому миру. Во-вторых, «религиозный фактор» может фигурировать в контексте общесоциального влияния религии. В этом случае речь идет о воздействии религии на цивилизационные особенности, культуру, социальные структуры, процессы и т.п. В-третьих, в психологическом контексте «религиозный фактор» может обозначать воздействие религии на социально-психологические параметры как индивида, так и группы. В этой связи речь обычно идет о негативном влиянии закрытых религиозных организаций (например, тоталитарных сект) на психику и социальную активность людей» (Шерис, 2014: 110).

Так или иначе, речь идет о возможности религии влиять на какую-либо характеристику социальной системы, а влияние (осуществляемое сознательно, с какой-либо определенной целью) есть составная часть управления, что и порождает интерес к возможности практического использования религии в рамках социального управления.

Здесь опять необходимо сделать методологическое отступление. Рассуждая о связи религии и политики, известный российский религиовед Л. Н. Митрохин, задался вопросом о наличии у религии некоторых особенностей, позволяющих «объяснить ее исторически ранний альянс с официальной политикой и эффективность защиты последней» (Митрохин, 2008: 623). Ответ на этот вопрос, полезен для нашего исследования, так как он достаточно универсален в контексте управленческих возможностей религии.

Первой такой особенностью религии выступает ее язык. Особенность религии в качестве управленческой схемы заключается в символическом языке, который: 1) понятен народу и 2) абстрактен и гибок (пластичен), что дает простор для ситуативных интерпретаций. Например, гуситские войны XV века, где рождение чешской нации и ее борьба за место под солнцем против немецких и австрийских феодалов, шли на языке религии. Под видом богословской дискуссии о форме причастия – вино и хлеб (опресноки) для духовенства или только хлеб для остальных – выражалось противостояние интересов классовых и национальных групп, проживавших на чешских землях Священной Римской империи. Язык религии, прежде

всего, язык чешской Реформации, сумел четко выразить и эффективно донести до адресата национальные и классовые интересы коренных жителей Чехии, способствовал идеологической и военной мобилизации населения, легитимизировал насильственные действия.

Второй особенностью можно считать то, что в любой религиозной культуре (цивилизации) религия есть закономерный, а иногда и решающий способ систематизации и оформления стихийно складывающегося сознания социальных групп и сословий о должном порядке и соответствующей системе его достижения и поддержания, то есть системе управления. «… Религия обладает способностью представлять конкретные классовые интересы в форме общечеловеческих, универсальных ценностей» (Митрохин, 2008: 628), служить управленческо-организационной сердцевиной массовых движений и масштабных социальных процессов. Ярким примером может выступать ситуация первого крестового похода 1096 года. Его идея, как и идея всего крестоносного движения, берет своё начало в обстановке конца раннего Средневековья, когда тогдашняя Европа столкнулась с ростом внутренних военных конфликтов в рамках перераспределения и без того скудных материальных ресурсов. Говоря языком Л. Н. Гумилева, внутренняя пассионарность, грозящая взорвать устоявшийся порядок и систему управления, требовала выхода. Способом ее канализирования во вне и стали крестовые походы. Благословляя крестовый поход 26 ноября 1095 года, папа Урбан II сказал: «… От пределов Иерусалима и из города Константинополя к нам пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный, далекий от бога, отродье, сердце и ум которого не верит в господа, напал на земли тех христиан, опустошив их мечами, грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил... церкви же божии или срыл до основания, или обратил на свое богослужение... Кому же может предстоять труд отомстить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам... Вас побуждают и призывают к подвигам предков величие и слава короля Карла Великого... и других ваших властителей... В особенности же к вам должна взывать святая гробница Спасителя и Господа нашего, которою владеют нынче нечестные народы... Земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности: богатствами она необильна, и едва дает хлеб своим обрабатывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко гробу святому; исторгните ту землю у нечестного народа и подчините ее себе. Земля та... «течет медом и млеком». Иерусалим – плодоноснейший перл земли, второй рай утех...» (цит. по Ракузина).

Л. Н. Митрохин отмечает, что в конкретных исторических условиях создание цельной программы, «могущей приводить в действие большие массы людей, было возможно лишь в рамках и средствами религии, способной придать им универсальную, завершенную мировоззренческую форму» (Митрохин, 2008: 630). И не надо наивно полагать, что эти исторические условия прошли. В XXI веке существуют мощные социальные и политические движения и партии, которые вдохновляются религиозными мотивами.

Третья особенность религии, интересующая нас в контексте ее связи с управлением, заключается в том, что и религия, и управление опираются на идеологию порядка и требуют соблюдения строгой системы норм и предписаний, за которыми стоят общие для группы ценности. Этот порядок, в конце концов, сам выступает как высшая ценность, которая, в конкретных исторических и культурных условиях допускает или не допускает его развитие

(изменение, модернизацию). Эту ситуацию, относительно религии, но с возможностью экстраполяции на какую-либо управленческую программу (политическую, организационную и пр.), прекрасно описал Э. Фромм, выделивший гуманистическую и авторитарную тенденции в функционировании религии. В своей работе «Психоанализ и религия» он писал: «Вопрос не в том, *религия или ее отсутствие*, но в том, *какого рода религия*: или это религия, способствующая человеческому развитию, раскрытию собственно человеческих сил, или религия, которая эти силы парализует» (Фромм, 1989: 161). Суть гуманистической тенденции выражена в следующих положениях религиозного вероучения (ранний буддизм, даосизм, учение пророка Исайи, раннее христианство): утверждение самоценности человеческого бытия; стимулирование возможности самореализации (самосовершенствования) человека; воспитание чувства любви, единства и равенства среди людей; Бог выступает как символ человека, идеал совершенства и нравственной чистоты; познание и самопознание через разум; возвышение человека над природой (человек-творец); «жизнь в Боге» понимается не как механический магический ритуал, а как творчество и самовозрастание; преобладание духовности над иными (политическими, социальными, экономическими, эстетическими и т.п.) ценностями.

Авторитарная тенденция заключена в следующих установках (их Э. Фромм находит в иудаизме, позднем христианстве и исламе): признание стоящей над человеком сверхсущности, управляющей его судьбой и требующей поклонения и услужения; причина поклонения божеству кроется не в его моральном авторитете, а в страхе перед его непредсказуемой силой (Бог – не любовь и справедливость, а власть и сила); сближение с этим божеством невозможно, оно в запредельном для человеческих сил мире; как следствие всего этого религиозность сводится к механическому ритуалу, заклинанию, магической формуле; вера в личную или групповую богоизбранность.

В конечном счете, самым «существенным элементом авторитарной религии и авторитарного религиозного опыта является полная капитуляция перед силой, находящейся за пределами человека. Главная добродетель этого типа религии – послушание, худший грех – непослушание» (Фромм, 1989: 161).

Говоря о причинах, вызывающих к жизни ту или иную тенденцию, Э. Фромм указывал на весь способ жизненной практики, точнее, социально-экономическую и политическую структуру общества. Авторитарная тенденция суть следствие дегуманизирующих мотивов религии, которые появляются в результате институциализации (социального оформления) культовых систем, ведущей к приспособлению ранней проповеди к настоящим политическим и экономическим условиям. «В обществах, которые управляются могущественным меньшинством, держащим массы в подчинении, индивид настолько охвачен страхом, настолько неспособен к сильному и независимому чувству, что его религиозный опыт с необходимостью окажется авторитарным» (Фромм, 1989: 167). Позволим отметить, что это распространяется не только на религию, но и на ситуацию социального управления как такового.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Заканчивая методологическое отступление, возвратимся к анализу религиозного фактора, то есть возможностей религии влиять на какую-либо характеристику социальной системы.

Естественно, что система социального управления является многоуровневым образованием. Это дает возможность предположить многовариантность использования религии как инструмента влияния и управления: на различных уровнях общественной системы, в различных ее сферах и институтах следует искать «местные», особенные механизмы использования религиозного фактора. Уместно обра-

титься к схеме немецкого социолога и экономиста М. Вебера «протестантизм – капитализм», в рамках которой он попытался обосновать тезис о том, что религия – мощный механизм мотивации нерелигиозных форм поведения человека, в частности экономического поведения (см. Вебер, 1990: 61-272).

На практике с таким инструментом социального управления как религия следует обращаться исходя из особенностей восприятия религии конкретным социальным субъектом (человеком, группой, культурной общностью). В религиоведении (в частности, в социологии религии) это восприятие отражено в типологии состояний сознания субъекта: религиозный, квазирелигиозный, колеблющийся и нерелигиозный типы. Возможны и другие типологии, и классификации, но главное заключается в том, что на процедурном уровне социального управления речь идёт о том, что восприятие религии у различных субъектов отлично: религия имеет для разных субъектов разный удельный вес, содержание, мобилизационный потенциал… Например, возможно выделить следующие формы восприятия религии субъектом – религия есть:

культурно-историческая традиция, признак принадлежности к конкретному обществу, этносу, культуре;

вера и культ в традиционном смысле;

особый вид знания (ситуация, когда человек добивается когнитивного комфорта, ищет такое знание, которое альтернативно как классической науке, так и традиционной религии);

полусветская-полусакральная идеология, мотивирующий комплекс действий, выходящих за рамки религиозных действий: эксплуатация религиозных идей в другом поле – политике, бизнесе и пр.

Знание о специфике восприятия религии тем или иным субъектом (объектом управления) может позволить субъекту управления более полно использовать свои возможности.

В свое время автор этих строк предложил обратить внимание на ситуацию проникновения в поле рационального организационного (корпоративного) менеджмента иррациональных, схожих с религиозной сферой, сюжетов, повышающих эффективность управленческих программ (Безнюк, 2004).

В качестве объяснительной основы такого факта можно опираться на несколько теоретико-методологических схем, разработанных в рамках западной социологии религии:

1. М. Вебер, анализируя этику протестантов (кальвинистов, прежде всего), обнаружил совпадение требований *религиозной* протестантской этики и *светских* норм поведения успешного, рачительного хозяина. Этим он объяснял экономический успех протестантских стран и регионов.

2. Изучение процессов секуляризации западной культуры привело некоторых социологов (Р. Белла, Т. Лукман, П. Бергер и др.) к выводу, что религия не исчезает, как того требует формальная логика секуляризма, а видоизменяется, приспосабливается к новым условиям по форме, но не по сути.

3. Американский религиовед Р. Белла, анализируя особенности религиозной и политической жизни США, предложил понятие «гражданская религия». Ее содержание – непротиворечивое смешение и симбиоз религиозных и политико-гражданских сюжетов, важных для американского народа. Как заметил В. Легойда «Бог гражданской религии, по словам Беллы, в большей степени имеет отношение к порядку, закону и праву, чем к спасению и любви» (Легойда, 2007).

4. Британский религиовед Н. Смарт, разрабатывая свой проект «философии мировоззрений», предложил аналитическую схему сравнительного анализа религиозных и светских идеологий. Они обе не имеют принципиальных различий в качестве средства направлять человека относительно смысла жизни (Smart, 1968).

В качестве примера «работы» этих теоретико-методологических схем можно привести анализ феномена корпоративной культуры, в рамках которого обнаруживается парадоксальная ситуация совпадения требований рационального управления с характером поведения верующего человека.

Корпоративная культура как модель поведения компании и ее сотрудников, формируется в ходе функционирования компании и представляет собой материализацию ее философии – норм, ценностей, видение развития и миссии, форм взаимодействия и так далее. Корпоративная культура распространяется не только на сотрудников, в ее орбиту вовлекается и потребитель, клиент.

В корпоративной культуре обнаруживаются структурно-функциональные и социально-психологические аналоги религии, позволяющие ей (корпоративной культуре) быть средством, способом, механизмом управления.

Базовые элементы корпоративной культуры – миссия организации, ее базовые цели, кодекс поведения и пр. – полностью соответствуют по значению и функциям таким компонентам религии, как сакральное, вероучение (догматика), заповеди (праведный образ жизни).

Психологическое подобие наблюдается в том, что корпоративная культура преподносится сотруднику не только как предпочтительная, но как единственно возможная модель организации его поведения и мышления, а модель поведения на рабочем месте превращается в моральный кодекс жизнедеятельности. Трудовой коллектив (часто звучит аналогия с семьей, вторым домом) становится подобен религиозному братству, а вполне светские элементы корпоративной культуры (миссия, товарный знак) перекочевывают в сферу сакрального.

Знаковые брэнды начинают функционировать в светском пространстве как религиозные символы. Практически, по аналогии со схемами Н. Смарта, они:

- всеобъемлющи (жизнь, здоровье, счастье, смысл);
- выражают (по сценарию разработчиков) жизненно необходимые состояния (успешность, престижность, комфортность и т.п.);
- требуют полного восприятия и преданности как гарантии конечного результата;
- являются самодостаточными и сами готовы порождать окружающую среду (сопутствующие товары и товары с генеральным логотипом).

Религиозное восприятие бренда требует соответствующего поведения, на этот раз со стороны потребителя. И такое поведение появляется – вера материализуется через поведение: сотни и тысячи фанатов Apple ночуют под дождем у дверей магазинов накануне начала продаж нового гаджета любимой фирмы…

Разумеется, что производство такого брэнда требует не простой «фабричной» обстановки, именно корпоративной культуры – культуры избранности и принадлежности чему-то великому, дарящему миру нечто необходимое и уникальное. Примечательно, что многие специалисты только так и видят функционирование корпоративной культуры, только в таком качестве и предлагают «раскручивать» собственный товар до степени «корпоративной религии» (Кунде, 2002).

Можно предположить, что, исходя из такой логики, главной задачей корпоративной культуры становится воспитание у персонала своеобразного культового сознания: требуется не логика, а вера в правильность форм организации и управления в своей фирме. Достаточно взглянуть на формулировки миссий и слоганы подобных корпораций, чтобы заметить аналоги религиозно-миссионерских мотивов.

Последнее весьма характерно для «коммерческих культов», которые действуют по схемам религиозных сект и тайных обществ. Сотрудников этих коммерческих структур воспитывают в преданности миссии организации, в почти сверхъ-

естественные свойства распространяемого товара, в вере в истинность существующей схемы действия.

Абсолютно верный тезис о важности и необходимости наличия корпоративной культуры, на практике может быть доведен до ситуации стирания границ между светским и сакральным, за которой следует подмена одного другим.

Заключение (Conclusions). В заключение предложим два тезиса. Первый касается реальной возможности зафиксировать иррациональность корпоративной культуры, которая преподносится важнейшим элементом эффективности организации и ее управления, с одной стороны, и, с другой стороны, зафиксировать (по аналогии) некоторого рода иррациональность современного (a priori рационального) социального управления. Эта ситуация хорошо ложится в логику развития «философии менеджмента»: оборудование – персонал – технология. Отцы-основатели научного (рационалистического) менеджмента рубежа XIX-XX веков делали ставку на правильную организацию и использование связки «машина – рабочий», когда человек выступал вторичным элементом. Позже, когда техническое оборудование у производителей сравнялось по качеству и доступности, ставку сделали на качество персонала – выиграть у конкурентов можно только за счет профессионализма исполнителей: «потогонная система» Г. Форда уступила место «гуманистическому менеджменту» и теории человеческих отношений. Когда же качество персонала, как и в случае с оборудованием, сравнялось у всех участников рынка, встал вопрос о поиске нового средства победы в конкурентной борьбе. Им стала технология, в самом широком смысле слова, алгоритм сочетания этапов достижения цели. Здесь и появилась возможность иррационализации управления в смысле осознанной иррационализации работника и/или потребителя – цель оправдывает средства…

Второй тезис заключается в том, что инструментом такой иррационализации вполне может выступать религия. Религиоведы фиксируют, что, несмотря на масштабный и длительный (приблизительно с XV века) процесс секуляризации, религия не теряет своего значения в сфере социального управления: ее управленческий потенциал, может не в тех масштабах и не в той форме, как раньше, но остается востребованным и реализуется в двух основных формах:

- в форме прямого воздействия, например, когда мы обнаруживаем религиозный фактор в политической сфере: религия выступает непосредственным мотивом какого-либо политического действия или составной частью политической идеологии (здесь уместно вспомнить ситуацию с религиозно-политическими конфликтами в разных регионах современного мира);
- в косвенной форме специфически трансформированного эквивалента классической религии, квазирелигиозного элемента культуры: от «гражданской религии» Р. Белла до «корпоративной религии» Й. Кунде. В отличие от прямого воздействия религиозного фактора, здесь мы имеем дело с манипулятивными элементами в системе управления, с использованием адаптированных под светскую среду религиозных техник.

Итак, накопленный современной социологией (в частности, социологией религии) исследовательский арсенал позволяет: а) перевести проблему секуляризации религии в плоскость поиска новых форм трансформации последней (как способа приспособления к доминированию светского) в сфере социального управления и организационного менеджмента и б) проблематизировать ситуацию проникновения в поле рациональных управленческих практик иррациональных (религиозных / квазирелигиозных) сюжетов, с целью повышения эффективности управленческих воздействий.

Список литераутры

Абрамов А. Библия в стиле «Бизнес». Бизнес в стиле «Библия». СПб.: Издательский дом «Би», 2004. 171 с.

Безнюк Д. К. Религия как фактор современного управления // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 6. С. 119-124.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Дело, 2018. 736 с.

Кузьмин А. Падение Перуна. М.: Молодая гвардия, 1988. 240 с.

Кунде Й. Корпоративная религия. Создание сильной компании с яркой индивидуальностью и корпоративной душой. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Петербурге, 2002. 270 с.

Легойда В. Гражданская религия: pro et contra, 2003. URL: http://www.religare.ru/2_1555.html (дата обращения: 15.09.2021)

Митрохин Л. Н. Философские проблемы религиоведения. СПб.: Издательство РХГА, 2008. 1046 с.

Проданов В. Насилието в модерната епоха. София: Издательство «Захарий Стоянов», Университетское издательство «Св. Климент Орхидски», 2005. 648 с.

Ракузина И. Крестовые походы, 2008 г. URL: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/107/article_1846.asp (дата обращения: 15.09.2021)

Тард Г. Социальная логика. СПб.: Ладога, 1996. 548 с.

Томпсон М. Философия религии. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 384 с.

Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М.: ИПЛ, 1989. С. 143-221.

Шерис А. В. Вера, стабилизирующая общество. Некоторые аспекты влияния религиозной ситуации на обеспечение национальной безопасности Беларуси // Беларуская думка. 2014. № 7. С. 72-77.

Smart N. Secular Education and the Logic of Religion. London: Faber and Faber, 1968. 106 p.

References

Abramov, A. (2004), *The Bible in the style of "Business". Business in the style of "The Bible"*, Publishing House "Bi", St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Beznyuk, D. K. (2004) "Religion as a factor of modern management", *Problems of management theory and practice*, (6), 119-124. *(In Russian)*

Weber, M. (1990), *Selected Works*, Progress, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Durkheim, E. (2018), *Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia*, Delo, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Kunde, J. (2002), *Building a strong company with a strong personality and corporate soul*, Stockholm School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Kuzmin, A. (1988), *Fall of Perun*, Molodaya gvardiya, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Legoyda, V. (2003), "*Grazhdanskaya religiya: pro et contra"* [Online], available: http://www.religare.ru/2_1555.html (Accessed 15 September 2021). *(In Russian)*

Mitrokhin, L. N. (2008), *Philosophical problems of religious studies*, Publishing House of the RKhGA, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Prodanov, V. (2005), *Violence in the modern era*, Zahariy Stoyanov Publishing House, St. Kliment Orhidski, Sofia, Bulgaria. *(In Russian)*

Rakuzina, I. (2008), *Krestovye pohody* [Online], available: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/107/article_1846.asp (Accessed 15 September 2021). *(In Russian)*

Tarde, G. (1996), *Social logic*, Ladoga, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Thompson, M. (2001), *Philosophy of Religion*, FAIR-PRESS, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Fromm, E. (1989), "Psychoanalysis and Religion", in *Twilight of the Gods*, IPL, Moscow, Russia, 143-221. *(In Russian)*

Sheris, A. V. (2014), "Faith that stabilizes society. Some aspects of the influence of the religious situation on ensuring the national security of Belarus", *Belarusian thought*, (7), 72-77. *(In Russian)*

Smart, N. (1968), *Secular Education and the Logic of Religion*, Faber and Faber, London.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2021 г. Поступила после доработки 28 ноября 2021 г. Принята к печати 10 декабря 2021 г.

Received 20 September 2021. Revised 28 November 2021. Accepted 10 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Безнюк Дмитрий Константинович, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь.

Dmitry K. Bezniuk, Doctor of Sociological Science, Full Professor, Deputy Director for Science, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-3

Ушаков Д. В.

Бережливые технологии управления процессами профессиональной самореализации преподавателей

Государственное профессиональное образовательное учреждение
«Новокузнецкий педагогический колледж»
ул. 25 лет Октября, д. 1а, Новокузнецк, 654027, Россия
Dima_1983_24@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ результатов апробирования социальной технологии ресурсосберегающего (гуманистического) типа, сопровождающей процессы самореализации преподавателей. Это универсальные технологии, позволяющие диагностировать и корректировать профессиональные усилия молодых преподавателей, принимать управленческие решения, позволяющие сохранять кадровые ресурсы образовательных организаций, раскрывая профессиональный потенциал преподавателя. Самореализация является источником сохранения здоровья и развития личности преподавателя. Автор рассматривает профессиональную самореализацию как баланс между необходимостью исполнять социальные роли и возможностью сохранить свою индивидуальность. В статье приводится анализ дискуссии о проблемах управления образованием и наукой. Отмечается, что система «эффективного менеджмента» не воспринимает критику и жалобы со стороны профессиональной научной профессорской элиты. В сложившейся ситуации автор видит выход в опоре на личность преподавателя. В управленческом смысле речь идёт о применении бережливых технологий сопровождения процессов самореализации, которые выступают в качестве инструментов защиты от профессиональных и эмоциональных кризисов. Бережливые технологии обеспечивают смену концепции стимулирующего менеджмента на менеджмент сберегающий (понимающий). Бережливый контекст работы с кадровым ресурсом может быть обеспечен применением гуманистических технологий сопровождения профессиональной деятельности. Акцент на самореализационные процессы – это один из вариантов решения проблемы «карнавализации» института образования. Управленческая технология сопровождения процессов самореализации предполагает создание условий для поддержки, стимулирования творческой деятельности человека, укрепления его профессионального достоинства, является инструментом адаптации молодых преподавателей к профессиональной деятельности. Эмпирические данные, необходимые для диагностирования и коррекции процессов самореализации на всех этапах применения «бережливой» технологии, получены с помощью гибридного исследовательского комплекса, сочетающего количественно-качественный подход, комбинаторики соответствующих методов и техник.

Ключевые слова: профессиональная самореализация; социальные технологии, технологии управления профессиональной самореализацией, ресурсосберегающие (бережливые) технологии, количественно-качественный анализ

Информация для цитирования: Ушаков Д. В. Бережливые технологии управления процессами профессиональной самореализации преподавателей //

Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 191-203.
DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-3.

Original article

Dmitry V. Ushakov

Lean technologies for managing the processes of professional self-realization of teachers

Novokuznetsk Pedagogical College
1a 25 Let Oktyabrya St., Novokuznetsk, 654027, Russia
Dima_1983_24@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of testing a resource-saving (humanistic) type of social technology that accompanies the processes of teacher's self-realization. These are universal technologies that allow diagnosing and adjusting professional efforts of young teachers, making management decisions that help to preserve the human resources of educational organizations and to reveal the teacher's professional capabilities. Self-realization is a source of preserving health and developing the teacher's personality. The author sees it as a balance between the need to fulfill social roles and a chance to keep one's individuality. The article provides an analysis of a discussion about the problems of education and science management. It is noted that the "effective management" system would not accept criticism or complaints from the professional scientific professorial elite. In this situation, the author sees a way out in relying on the teacher's personality. In a managerial sense, we are talking about the use of lean technologies to support self-realization processes that will be protection tools against professional and emotional crises. Lean technologies ensure the change of stimulating management to saving (understanding) management. The lean context of working with human resources can be provided by use of humanistic technologies to support professional activities. The emphasis on self-realization processes is an option for solving the problem of educational institutions being "carnivalized". Management technology to support self-realization processes involves creating suitable conditions, stimulating a person's creative activity, strengthening their professional dignity. These are tools for adapting young teachers to professional activities. The empirical data necessary for diagnosing and correcting self-realization processes at all stages of applying the "lean" technology was obtained by means of a hybrid research complex that involves a quantitative-qualitative approach and a number of appropriate methods and techniques combined.
Keywords: professional self-realization; social technologies; technologies for managing professional self-realization; resource-saving (lean) technologies; quantitative and qualitative analysis
Information for citation: Ushakov, D. V. (2021), "Lean technologies for managing the processes of professional self-realization of teachers", Research Result. Sociology and management, 7(4), 191-203. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-3.

Введение (Introduction). Современный подход к управлению образованием сформировался на основе концепции количественной парадигмы, предполагающей учет показателей эффективности в качестве основной оценки качества учебного процесса. Акцент на «показателях» превращает главных участников образова-

тельного процесса – ученика и учителя во второстепенных персонажей. Попытки выполнить все задачи, поставленные администрацией, не оставляют возможности преподавателю уделить внимание собственному личностному развитию. В преподавательском сообществе происходит смещение истинных смыслов образовательного процесса – трансляции знаний молодым поколениям.

В профессорско-преподавательской среде разворачивается дискуссия о проблемах управления образованием. Констатируется, что система образования всё ярче демонстрирует черты затянувшейся «карнавальности» (Ореховский, Разумов, 2020: 77-94; Иванов, Фотиева, 2020: 113-128), коллеги отмечают, что образовательные организации превращаются в «карнавальные» заведения, где учащиеся занимаются чем угодно – пляшут, поют, проводят акции и митинги, участвуя в калейдоскопе рейтинговых конкурсов. Нарушаются базовые принципы функционирования учебного заведения: полнота научного знания, свобода преподавания и учения, самоуправление (Гессен, 1995). К. М. Курленя делает вывод о том, что в прогрессирующем расслоении и деструкции системы отечественного образования находит отражение общемировая тенденция. Она обусловлена изменением глобальной общественной оценки значения истины и научного знания, необходимого для ее поиска и практического использования в интересах людей (Курленя, 2020: 85-98). Н. С. Розов считает, что в современной науке и образовании наблюдается относительно устойчивое равновесие, граничащее с порочной «стабильностью» – стагнацией при медленной, но неуклонной деградации. Для перехода к «успешному динамизму» характерному, по мнению автора, лучшим мировым образовательным системам «необходимы способы, каналы, институциональные средства преобразования недовольства участвующих и заинтересованных в высшей школе социальных групп в продуктивные обсуждения (с участием практиков управления, администраций разного уровня, потенциальных работодателей, держателей ресурсов)» (Розов, 2020: 99-112).

В отечественном образовании сложилась ситуация посмодернистской двойственной реальности. Первая представляет собой бюрократическую реальность, описываемую метафорой «макдональдизации», ориентированную на целерациональные рыночные отношения «образовательных услуг», количественную просчитываемость рейтингов и контролируемость системы. Вторая реальность – это коллективное бессознательное российских преподавателей, в основе которого лежит традиционалистская мистико-религиозная инверсия, связанная с сакрализацией советской системы науки и образования. Обе реальности, к сожалению, не способны к какому-либо конструктивному диалогу, но и полноценного конфликта тоже нет. Выход из этой ситуации видится в самоорганизации научного сообщества через возникновение и развитие локальных научных кружков, которые в дальнейшем могут оформиться в интеллектуальные движения, ведущие диалог между сообществами ученых и преподавателей (Илларионов, Кудашов, 2020: 129-144).

В. С. Диев считает необходимым переход от действующей вертикальной иерархической модели управления в высшей школе на модель субсидиарности, согласно которой принятие решений должно осуществляться на наименее централизованном (низовом) уровне власти (Диев, 2020: 77-84).

В условиях постмодерна кризис науки и образования сопровождается глубокой экзистенциальной фрустрацией профессорско-преподавательского корпуса, а преподавательская и научная деятельность обнаруживает в себе черты, по форме схожие с «духовной проституцией» (Ореховский, Разумов, 2020: 80-82). Свобода преподавания и учения, делающая высшую школу частью культурного пространства страны и частью государства,

подменяется бюрократическим произволом со стороны чиновников, насаждающих бесчисленный ворох постоянно меняющихся требований, показателей эффективности, которым преподаватель должен соответствовать. При этом любовь преподавателя к своему предмету и к студенту вычёркивается из списка значимых показателей. Подготовка специалиста с опорой на интересы и требования работодателя свидетельствует о «схлопывании» полноты научного знания (А. В. Иванов, И. В. Фотиева, 2020: 113-128). Кризис российской науки и образования обнаруживается в повсеместном слиянии кафедр и факультетов (Ореховский, Разумов, 2020: 80-82).

В этой ситуации основным показателем успешной профессиональной деятельности становится высокий бал в «оценочном листе». При этом за метрическим фасадом может быть скрыта содержательная пустота (Кулешова, Подвойский, 2018: 173). Эффективны не те преподаватели, которые хорошо преподают и достигают научных результатов, а те, кто выдают формальные показатели (Курбатова, 2016: 59-86). Навязываемое менеджерами от системы образования инновационное понимание педагогического процесса, ориентированное на возможности цифровизации и квалиметрии, определяет актуальность обновлённого образа успешного преподавателя, нарисованного тремя штрихами: деньги, статус, достижения. Человек системы образования стал «винтиком» в машине повышения индексов, баллов и рейтингов.

Р. Н. Ибрагимов обращает внимание на историческую инверсию позитивистского социального проекта, в результате которой у истоков современной социальной архитектуры уже действует новая научно-технократическая элита, социальная конфигурация которой не совпадает с институциональными границами академической и вузовской науки. Проблемы образования и науки, по мнению автора, объясняются, пассионарным дрейфом, преодоление которого – это не макросоциальный автоматизм, а промысел каждого научно-педагогического работника (Ибрагимов, 2021: 11-23). Д. А. Севостьянов считает в такой ситуации достойной модель поведения – «солдат культуры», который не «оказывает образовательную услугу», но несет миссию по трансляции и обогащению культуры, составляющую высшую, терминальную ценность (Севостьянов, 2021: 52-68). Мы видим решение проблемы сохранения гуманизации образования в опоре на личность преподавателя, требующей технологической управленческой поддержки и охраны ее творческой профессиональной независимости.

Парадокс современной системы образования заключается в том, что функции и смысл педагогической деятельности – передача опыта молодым поколениям уходят на второй план по отношению к важности количественных результатов, выраженных в рейтингах. Сегодня работа преподавателя – это бесконечная фиксация результатов своей деятельности и успешности своих учеников. Направления работы преподавателя заранее определяются и отслеживаются руководством учебных заведений, задача которого, – так выстроить процесс работы педагогического коллектива, чтобы получить максимально высокую строчку в рейтинге. Сайты образовательных учреждений пестрят новостями о победах обучающихся и их наставников в различных конкурсах, воспитательных, патриотических и иных мероприятиях. Результаты изучения информации, размещённой на сайтах региональных профессиональных образовательных организаций (Кемеровская область, контент-анализ 2020-2021 гг., 56 сайтов), показали, что такие сообщения занимают 70% новостного контента.

Рейтинги в лучшем случае отражают «эффективность» административной работы образовательного учреждения (умение администрации приспосабливаться к обстоятельствам). «Показатели» – это зона интересов чиновников от образования, инструмент для отбраковки «неэффектив-

ных» коллег. Погоня за рейтингами в ущерб выполнению педагогической миссии истощают эмоциональные и интеллектуальные ресурсы преподавателей. Концентрируясь на внешней количественной стороне профессионального успеха, которая определяется социальными ожиданиями референтных групп, человек утрачивает чувство удовлетворения от профессиональной деятельности.

Профессиональное сообщество, артикулируя проблему, апеллирует к разуму управленческой части системы образования. Но система «эффективного менеджмента» глуха к жалобам и неприступна для критики даже профессиональной научной профессорской элиты. Выход из ситуации нам видится в личностном осмыслении преподавателями своей профессиональной миссии, опоре на бережливые технологии сопровождения процессов самореализации – инструменты самозащиты от эмоционального выгорания.

Бережливые технологии предполагают смену концепции стимулирующего менеджмента на сберегающий (понимающий). Применение гуманистических технологий сопровождения профессиональной деятельности обеспечивает бережливый контекст работы с кадровым ресурсом. Опыт работы автора с такими технологиями в Государственном профессиональном образовательном учреждении «Новокузнецкий педагогический колледж» (г. Новокузнецк) дает основание для некоторого оптимизма в решении проблемы соотношения достижения высокого рейтинга эффективности и смысла-миссии в работе преподавателя.

Методология и методы (Methodology and methods). Целью нашего исследования была разработка и апробирование гуманистической технологии ресурсосберегающего типа для диагностики, коррекции, стимулирования процессов самореализации молодых преподавателей. Такая технология укрепляет кадровый состав, сберегает жизненные ресурсы работников (Ушаков, 2020: 106-115).

Идея самореализации оформилась в теоретических работах представителей феноменологической гуманистической психологии и социологии (К. Роджерс (Роджерс, 2000), А. Маслоу (Маслоу, 1999), В. Франкл (Франкл, 2000, 2011), К. Гольдштейн (Goldstein, 1939,1940)), которые осмыслили близкие по содержанию процессы самоактуализации, как движущие ресурсосберегающие, оздоравливающие силы личностного и социального роста. Самореализация как результат личностного самопознания рассматривается К. А. Абульханова-Славской (Абульханова-Славская,1991), И. С. Коном (Кон, 1984).

Профессиональная самореализация преподавателя – часть процесса актуализации значимых профессиональных качеств, построенного на стратегиях неадаптивного типа, предполагающая свободный выбор видов профессиональной деятельности, соотнесенный с результатами и удовлетворенностью от профессии, бережным использованием личностных, интеллектуальных, витальных ресурсов, защитой от эмоционального выгорания, усталости от требований «эффективности». Профессиональная самореализация – вид личностной самореализации человека, включающий стремление к индивидуальному саморазвитию и актуализации профессионально значимых качеств.

Мы рассматриваем самореализацию как внутреннюю свободу человека принимать решения о выборе направлений профессионального развития, возможность достижения успеха в качестве побочного продукта процессов самостановления. В проекции процессов саморазвития профессиональный успех представляется в виде баланса между социальным признанием достижений человека и его удовлетворенностью от выполнения профессиональной миссии. Такие процессы и их результаты не поддаются количественной оценке. Самореализация – это путь творческого самовоплощения, успешность которого можно оценить по внешним проявлениям,

выражающимся в социальном признании достижений человека.

Внедрение технологии поддержки процессов самореализации преподавателей (технологии «бережливого» типа) осуществлялось в три этапа. На первом этапе проводилась диагностика профессиональной самореализации молодых преподавателей колледжа. Для проведения диагностики применялся гибридный исследовательский комплекс, в основе которого лежит принцип комбинирования техник количественного и качественного анализа (Логунова, Уткина, Ковалёнок, Ушаков, 2019: 21-30). Использование гибридного комплекса позволяло решить главную проблему обработки полученных в исследовании данных – сложность перевода содержания нарративного повествования на язык измерительных средств. Возможности и особенности применения подобных гибридных исследовательских комплексов описаны в ряде научных статей (Логунова, 2014: 133-137, Logunova, Mazhenina, Nyatina, 2019: 45-49).

Группа молодых преподавателей из 8 человек была отобрана методом квотной выборки. Критерии отбора: возраст до 35 лет, высшее образование, стаж работы в системе образования не более 10 лет. Результаты включенного наблюдения и глубинного интервью, выраженные в смысловых показателях, сопоставлялись с числовыми показателями, полученными в результате анализа документов (оценочные листы преподавателей – 32 документа с 2016-2019 гг.), контент-анализа нормативно-правовых документов регионального и федерального уровней, определяющих профессиональные требования к педагогическим работникам (5 документов), экспертного опроса (представители администрации – 8 человек), анкетного опроса (студенты колледжа – 25 человек) для оценки удовлетворенности от занятий с преподавателями. После завершения всех этапов внедрения бережливой управленческой технологии сопровождения самореализационных процессов мы собрали интервью у молодых преподавателей учебных заведений г. Новокузнецка (16 учреждений среднего профессионального образования, 50 чел., 2020-2021 г.) с целью расширения эмпирической базы данных о специфике переживания самореализационных процессов и выборе поведенческих стратегий.

Представители администрации и студенты оценивали профессиональные и личные качества молодых преподавателей, которые сопоставлялись. С помощью включенного наблюдения за самореализационными процессами молодых преподавателей и глубинного интервью с преподавателями были определены индикаторы измерения процессов самореализации: смыслы понимания успеха педагогической деятельности, самооценка процесса самореализации, отношение к требованиям выполнения «количественных показателей».

Процесс самореализации преподавателей мы измеряли с помощью трех групп критериев: *социально значимые критерии* (профессиональные достижения: награды, звания, научные публикации и победы в конкурсах); *профессионально значимые критерии* (уровень профессионального мастерства, оценка руководства, отношение с коллегами, уважение студентов), *личностно-значимые показатели* (здоровье, ощущение эмоционального комфорта при выполнении профессиональных обязанностей, удовлетворённость от процесса и результата педагогической деятельности). Эти показатели распределили молодой преподавательский состав по условным уровням самореализации: средний, высокий, низкий (Ушаков, 2020: 112).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Чиновник вынужден исполнять требования менеджеров, управляющих системой учебных заведений. Рядовой преподаватель более свободен в выборе стратегий поведения. Он имеет, как минимум, две стратегии для действий в условиях возрастающей информационной и псевдоуправленческой нагрузки: адаптивная стратегия подчине-

ния требованиям и стратегия неадаптивного типа, предполагающая свободный выбор направлений профессиональной деятельности (Логунова, 2016). Адаптивные стратегии вариативны и представляют собой тактики приспособления к требованиям профессиональных стандартов. Это вынужденные стратегии достиженческого (адаптивного) типа. Выбор неадаптивных стратегий вынуждает руководителей учебного заведения маневрировать, чтобы учитывать потребности сотрудника при выполнении им профессиональных обязанностей, делает преподавателя «неудобным» или «неэффективным». Определение типологии стратегий профессионального поведения преподавателей – результат **первого (диагностического) этапа** внедрения бережливых технологий. Нами были определены следующие виды стратегий.

Стратегия обреченности на успех. Как правило, человек нацелен на реализацию ролевых ожиданий представителей референтных групп (семья, друзья, коллеги по работе, начальство), поддерживающих коллективное понимание символов успешности. Пытаясь соответствовать ожиданиям социального окружения, преподаватель превращается в «коллекционера» символов общественного признания: старается обзавестись наградами, победить в конкурсах, написать требуемое количество публикаций, – приобрести все, что учитывается при оценке его профессиональной пригодности. Такая активность вызывает положительные оценки окружающих, работает на признание в профессиональном сообществе. Ориентация на оценку делает поведение преподавателя контролируемым. Однако, накопление символов успешности приводит к неоправданным затратам жизненной энергии, профессиональному выгоранию, проблемам в личной жизни, ухудшению здоровья. Такая стратегия вынуждает человека следовать достижению целей, удовлетворяющих чужие потребности. Человек становится инструментом повышения рейтинга учебного заведения, продвижения тактик «эффективного менеджмента» системы образования. Это почти *биологический* способ адаптации к изменяющимся условиям среды.

Согласно результатам первого диагностического этапа исследования, этой стратегии следовали 3 человека. Среди их профессиональных достижений – победы в профессиональных конкурсах, награды (почётные грамоты, благодарственные письма). Эти преподаватели получили ведущие позиции за деловые качества в рейтинге администрации (8,7,6 из 8 баллов), но студенты сдержанно оценили их деловые и личные качества (4,5,6 балов из 8). Интервью с коллегами из других учебных заведений подтвердили наши гипотезы: работа «с оглядкой» на мнение руководителя негативно отражается на коллективе. *«У нас на работе сложилась просто невыносимая ситуация. Директор новый, не из образования. Уже несколько коллег уволились. Моя заработная плата падает с каждым месяцем».* Боязнь *«разочаровать начальство»* и зависимость от положительных оценок администрации учебного заведения фрустрируют личность, становятся барьерами для самореализационных процессов.

Стратегия протестной самореализации. В основе такой самореализации лежит конфликт между требованиями социального окружения и выбором личности. Самореализация в рамках данной стратегии идет за счет негативных эмоций в виде протестного поведения. Конфликтная самореализация – мучительный, но результативный процесс. Путём сложных интриг, «выбивания» того, что «заслужил непосильным трудом», манипуляций вниманием окружающих людей, человек может добиться признания своих достижений. Основной риск стратегии – утрата уважения коллег при вынужденной поддержке администрации. Преподаватели (2 чел.), придерживающиеся данной стратегии, получили противоречивые оценки: представителей администрации: профессиональные качества были оценены высоко (8,7 балов из 8), но личные качества и у администра-

ции, и у студентов получили низкую оценку (1и 2 бала из 8). Коллеги подтверждали сложность такой «прорывной» стратегии: *«Мучительный выбор цели, способов. Душераздирающая самореализация».* Включенное наблюдение показало, что преподаватели с такой поведенческой стратегией неоднозначно воспринимались педагогическим коллективом: их откровенно недолюбливали, в лучшем случае, считали «странными». В коллективе у них не выстроились дружеские связи, они жаловались на проблемы в личной жизни.

Стратегия вынужденной самореализации. Преподаватель самостоятельно выбирает направления работы, которые ему интересны, без оглядки на то, что ему диктуют сверху. Демонстрация независимости не одобряется руководством, которое старается переориентировать сотрудника на виды работы, связанные с повышением рейтинга учреждения. Оппозиционное поведение не остаётся без внимания со стороны студентов, в глазах которых преподаватель становится авторитетом. Однако, отстранённость от проблем учреждения и сохранение профессиональной самостоятельности не приводит к финансовому благополучию, снижает степень поддержки администрации. Отказ от работы, навязанной начальством, может стать аргументом в пользу урезания педагогической нагрузки и сокращения стимулирующих выплат. Это можно формально обосновать: высокие балы в оценочном листе можно заработать, участвуя лишь в рейтинговых мероприятиях. Но самостоятельное осмысление своих профессиональных приоритетов способствует приобретению нового педагогического и социального опыта, стимулирует творческий и духовный рост, «заражая» других жизненной энергией.

Данная стратегия приближает человека к поведенческим паттернам *социальной* адаптации, при которой он не просто приспосабливается к условиям среды, но и «подтягивает» среду до своего уровня, реализуя свои потребности в профессиональном творчестве. По результатам диагностического этапа исследования этой стратегии придерживались трое преподавателей. Они имели высокие достижения в профессиональной деятельности, но, практически полностью игнорировали некоторые виды педагогической работы, выполняя их формально или от случая к случаю. В рейтинге администрации эти преподаватели не завоевали высоких позиций (4,3,3 балов из 8), но студенты поставили их на первые места (8,7,6 балов из 8). Смысл самореализации эти коллеги формулировали как доверие к себе. *«Верить в себя, создавать своими действиями благоприятные условия для личной самореализации». «Я полностью реализовываюсь в своей работе, как в личностной, так и в эмоциональной, профессиональной сфере».*

Коллеги обращали внимание на опыт самореализации, результат которого – удовлетворение от работы. *«Я получил удовольствие, когда сделал законченный продукт, готовый к эксплуатации, хоть и знал, что он не будет никем использоваться». «Зал аплодировал стоя на концерте, организованном моими учениками. Самореализация – это живые эмоции. Счастье – это когда студенты говорят слова благодарности, раскрывают себя, пишут мне стихи, когда происходят перемены в головах студентов».*

Стратегия вынужденной самореализации может предполагать тактики, основанные на личностном выборе направлений профессиональной деятельности, определении смысла педагогического творчества, способствующие самораскрытию, самореализации. Переход на стратегию неадаптивного типа, которая характеризуется удовлетворенностью от профессиональной деятельности, связанной с личностным ростом, – задача второго этапа технологии сопровождения процессов самореализации.

На втором этапе применения технологии на основе полученных эмпирических данных, предоставленных администрации колледжа, было принято решение

о перераспределении нагрузки кадровых ресурсов. Решалась управленческая задача «переключения» преподавателей, использующих адаптивные стратегии профессиональной деятельности на стратегию неадаптивного типа, предполагающую освоение самореализационных техник и поведенческих тактик. Преподаватели получили возможность увидеть и проанализировать свои самореализационные процессы. Они осознали необходимость перераспределения учебной нагрузки с учётом собственных профессиональных интересов. Это позволило переформатировать структуру педагогической работы. Преподаватели самостоятельно определяли те направления в их профессиональной деятельности, которые были им наиболее интересны. Им предлагались те виды деятельности, которые не только вызывали у них интерес, но и работали на повышение рейтинга колледжа. Выстраивалась индивидуальная траектория профессиональной самореализации, определялись точки профессионального роста, которые фиксировали переход на новый этап самореализации. Такие точки представляли собой промежуточный результат, который определяли для себя молодые преподаватели в качестве профессиональной задачи и, в конечном счёте, формировали образ профессионального будущего молодых преподавателей.

Работа администрации сконцентрировалась на людях, способных выполнять показатели эффективности, а не на показателях, которые должны выполнять люди. На методических советах были определены виды педагогической работы, которые вызывали у преподавателей наибольшие затруднения. Достижение очередной точки роста рассматривалось со стороны администрации колледжа как важный профессиональный результат. Особую роль в этом процессе играла социально психологическая служба колледжа, специалисты которой помогали интерпретировать результаты анализа самореализационных процессов преподавателей. Методическая служба помогала преподавателям интегрироваться в реализацию планируемой в колледже работы. Администрация получила возможность сохранить и подтянуть преподавателей с условным низким уровнем самореализации до среднего, укрепить позиции преподавателей с условным средним уровнем и поддержать тех, кто достиг высокого уровня.

На *третьем этапе* мы увидели эффект от технологии сопровождения процесса самореализации. В интервью преподаватели отмечали, насколько важно определять векторы собственного профессионального становления. *«Я очень рад, что спокойно могу говорить коллегам, что не стремлюсь к тому, чего в принципе не хочу, что мне совсем не интересно. Я впервые занимаюсь тем, чем хочу и не боюсь, что меня за это накажут или не оценят моей работы. Мне просто вообще не нужна ничья оценка. Я раньше постоянно боролся с собой, выполняя те задачи, которые считал совсем не важными, а важные для меня дела я постоянно откладывал».* Коллеги утверждались в самооценке, в профессиональном достоинстве. *«Теперь я чётко понимаю, что не должен угождать всем. Я не должен опираться на мнение других в выборе собственной точки зрения, собственного пути, я понимаю, что я такой, какой я есть, другим я не стану. И это не делает меня хуже»*. Они оценивали свои достижения с позиции удовлетворенности от достигнутого результата, не ожидая похвалы начальства. *«Когда долго бьешься над поставленной целью, получаешь негативные отзывы со стороны коллег и начальства. Но, в конце концов, когда проделанная тобой работа, изначально не одобренная ни начальством, ни коллегами, в результате долгих доработок, вдруг, получает очень хороший отклик у студентов, понимаешь, что все не зря».*

В интервью преподаватели характеризовали управленческий процесс как сотрудничество с представителями администрации, лишённое какого-либо давления.

Они отмечали, что исчезло ощущение страха и тревоги, появилась симпатия к руководству, в котором они увидели поддержку, а не угрозу увольнения. Преподаватели говорили о появлении общих интересов с представителями администрации: *«Я считаю, что профессиональные конкурсы дают возможность показать себя, повысить своё профессиональное мастерство и предоставляют возможность карьерного роста»*.

Изменилось отношение преподавателей к неудачам в профессиональной деятельности. В группе наблюдаемых нами коллег сформировалась установка на анализ причин неудач без разочарования в себе или в профессии. Преподаватели, имеющие условный низкий уровень самореализации, больше не связывали своё будущее с уходом из системы образования, они искали пути повышения своего профессионализма. В их отношении к необходимости перемен наблюдалось понимание и желание попробовать себя в других видах профессиональной деятельности. *«Я поняла, что я устала не от работы в целом, а конкретно от этой работы! Я хочу заниматься другими проектами, и теперь я знаю какими»*.

Коллеги рассказывали, что почувствовали снижение усталости, желание больше времени посвящать самоанализу профессиональных достижений, планированию, самоменеджменту. Это отразилось в сокращении количества случаев заболеваемости среди преподавателей. Количество представленных преподавателями больничных листов за 2017 г. – 81; 2018 г. – 83; 2019 – 67. В 2020 и 2021 году анализ количества заболеваемости был осложнён в связи с пандемией.

Воспроизводимость технологии – повторение ее этапов при повторном исследовании. В этом случае заключительный этап становится снова диагностическим. По результатам повторного исследования (г. Новокузнецк, 2019-2020 гг., 8 молодых преподавателей, гибридный исследовательский комплекс) отмечены изменения в процессах самореализации у всех коллег, имевших условно средний и низкий уровень: шесть преподавателей поднялись на условный высокий уровень профессиональной самореализации, двое – с условного низкого до среднего уровня. Смена стратегий позволила им высвободить ресурсы и направить их на собственное развитие и самореализацию. Вырабатывая свое видение профессиональной деятельности без давления со стороны руководства, человек преодолевает внутренний конфликт между собственными ценностями и требованиями окружения, достигая профессиональных результатов. Человек учиться получать удовольствие от профессиональной деятельности.

Заключение (Conclusions). Самореализация в концепции бережливой управленческой технологии понимается в качестве катализатора развития личностного и профессионального роста преподавателя. Это фундамент сбережения здоровья и жизненных ресурсов преподавателя.

Результаты исследования дают основание для принятия управленческих решений, позволяющих сохранить кадровые ресурсы. Технология сопровождения процессов самореализации есть инструмент для создания условий для профессионального роста коллег. Это технология бережливого управления, сохраняющего кадровые ресурсы, повышающего их качество, технология работы понимающего менеджмента. В этом заключается гуманистическое содержание управленческих технологий, которые мы называем «бережливыми». Такой подход позволяет выстраивать работу администрации учебных заведений по достижению высокого рейтинга с учётом интересов представителей педагогического сообщества.

Сопровождение процессов самореализации преподавателей осуществляется на основе принципа невмешательства в «жизненный мир» личности. Бережливая управленческая технология поддерживает процессы профессионального самоанализа и саморефлексии, помогает осмыслить мо-

лодыми преподавателями перспективы своего профессионального пути. Этапы применения технологического цикла связаны с изучением профессиональных стратегий преподавателей, выборов направлений педагогической деятельности, перевода на более высокие условные уровни профессиональной самореализации. В процессе применения бережливой технологии проводится мониторинг изучения условий и процессов профессиональной самореализации на основе работы с гибридным методологическим комплексом, включающего качественно-количественные методики.

Список литературы

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

Гессен С. И. Основы педагогики: введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.

Донских О. А., Логунова Л. Ю. Учитель и ученик: счастье человеческого общения // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 4. С. 60-71.

Диев В. С. Управление в российском университете: цели, культура, критерии // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 77-84.

Иванов А. В., Фотиева И. В. Современное университетское образование: административно-бюрократический произвол и его следствия // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 113-128.

Илларионов Г. А., Кудашов В. И. Карнавал образования: между «макдональдсом» и традиционализмом // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 129-144.

Ибрагимов Р. Н. Институциональная эрозия науки и образования: гримасы постмодерна // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 1. С. 11-23.

Информация в управлении образованием: теоретические проблемы: коллективная монография / П. А. Бояджиева, Я. А. Воронцов, Е. Ю. Игнатьева, Н. А. Матвеева, А. А. Осипова, А. М. Осипов; под ред. А. М. Осипова, П. А. Бояджиевой; Российский научный фонд, РГПУ имени А. И. Герцена, Алт ГПУ, Петровская акад. наук и искусств. 2-е изд., исправл. и доп. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 215 с.

Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.

Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. 2016. Т. 25, № 4. С. 59-86.

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169-210.

Курленя К. М. Образование как фантасмагория // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 85-98.

Логунова Л. Ю. Социокультурные основания социальной и политической мобилизации // Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация: коллективная монография, отв. ред. Л. Л. Шпак, Кемерово: ИНТ, 2016. С. 5-51.

Логунова Л. Ю. Стратегии и техники гибридных исследовательских комплексов // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VII Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 28-29 марта 2014 г.) Белово-Велико Тырново, 2014. Ч. 4. С. 133-137.

Логунова Л. Ю., Уткина А. Н., Ковалёнок Я. Г., Ушаков Д. В. Технологии благополучия деятельности преподавателя: проблемы измерения и понимания // Artium magister. 2019. Т. 19, № 1. С. 21-30.

Маслоу А. Г. Мотивация и личность / Пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.

Ореховский П. А., Разумов В. И. Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 77-94.

Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию / Пер. с англ. Е. И. Исениной. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 416 с.

Розов Н. С. Кризис высшей школы или стагнация? От гуманитарных метафор и публицистики к веберианской политической социологии // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 99-112.

Севостьянов Д. А. Постмодернизм в образовании и системные инверсии // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 1, ч. 1. С. 52-68.

Ушаков Д. В. Измерение профессиональной самореализации молодых преподавателей // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 106-115.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 2011. 372 с.

Франкл В. Воля к смыслу. Пер. с англ. Л. Гурьева. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.

Goldstein K. The organism. N.-Y.: American Book Company, 1939. 534 p.

Goldstein K. Human nature in the light of psychopathology. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1940. 258 p.

Logunova L. Y., Mazhenina E. A., Nyatina N. V. Methods for the collection and analysis of civil initiatives to improve the life-support system // Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018). 2019. P. 45-49.

References

Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (1991), *Life strategy*, Mysl', Moscow, Russia. *(In Russian)*

Gessen, S. I. (1995), *Foundations of Pedagogy: An Introduction to Applied Philosophy*, Shkola-Press, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Donskih, O. A. and Logunova L. Yu. (2019), "Teacher and pupil: happiness of interaction", *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 28 (4), 60-71. *(In Russian)*

Diev, V. S. (2020), "Management at a Russian university: goals, culture, criteria", *Ideas and Ideals*, 12 (4), 77-84. *(In Russian)*

Ivanov, A. V. and Fotieva, I. V. (2020), "Modern University Education: Administrative and Bureaucratic Pressures and Their Consequences", *Ideas and Ideals*, 12 (4), 113-128. *(In Russian)*

Illarionov, G. A. and Kudashov, V. I. (2020), "The Carnival of Education: Between McDonald's and Traditionalism", *Ideas and Ideals*, 12 (4), 129-144. *(In Russian)*

Ibragimov, R. N. (2021), "Institutional Erosion of Science and Education: Postmodern Grimaces", *Ideas and Ideals*, 13 (1), 11-23. *(In Russian)*

Boyadzhieva, P. A., Vorontsov, Ya. A., Ignat'eva, E. Yu., Matveeva, N. A., Osipova, A. A. and Osipov, A. M. (2019), *Information in education management: theoretical problems*, in Osipova, A. M. and Boyadzhieva, P. A. (eds.), Herzen University, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Kon, I. S. (1984), *In search of self: personality and its identity*, Politizdat, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Kurbatova, M. V. (2016), "Higher Education Reform as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: the Content and the Outcomes", *Mir Rossii*, 25 (4), 59-86. *(In Russian)*

Kuleshova, A. V. and Podvoyskiy, D. G. (2018), "Paradoxes of publication activity in the field of modern Russian science: genesis, diagnosis, trends", *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, (4), 169-210. *(In Russian)*

Kurlenya, K. M. (2020), "Education as Phantasmagoria", *Ideas and Ideals*, 12 (4), 85-98. *(In Russian)*

Logunova, L. Yu. (2016), "Sociocultural foundations of social and political mobilization", in Shpak, L. L. (ed.) *Political consciousness and behavior: evolution and mobilization: a collective monograph*, Kemerovo, 5-51. *(In Russian)*

Logunova, L. Yu. (2014), "Strategies and techniques of hybrid research complexes", *Innovations in technologies and education: collection. articles. participants of the VII International Scientific and Practical Conference*, Belovo, Russia. *(In Russian)*

Logunova, L. Yu., Utkina, A. N., Kovalyonok, Ya. G. and Ushakov, D. V. (2019), "Technologies for well-being of the teacher's professional activity: problems of measurement and understanding", *Artium magister*, 19 (1), 21-30. *(In Russian)*

Maslow, A. (1999), *Motivation and Personality*, Transl. by Gutman, T. and Muhina, N., Evraziya, St. Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Orekhovskiy, P. A. and Razumov, V. I. (2020), "Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era", *Ideas and Ideals*, 12 (3), 77-94. *(In Russian)*

Rogers, K. (2000), *On becoming a person: A therapist's view of psychotherapy*, Transl. by Iseninoy, E. I., Moscow, Russia. *(In Russian)*

Rozov, N. S. (2020), "High School Crisis or Stagnation? From Humanitarian Metaphors and Journalism towards Weberian Political Sociology", *Ideas and Ideals*, 12 (4), 99-112. *(In Russian)*

Sevost'yanov, D. A. (2021), "Postmodernism in Education and System Inversions", *Ideas and Ideals*, 13 (1), 52-68. *(In Russian)*

Ushakov, D. V. (2020), "Estimating the young teachers' professional self-realization", *Research Result. Sociology and management*, 6 (1), 106-115. *(In Russian)*

Frankl, V. (1990), *Man's Search for Meaning*, Progress, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Frankl, V. (2000), *Will to sense*, Translated by Gurev, L., Aprel-Press, EKSMO-Press, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Goldstein, K. (1939), *The organism*, American Book Company, N.-Y, USA.

Goldstein, K. (1940), *Human nature in the light of psyschopathology*, Mass., Harvard University Press, Cambridge, USA.

Logunova, L. Y., Mazhenina, Ek. A. and Nyatina, N. V. (2019), "Methods for the collection and analysis of civil initiatives to improve the life-support system" *Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society*, Russia, 45-49.

Статья поступила в редакцию 22 июля 2021 г. Поступила после доработки 30 ноября 2021 г. Принята к печати 06 декабря 2021 г.

Received 22 July 2021. Revised 30 November 2021. Accepted 06 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Ушаков Дмитрий Владимирович, преподаватель Новокузнецкого педагогического колледжа, Новокузнецк, Россия.

Dmitry V. Ushakov, Senior Lecturer, Novokuznetsk Pedagogical College, Novokuznetsk, Russia.

(cc) BY

Оригинальная статья

УДК 316.334.56(571.1/.5)
DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-4

Зырянов В. В.
Одинова А. Д.

Корпоративное образование как инструмент формирования организационной культуры

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия
vvzyryanov@gmail.com

GN service (ООО «Техно Авто»)
Новоясеневский проспект, д. 6, Москва, 117574, Россия
odinovaanastasia@gmail.com

Аннотация. *Актуальность.* В современных представлениях о корпоративной культуре отмечается влияние на неё корпоративного образования. В то же время специальных исследований этого влияния в последние годы практически не предпринималось, что характеризует указанную проблематику как актуальную. *Методы.* В статье представлены результаты экспертного опроса руководителей, инициирующих образовательные процессы в своих компаниях и отслеживающих их результаты (опрошено 20 экспертов). Цель исследования – выявить факторы, формы и результаты воздействия корпоративного образования на организационную культуру современных российских компаний. Исследовательская задача также предполагает определение направлений трансформации функций корпоративного обучения в связи с тенденциями цифровизации, усиленными вынужденной адаптацией к работе в условиях пандемии. *Научные результаты.* Исследование позволило выявить ряд преимуществ компаний, практикующих регулярное обучение своих сотрудников: стабильность положения на рынке, более высокий общий уровень персонала, оперативную реакцию на требования к компетенциям работников, подготовку кадрового резерва, раскрытие потенциала сотрудников, привлечение и удержание лучших сотрудников. Опрос экспертов подтвердил положительное воздействие корпоративного образования на организационную культуру и позволил установить соответствие элементов образования формируемым ими компонентам организационной культуры. Выявлены тенденции трансформации методов корпоративного образования. Изучение вторичных источников позволило выявить риски развития корпоративной культуры, вытекающие из расширяющихся практик прекаризации труда, распространения удалённой занятости, расширения набора персонала для реализации кратко- и среднесрочных проектов. *Выводы.* Трансформация организационной структуры современных предприятий проявляется в противоречивых тенденциях. С одной стороны, наблюдается рост значимости корпоративного образования, ориентированного на формирование организационной культуры, а с другой – увеличение спроса на актуальные профессиональные образовательные программы, не привязанные к культуре конкретных организаций.

Ключевые слова: организационная культура; корпоративное образование; профессиональная подготовка; компетенции; результаты обучения

Информация для цитирования: Зырянов В. В., Одинова А. Д. Корпоративное образование как инструмент формирования организационной культуры// Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 204-214. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-4.

Original article

Vladimir V. Zyryanov
Anastasia D. Odinova

Corporate education as a tool of organizational culture development

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
vvzyryanov@gmail.com

GN Service (OOO «Tekhno Avto)
6 Novoyasenevsky Ave., Moscow, 117574, Russia
odinovaanastasia@gmail.com

Abstract. *Relevance.* Modern ideas about corporate culture note the influence of corporate education on it. At the same time, no special studies of this influence have been undertaken in recent years, which characterizes this problematic as a topical one. *Methods.* The article represents the results of an expert survey of managers who initiate educational processes in their companies and monitor their results (20 experts were interviewed). *The purpose* of the study is to identify factors, forms and results of the impact of corporate education on organizational culture of modern Russian companies. The research task also involves identifying directions for the transformation of corporate training functions in connection with digitalization trends, reinforced by forced adaptation to work in a pandemic environment. *Scientific results.* The study revealed some benefits of companies that practice regular education of their employees: stability of the market position, higher level of their staff, operative reaction on employee competency requirements, talent pool training, unleashing the potential of employees, attracting and retaining the best employees. The survey of experts confirmed the positive impact of corporate education on organizational culture and made it possible to establish the correspondence of the elements of education to the components of organizational culture formed by them. Transformation tendencies of corporate education methods were revealed. The study of secondary sources allowed to identify the risks of corporate culture development arising from the expanding practices of precarization of labor, the spread of remote work, and increased recruitment for short- and medium-term projects. *Conclusions.* The transformation of organizational structure of modern companies appears in contradictory trends. On the one hand, there is a growing importance of corporate education focused on the formation of organizational culture, and on the other hand, an increase in demand for relevant professional educational programs that are not related to the culture of specific organizations.

Keywords: organizational culture; corporate education; professional training; competences; learning outcomes

Information for citation: Zyryanov, V. V. and Odinova, A. D. (2021), “Corporate education as a tool of organizational culture development”, *Research Result. Sociology and management*, 7(4), 204-214. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-1-4.

Введение (Introduction). Трансформация социально-экономических процессов под влиянием глобализации и цифровизации меняет характер и устройство организаций. Эффективность управления персоналом становится еще более значимым фактором успеха компаний. В этой связи все чаще ставится вопрос о сплочении коллектива, работающего для осуществления единых целей и задач организации, что заметно поднимает значимость неформальных отношений между сотрудниками. На рынке труда, подверженном ломкости (Сизова, Григорьева, 2019), этот тренд актуализируется в спросе на работников, владеющих универсальными компетенциями и новыми грамотностями (Фрумин, Добрякова, Баранников, Реморенко, 2018). В этих условиях руководители компаний всё больше озабочены созданием собственной корпоративной (организационной) культуры, разделяемой работниками и служащей объединяющим инструментом, культивирующим общие ценности, взгляды, стандарты и убеждения. Каждая компания, целенаправленно формирующая корпоративную культуру, использует для этого определённое сочетание методов. В агрегированном виде обычно выделяют четыре группы методов (Мешков, 2014: 94-95): лидерство в организации, организационные (управленческие) мероприятия, социально-психологическое воздействие на сознание и поведение сотрудников. В числе методов последней группы выделяется корпоративное образование, которое помимо профессиональной подготовки, становится способом приобщения сотрудников к ценностям организации, формируя тем самым её корпоративную культуру.

Методология и методы (Methodology and methods). Интерес к концепту «корпоративная культура» стабильно отражается через освещение различных граней этой проблематики в научных изданиях по менеджменту, психологии, социологии. Сложность формирования и изучения корпоративной культуры продиктована множественностью источников её происхождения, т.к. она складывается в результате сложного сочетания самостоятельных элементов культурной среды, таких как культура труда, национальная культура, этика, эстетика, коммуникативная, правовая, профессиональная, политическая, образовательная культура (Зайцева, 2016).

Так, значительная часть работ посвящена сопряжению национальной и корпоративной культур (Крылова, Х. Сюэ, 2021), особенностям корпоративной культуры в организациях разных отраслей и сфер деятельности (Кузнецов, Аверьянова, Воробьев, Костюк, 2020), (Глаголева, Земская, Кузнецова, 2021), разработке и апробации методик диагностики корпоративной культуры (Камерон, Куинн, 2001), (Кузнецов, 2012), (Лебедева, Широнина, 2016), методам формирования корпоративной культуры (Гавриленко, 2011), (Мешков, 2014), влиянию корпоративной культуры на эффективность работы компаний (Клименко, 2017), (Александрова, Пастухова, 2021) и др. Отдельно стоит выделить работы в которых отмечены тенденции изменений корпоративной культуры в период пандемии COVID-19 (Горлова, Решетникова, 2021).

Не менее актуальной проблематикой является и корпоративное обучение. Исследователи обращаются прежде всего к содержанию корпоративного обучения, его методическим основаниям (Кузнецов, 2017) (Ярных, Макарова, Онучина, 2020), рассматривают его структуру и тенденции развития (Симакова, 2012), (Рощин Травкин, 2015); оценивают продуктивность корпоративного образования (Сухинин, Горшенина, 2013), (Анра, Ямин, 2017).

В этом ряду в дефиците оказываются работы, показывающие воздействие корпоративного образования на формирование организационной культуры (Галагузов, 2010), (Патутина, 2012) (Зайцева, 2016). Таким образом, при значительном внимании учёных и практиков к корпоративной культуре и корпоративному образованию, можно утверждать, что исследования фор-

мирования организационной культуры посредством обучения персонала по образовательным программам корпоративного обучения остаются актуальными.

Корпоративное обучение реализуется на уровнях компании, его подразделения или рабочего места, при этом выделяют такие базовые формы обучения, как внутренние семинары, тренинги и стажировки, внешние семинары и сертификационные программы, наставничество. Отдельно стоит упомянуть о самообразовании, к которому компания может стимулировать, но работник сам решает, чему, где и как обучаться. В самом общем виде корпоративное обучение – это система мероприятий, нацеленных на передачу сотрудникам знаний и навыков, способствующих наилучшему использованию человеческих ресурсов организации, достижению как целей организации, так и профессиональному и личностному росту работников. При этом речь идёт не только о формировании определенных компетенций, но и о том, что работник осознаёт свою занятость как деятельность в большом коллективе, в конкретных рабочих группах с возможностью достижения личностных целей.

Услуги развития и обучения персонала всегда оказывали специальные учреждения – факультеты, институты, центры повышения квалификации, большая часть которых не нацелена на обеспечение специального обучения работников всех уровней под конкретные задачи компании. Такое положение подвигло крупные организации создавать свои собственные корпоративные образовательные структуры – корпоративные университеты и встраивать их деятельность во внутрифирменные процессы.

Корпоративные университеты в России создавались с учётом уже сложившегося мирового опыта. Их история началась с «McDonald's», основавшим в 1961 году «Hamburger University» – центр подготовки менеджеров (Вишневская, Проскура, 2014). Во многом благодаря этому удалось унифицировать бизнес-процессы в разных уголках мира, добиться высокой мотивации сотрудников путем формирования у них «корпоративной веры» – устойчивого доверия компании, ее ценностям и принципам работы. Создание корпоративного учебного центра уже само по себе является фактором улучшения имиджа компании, т.к. свидетельствует об устойчивом финансовом положении компании, вкладывающей серьёзные средства в проект, который не даст сиюминутной отдачи, скорее нацелен на перспективу. Но прежде всего корпоративные университеты обеспечивают максимальную отдачу от реализации программ развития персонала. Такой эффект обеспечивается, во-первых, обучением на материалах компании, наработанном опыте, выявленных проблемах, апробированных процессах, во-вторых, выстраиванием на принципах непрерывного обучения, гибко и оперативно реагирующего на текущие запросы экономической конъюнктуры и проекты компании, в-третьих, трансляцией корпоративных ценностей и миссии компании, поддерживанием её традиций и базовых принципов.

Для осуществления социологической оценки особенностей влияния корпоративного образования на организационную культуру нами был проведен экспертный опрос. За его основание мы приняли недооцененность воздействия дополнительного профессионального образования на формирование организационной культуры. Опрошено 20 экспертов. Ими выступили руководители организаций, которые, с одной стороны, формируют (могут формировать) заказ на дополнительное образование сотрудников, а с другой стороны, отслеживают (могут отследить) результат такого обучения.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В воздействии корпоративного образования на организационную культуру в первую очередь следует выделить роль руководителей компаний. Именно они формулируют миссию компании и ключевые принципы корпоративной культуры, являются инициато-

рами создания корпоративных университетов и идеологами корпоративного обучения. В этой связи следует подчеркнуть, что важнейшим элементом корпоративной культуры становится культура обучения, возводящая обучение в ранг одной из главных ценностей компании.

Получение конкурентных преимуществ компаниями, делающими культуру обучения частью своей корпоративной культуры, определяется тем, что в условиях жесткой конкуренции, стремительного технико-технологического прогресса, частого изменения предпочтений клиентов, компании становятся обучающимися организациями. Образовательные практики – это тот инструмент, через применение которого компания в рамках своей организационной культуры прививает культуру обучения. Поэтому задачей руководителей становится предоставление сотрудникам максимальных возможностей для обучения, чтобы они могли постоянно осваивать новые и совершенствовать уже имеющиеся навыки, наращивать знания и быть в курсе профессиональных тенденций и разработок.

Развитие культуры, поддерживающей обучение – вложение, которое дает ощутимые преимущества для организации. Эксперты обозначили ряд выгод, получаемых такими компаниями.

- Стабильность положения на рынке. *(M_21_auto_5): «… компании, которые заняты развитием персонала, более стабильны на рынке, они имеют правильную мотивацию, не стагнируют, сейчас нельзя быть старовером, нужно развивать персонал, двигаться в ногу со временем».*

- Формирование более высокого общего уровня персонала. *(M_21_children stuff_20): «Образование – это всегда про совершенствование, про развитие, поэтому если мы занимаемся образованием работников, то мы будем заниматься и улучшением работы компании в целом, … обученный персонал – это мощный ресурс».*

- Быстрая реакция на изменения требований к знаниям и навыкам сотрудников. *(M_21_it_2): «… у нас постоянно меняется спрос на новые навыки. У нас всё очень быстро развивается и, естественно, сотрудникам постоянно нужно поддерживать уровень или узнавать что-то новое. Да, конечно, более ценятся специалисты, которые часто проходят обучение, часто проходят повышение квалификации»; (M_21_medicine_9): «… всё больше внимания уделяется мягким навыкам сотрудников, их универсальным качествам, креативности, возможности обучаться, скорости обучения сотрудников. Все эти перемены связаны с тем, что мир меняется, появляются новые формы организации, увеличивается конкурентность, организации вынуждены быть более гибкими, это и вызывает желание заняться сотрудниками, которые умеют обучаться, подстраиваться под решения новых задач».*

- Подготовка оперативного кадрового резерва. *(M_21_auto_4): «… при открытии доп. филиалов – офисов – есть готовый сильный персонал, например. Это определённо преимущество».*

- Более полное раскрытие и использование потенциала сотрудников. Известный исследователь в области управления талантами Джош Берсин выделяет меры, необходимые для создания, воспитания и удержания «умных» сотрудников: установите непрерывный цикл обучения; внедряйте новые и вдохновляющие модели лидерства, поощряющие инновации; создайте рабочее место, где работой движет энтузиазм.

По его мнению, сегодня особенно актуально не только нанимать перспективных работников, но искать возможности для реализации потенциала уже имеющихся кадров[1].

Компания с сильной культурой обучения получает действенный инструмент

[1] Джош Берсин, Bersin by Deloitte: «В большинстве компаний доступно слишком много технологий». URL: https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2018/09/06/780171-dzhosh-bersin (дата обращения: 14.09.2021)

для вовлечения и удержания сотрудников: *(M_21_it_2): «В современном мире очень многие компании предлагают различные «плюшки» для своих сотрудников и, соответственно, есть тенденции к тому, что сотрудники выбирают именно те компании, которые предлагают больше каких-то приятностей. Обучение является одной из таких «плюшек», поэтому абсолютно точно у компании, которая предлагает обучение, есть преимущество перед другими компаниями»; (M_21_auto_3): «Преимуществ масса. Самое главное – помнить, что бизнес делают люди! И, конечно же вкладываться в их развитие – обеспечить себе успех. Во-первых, текучка значительно ниже, во-вторых, как я уже сказала, - обученные сотрудники более замотивированы и эффективны – безусловно преимущество огромное, как минимум в прибыли».*

Однако кроме прямого воздействия корпоративного образования как элемента организационной культуры на повышение эффективности работников и конкурентоспособность компании, наблюдается и воздействует корпоративного образования на организационную культуру: *(M_21_material_8): «… да, сотрудники меняются, начинают воспринимать себя как что-то целое с компанией при наличии обучения, а это в целом меняет и отношение, и поведение, и желание, и культуру. Когда сотрудники видят, что их учат, они начинают осознавать свою ценность. А осознавая свою ценность – с большим уважением, интересом относиться к месту, где они работают»; (M_21_medicine_9): «Конечно, образовательные программы являются инструментом совершенствования организационной культуры компании. Под воздействием корпоративного обучения сотрудники не просто меняются, они начинают стремиться к развитию, открывать в себе новые универсальные качества, а также приобретают уверенность в себе и в своих профессиональных навыках. Это является невероятно полезным для организации и сотрудников. Однако всё зависит от того, какие образовательные программы были внедрены и какого они были качества».*

Эксперты также отмечают, что разные элементы корпоративного образования формируют конкретные компоненты организационной культуры: *(M_21_it_2): «Электронные курсы развивают в основном хардовые скилы, никакие нормы, ценности организационной культуры они не развивают поскольку они закупаются у внешних компаний, которые не пропагандируют наши внутренние организационные ценности»; (M_21_medicine_9): «… как мне кажется, корпоративные университеты, учебные центры помогают сформировать элементы корпоративной культуры, такие как ценности, нормы и традиции организации… Коучинг, тренинг, наставничество помогают формировать психологический климат и систему мотивации в организации. Электронные курсы – в большинстве своём – это язык общения, они также улучшают психологический климат и систему мотивации»; (M_21_auto_1): «Внутренние стажировки … это язык общения и ещё традиции; … коучинг – нормы, традиции, тренинг – психологический климат, система мотивации и язык общения. Также язык общения будет формировать однозначно наставничество. Кроме того, наставник конечно же влияет на психологический климат, состояние человека, которого он учит. Сертификационные программы – ценности, традиции …».*

Правда, в образовательном процессе всё-таки баланс целей обучения по большей части смещён в сторону профессиональных навыков: *(M_21_it_2): «В целом, обучение может формировать нормы организационной культуры, поскольку корпоративное обучение – это повышение уровня лояльности сотрудника. Если нам необходимо развивать нормы, ценности, традиции, психологический климат, и прочее, мы зовём тренера, который развивает нам эти качества, однако в компаниях*

это происходит очень редко, поскольку в основном прокачиваются не софт-скилы, а хард скилы для того, чтобы компания могла использовать полученные знания сотрудников в конкурентной борьбе».

Не стоит игнорировать и фактор добровольности выбора обучающимися содержания и траектории обучения. В этой связи выбор методов и траекторий обучения, как и определения конечной цели обучения представляется вариативным: *(M_21_it_2): «Опять же, какие именно образовательные программы имеются в виду. Если это программы, которые призваны развивать организационную культуру, направлены на то, чтобы сотрудники прониклись ценностями компании, её атмосферой, то да. Но нельзя считать всё остальное обучение 100%-но повышающим уровень лояльности сотрудников компании. Особенно, если выбирают за сотрудника, как это часто бывает, а если сотрудник сам выбирает обучение, тогда больше шансов, что он, во-первых, вырастет, а также захочет применять полученные знания внутри компании».*

Кроме того, эффективность образовательных программ как инструмента формирования организационной культуры напрямую зависит от того, как поддерживаются результаты обучения. В организациях, способных создать рабочую среду для обмена знаниями, сотрудники делятся идеями как естественной частью их служебной функции, а не как тем, что они вынуждены делать. По сути, организационная культура определяет формат внутрифирменного обмена знаниями, т.к. формирует представления о том, какими знаниями стоит обмениваться; определяет взаимосвязь между знаниями сотрудников и организационным знанием; устанавливает контекст для социального взаимодействия, опосредующего обмен знаниями; определяет способы и маршруты создания и распространения новых знаний по всей организации (Campbell, 2007): *(M_21_auto_3): «Всё просто… этим надо заниматься постоянно, культура существует не только в рабочее время и нуждается в регулярном внимании… В западных компаниях организационная культура – это стиль жизни, это часть системы, это целые отделы, которые занимаются «внутренней политикой», то есть разработкой, адаптацией, внедрением и анализом эффективности. Например, регулярные тимбилдинги, конференции, опросы удовлетворённости внутреннего клиента, есть корпоративные спортивные мероприятия на уровне страны (футбол), в офисах есть POS-материалы, посвящённые теме культуры».*

Пандемийная реальность последних полутора лет поставила вопрос о вероятной трансформации организационной культуры предприятий. Мнения экспертов в отношении возможных сценариев развития событий разделились. Эксперты, представляющие крупные компании со сложившейся корпоративной культурой не видят признаков изменений: *(M_21_it_6): «Я работаю в большой компании и существующая корпоративная культура разрабатывалась годами, поэтому её не могут существенно изменить быстро».*

Другие связывают изменения исключительно со сменой руководства: *(M_21_obrazovanie_13): «Если в нашей организации, то скорее нет, чем да. Она сильно изменится, когда уйдёт глава фонда».*

Большая же часть полагает, что изменения уже начались и некоторые проблемы обозначились: *(M_21_medicine_9): «В ближайшем будущем ожидаю увеличение роли человеческих ресурсов в организации, … креативных аспектов. Также, думаю, будут развиваться аутсорсинговые истории. … придётся корпорациям думать о том, как влить их в коллектив, как удалённого работника зацепить в корпоративную культуру…».*

Однако в контексте расширения практик удалённой занятости корпоративное обучение претерпевает ряд изменений, не способствующих укреплению корпора-

тивной культуры. Так, исследователи[1][2] выделяют следующие тренды:

- дальнейшая цифровизация обучения, по сути, уход корпоративного обучения в онлайн;
- рост количества и разнообразия курсов;
- рост востребованности Digital-навыков;
- развитие стриминговых сервисов;
- партнерство с компаниями;
- превращение переобучения в постоянный процесс (life long learning, цифровая трансформация и гибкие навыки);
- сокращение сроков обучения и концентрация на конкретных навыках;
- сокращение времени на оценку квалификаций.

Обнаруженные изменения ограничивают возможности для поддержания непосредственного взаимодействие между сотрудниками, общение все больше становится виртуальным, сокращаются возможности личного воздействия руководителей на сотрудников: *(M_21_auto_18): «… мне кажется корпоративное обучение стало более популярной темой…»; (M_21_it_6): «…корпоративное обучение в последнее время в 90%-х случаев переходит в онлайн формат. Это главное изменение. Даже занятия с бизнес-тренерами происходят в онлайне»; (M_21_sells_15): «Да, это массовизация онлайн-обучения, обучение с помощью программ и приложений».*

Отмеченные тренды корпоративного образования, не могут не отражаться на тактических целях и организационной культуре компаний[3]:

- Skill-improvement, с одной стороны, компании борются за профессиональных специалистов, с другой – могут находить сотрудников по всему миру пользуясь онлайн-возможностями, что поднимает требования к работникам: *(M_21_marketing_17): «… сейчас все хотят видеть эффективных, адаптивных сотрудников, которые дают новые интересные идеи, готовы работать на результат…».*
- Self-made model, меняется отношение между работником и компанией: эксперты отмечают, что они становятся более свободными, организации всё меньше стараются жестко привязывать всех сотрудников к своим рабочим местам: *(M_21_sells_15): «… тенденции на частичное самоуправление, большую свободу для сотрудников могут затронуть и большую часть российских компаний…».*

Меняется роль корпоративных университетов, что связано с ее современной направленностью на персонализацию, на помощь в понимании сотрудниками своих hard и soft skills, превращая корпоративный университет в исследователя лучших практик и решений.

Заключение (Conclusions). Исследование выявило новые возможности и риски формирования организационной культуры. Сегодня её совершенствование рассматривается руководителями как необходимость, поскольку люди хотят работать в компаниях, которые позволяют им поддерживать баланс между рабочей и личной жизнью, а организации, которые придают значение организационной культуре, повышают свою эффективность, в том числе, и посредством кадровой стабильности. В последние десятилетия компании при формировании организационной культуры особое внимание уделяют образовательным инструментам, что вытекает как из роста требований к сотрудникам, так и из

[1] Университет Синергия. Топ-5 трендов бизнес-образования в 2021 году. URL: https://synergy.ru/times/byit/trendyi/top_5_trendov_biznes_obrazovaniya_v_2021_gody (дата обращения: 07.10.2021)

[2] Talent Tech. 6 трендов, которые прямо сейчас меняют корпоративное обучение. URL: https://blog.talenttech.ru/corporate-education-trends (дата обращения: 27.09.2021)

[3] РБК тренды. Все лишнее отвалится: как меняется корпоративное обучение после пандемии. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/cmrm/5ef9df759a79472436a51885 (дата обращения: 27.09.2021)

изменений в понимании обучения, которое приобрело статус непрерывного процесса.

Корпоративное обучение двояко связано с организационной культурой: с одной стороны, оно на ней основывается, а с другой - выступает в качестве инструмента её формирования. Базовым инструментом реализации организуемого компаниями образования в последние годы стали корпоративные университеты, выступающие инструментом культивирования корпоративной культуры компаний путем передачи ее традиций и формирования преемственности. Именно тесные корпоративные связи конструктивно проявили себя в период пандемии, позволив многим компаниям сохранить работоспособность и эффективность[1].

В то же время возрастание требований к работникам стимулирует и компании, и самих работников к постоянному мониторингу инноваций и образовательных программ, позволяющих их осваивать. Проблема в том, что эти профессиональные программы не привязаны к культуре конкретных организаций. Кроме того, нарастающее распространение практик удалённой занятости, набора персонала под кратко- и среднесрочные проекты, процессы прекаризации труда размывает корпоративные устои, атомизирует рабочую силу.

Трансформация организационной структуры современных предприятий протекает через действие противоречивых тенденций. С одной стороны, подтверждается значимость корпоративного образования, ориентированного на формирование организационной культуры, а с другой – увеличивается виртуальная мобильность рабочей силы, спрос на онлайн обучение толерантное к корпоративной культуре.

[1] Khodorovskaya E. Команды 2021: что изменилось в корпоративной культуре в нынешних реалиях. URL: https://vc.ru/hr/272647-komandy-2021-chto-izmenilos-v-korporativnoy-kulture-v-nyneshnih-realiyax (дата обращения: 14.10.2021)

Список литературы

Александрова А. И., Пастухова А. Д. Управление знаниями и корпоративная культура как инструмент повышения конкурентоспособности компании // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2021. № 2. С. 125-133. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-2-125-133.

Анра Ю., Ямин М. Взаимосвязи между организационной культурой, лидерством, мотивацией к достижениям и результативностью университетских преподавателей // Форсайт. 2017. Т. 11, № 2. С. 92-97. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.92.97.

Вишневская А., Проскура Е. История создания корпоративных университетов // Корпоративные Университеты. 2014. № 50.

Гавриленко О. В. Управление компанией: особенности формирования корпоративной культуры // Лизинг. 2011. № 8. С. 43-51.

Галагузов А. Н. Корпоративная культура и корпоративное образование // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 7. С. 62-68.

Глаголева А. В., Земская Ю. Н., Кузнецова Е. А. От корпоративной культуры вуза до корпоративной культуры глобального университета на примере РУДН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29, № 1. С. 64-75. DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-1-64-75

Горлова Е. В., Решетникова Н. С. Развитие корпоративной культуры в период распространения COVID-19 на примере американского общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1(66). С. 138-143. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-138-143.

Зайцева С. П. Развитие корпоративной культуры нефтегазовой компании на основе использования ресурсов учебного центра профессионального образования (на примере ОАО Сургутнефтегаз») // Образование и наука. 2016. № 1(8). С. 38-51. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-8-38-51

К вопросу формирования корпоративной культуры будущих строителей / В. В. Кузнецов, Е. В. Аверьянова, В. К. Воробьев, Д. Д. Костюк // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 5 (228). С. 107-113.

Камерон К. С., Куинн Р. Э. Диагностика и измерение организационной культуры / пер.

с англ. под ред. И. В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001. 320 с.

Клименко С. С. Влияние организационной культуры на организационную эффективность // Менеджмент социальных и экономических систем. 2017. № 4. С. 70-76.

Крылова М. Б., Сюэ Х. Китайский взгляд на классификацию корпоративной культуры // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2021. № 9. С. 14-20.

Кузнецов В. В. Корпоративное образование: содержание и сущность // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1, № 1 (35). С. 51-60.

Кузнецов А. А. Параметризация корпоративной культуры в системе корпоративного управления // Основы экономики, управления и права. 2012. № 1(1). С. 84-87.

Лебедева Н. Ю., Широнина Е. М. Основные практические технологии диагностики организационной культуры // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12. Ч. 3. С. 767-771.

Мешков А. Ю. Группы методов формирования корпоративной культуры // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2014. Т. 6, № 4. С. 92-102.

Патутина Н. А. Корпоративное образование как средство освоения корпоративного опыта // Управление корпоративной культурой. 2012. № 4. С. 264-273.

Рощин С. Ю., Травкин П. В. Дополнительное профессиональное обучение на российских предприятиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26). С. 150-171.

Сизова И. Л., Григорьева И. А. Ломкость труда и занятости в современном мире // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 1. С. 48-71. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6279

Симакова А. А. Корпоративное образование в российских компаниях // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 166-181.

Сухинин В. П., Горшенина М. В. Корпоративное обучение как фактор повышения конкурентоспособности организации // Вестник Самарского государственного технического университета. 2013. № 1(19). С. 179-185.

Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И. Д. Фрумин, М. С. Добрякова, К. А. Баранников, И. М. Реморенко. М.: НИУ ВШЭ. 2018. 28 с.

Ярных В. И., Макарова Н. Я., Онучина К. К. Интегрированные подходы к формированию модели корпоративного образования // Управление образованием: теория и практика. 2020. № 3(39). С. 11-18.

Campbell M. J. Identification of Organizational Cultural Factors That Impact Knowledge Sharing. 2009.

References

Aleksandrova, A. I. and Pastukhova, A. D. (2021), “Knowledge management and corporate culture as a tool to enhance the competitiveness of a company”, *Scientific journal NRU ITMO. Scientific journal NRU ITMO*, (2), 125-133. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-2-125-133. *(In Russian)*

Anra, Y. and Yamin, M. (2017), “Relationships between Lecturer Performance, Organizational Culture, Leadership, and Achievement Motivation”, *Foresight and STI Governance*, 11 (2), 92-97. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.2.92.97 *(In Russian)*

Vishnevskaya, A. and Proskura, E. (2014), “History of the creation of corporate universities”, *Corporate Universities*, (50). *(In Russian)*

Gavrilenko, O. V., (2011), “Company management: features of corporate culture formation”, *Lizing*, (8), 43-51. *(In Russian)*

Galaguzov, A. N., (2010), “Corporate culture and corporate education”, *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (7), 62-68. *(In Russian)*

Glagoleva, A. V., Zemskaya Yu. N. and Kuznetsova, E. A. (2021), “From corporate culture of a university to corporate culture of a global university on the example of RUDN”, *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*, 29 (1), 64-75. DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-1-64-75 *(In Russian)*

Gorlova, E. V. and Reshetnikova, N. S. (2021), “Development of corporate culture during the spread of COVID-19 on the example of American society”, *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, (1), 138-143. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-138-143. *(In Russian)*

Zaitseva, S. P. (2016), “The development of corporate culture of gas company based on the use of resources of training centre of vocational education (on the example of OJSC «Surgutthefte-

gaz»)", *The Education and science journal*, (1), 38-51. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-8-38-51 *(In Russian)*

Kuznetsov, V. V., Averyanova, E. V., Vorobev, V. K. and Kostuk, D. D. (2020), "On the issue of forming a corporate culture of future builders", *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 107-113. *(In Russian)*

Cameron Kim S. and Quinn Pobert E. (2001), *Diagnosing and Changing Organizational Culture*, Transl. by Andreeva, I. V. (ed.), Piter, St.-Petersburg, Russia. *(In Russian)*

Klimenko, S. S. (2017), "Impact of organizational culture on organizational performance", *Menedzhment sotsialnyh i ekonomicheskih sistem*, (4), 70-76. *(In Russian)*

Krylova, M. B. and Sjuje H. (2021), "Chinese view of the classification of corporate culture", *Vestnik fakulteta upravlenija SPbGJeU*, (9), 14-20. *(In Russian)*

Kuznetsov, V. V. (2017), "Corporate education: content and essence", *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, (1), 51-60. *(In Russian)*

Kuznetsov, A. A. (2012), "Parametrization of corporate culture in the corporate governance system", *Osnovy ekonomiki, upravlenija i prava*, (1), 84-87. *(In Russian)*

Lebedeva, N. Yu. and Shironina, E. M. (2016), "Basic practical technologies for diagnosing organizational culture", *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 12(3), 767-771. *(In Russian)*

Meshkov, A. Yu. (2014), "Groups of methods of corporate culture formation", *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*, 6 (4), 92-102. *(in Russian)*

Patutina, N. A. (2012), "Corporate education as a means of mastering corporate experience", *Upravlenie korporativnoy kulturoy*, (4), 264-273. *(In Russian)*

Roshhin, S. Yu. and Travkin, P. V. (2015), "Additional vocational training at Russian enterprises", *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, (2), 150-171. *(In Russian)*

Sizova, I. L. and Grigoreva, I. A. (2019), "The fragility of labor and employment in the modern world", *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 25 (1), 48-71. DOI: https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6279 *(In Russian)*

Simakova, A. A. (2012), "Corporate education in Russian companies", *Vestnik Instituta sotsiologii*, (4), 166-181. *(In Russian)*

Sukhinin, V. P. and Gorshenina, M. V. (2013), "Corporate training as a factor in increasing the competitiveness of the organization", *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (1), 179-185. *(In Russian)*

Frumin, I. D., Dobryakova, M. S., Barannikov, K. A. and Remorenko, I. M. (2018), *Universal competences and new literacy: what to teach today for tomorrow's success. Preliminary Findings of the International Report on Trends in School Transformation*, HSE University, Moscow, Russia. *(In Russian)*

Yarnykh, V. I., Makarova, N. Ya. and Onuchina, K. K. (2020), "Integrated approaches to the formation of a corporate education model", *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*, (3), 11-18. *(In Russian)*

Campbell, Michael J. (2009), *Identification of Organizational Cultural Factors That Impact Knowledge Sharing*.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2021 г. Поступила после доработки 20 ноября 2021 г. Принята к печати 02 декабря 2021 г.

Received 30 September 2021. Revised 20 November 2021. Accepted 02 December 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Зырянов Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Vladimir V. Zyryanov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Одинова Анастасия Дмитриевна, Бренд-маркетолог GN service (ООО «Техно Авто»), отдел маркетинга, Москва, Россия.

Anastasia D. Odinova, Brand-marketer, GN Service, Marketing Department, Moscow, Russia.